

Библиотека альманаха «МЕЩЕРА-край»

С.С. Михайлов

СТАРОВЕРИЕ ЕГОРЬЕВСКОГО КРАЯ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА Егорьевского уезда Рязанской губернии в XIX–XX вв.

К 130-летию постройки
Егорьевского Георгиевского старообрядческого храма

Москва

Русская деревня
АИРО-XXI

2013

Михайлов С.С. Староверие Егорьевского края: Старообрядческие общества Егорьевского уезда Рязанской губернии в XIX–XX вв. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. 254 с. ISBN 978-5-91022-167-7. (АИРО – Рос. провинция, вып. 4)

В книге исследуются религиозная, бытовая и общественно-политическая стороны жизни староверов Егорьевского уезда на протяжении двух веков. Много места и внимания уделяется идеологической эволюции старообрядческих обществ и их непростым взаимоотношениям с властями. Положенные в основу исследования архивные материалы дополнены устноисторическими сведениями, записанными во время экспедиционных поездок автора в Егорьевск и егорьевские окрестности.

СЕРИЯ «АИРО – РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ». Выпуск 4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. Является ли Егорьевский край частью Гуслиц?	8
ГЛАВА II. Старообрядчество Егорьевского края в XIX–XX вв.	18
ГЛАВА III. Старообрядчество города Егорьевска в начале XX столетия	54
ГЛАВА IV. Старообрядческий храм во имя великомученика Георгия Победоносца в городе Егорьевске	90
Глава V. Старообрядческий Георгиевский храм в селе Алёшине во второй половине XX века	120
ГЛАВА VI. Старообрядческие моленные и общества Егорьевского уезда в XIX–XX веках	140
1. Старообрядческая моленная в деревне Акатово	140
2. Старообрядческая моленная в деревне Агрызково	148
3. Старообрядческая моленная в деревне Русанцево	155
4. Старообрядческая моленная в деревне Соколово	163
5. Старообрядческая моленная в деревне Тимшино	167
6. Старообрядческая моленная в деревне Новопоселки (Новые Поселки)	169
7. Старообрядческие моленные в деревнях Угорной Слободе и Комлево	174
8. Старообрядческие моленные в деревне Поповке (ныне поселке Октябрьское Коломенского района)	187
9. Старообрядческие моленные в других селениях Егорьевского уезда	203
10. Старообрядческий монастырь-скит близ селений Тимшино и Дмитриевцы	212
ПОСЛЕСЛОВИЕ	215

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Опись строения и имущества, предназначенного для отправления религиозных обрядов Георгиевской старообрядческой церкви г. Егорьевска	218
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Жизнь Егорьевского общества на страницах журнала «Старообрядческая мысль»	225
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Из дела о регистрации общины	236
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	240
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	244
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лесистый Егорьевский край (в границах бывшего Егорьевского уезда) ныне считается одним из самых нетронутых и привлекательных для отдыха уголков Московской области. К сожалению, географическая целостность этого края в советский период была нарушена неоднократными изменениями административного деления. Местности, которые с конца XVIII по начало XX в. составляли единый Егорьевский уезд, сейчас разделены множеством районных и областных границ. В настоящее время основная часть территории уезда принадлежит Егорьевскому и Шатурскому, а небольшие оставшиеся участки – Орехово-Зуевскому и Коломенскому районам Подмосквья. Кроме того, маленький фрагмент Егорьевской земли, где находится древний погост Николо-Ялмонть, относится теперь к Клепиковскому району Рязанской области*.

Следует отметить, что до мая 1922 года Егорьевский уезд входил в Рязанскую губернию и, наряду с Касимовским и северной половиной Рязанского уезда, составлял ее мещёрскую часть. Население последней культурно-этнически отличалось от губернских южан, и именно благодаря её плотникам-отходникам возникло известное прозвище «рязань косопузая».

Сам Егорьевск стал городом в 1778 году. До этого здесь с XV столетия находилось село Высокое (или, по стоявшему здесь исстари Георгиевскому храму, село Егорий Высокий). Село являлось центром Высоцкой волости, принадлежавшей в XVI в. московскому кремлевскому Чудову монастырю. Изначально Егорьевск выглядел как типичный захолустный уездный центр, однако в 1845 году бывшие крестьяне Хлудовы, выходцы из подгородной деревни Акатово, основали на южной городской окраине за речкой Гуслиянкой ткацкую фабрику. Фабрика положила начало быстрому экономическому росту Егорьевска. В 1900-е годы он уже имел десятки заводов, из которых крупнейшими были предприятия упомянутых Хлудовых и уроженцев деревни Корниловской Бардыгиных. С последними связано культурное развитие города. При Никифоре Михайловиче Бардыгине, который на протяжении 1872–1902 годов избирался егорьевским городским головой, центр города обрел примерно тот вид, который имеет и сейчас. Сын Н.М. Бардыгина Михаил в 1911 году на основе семейных коллекций создал в Егорьевске замечательный

* Ранее, до учреждения Екатериной II Рязанского наместничества, земли будущего Егорьевского края относились к древним Коломенскому, Владимирскому и Переяславль-Рязанскому уездам.

музей, работающий до сих пор. Представители обеих фамилий, по крайней мере в XIX столетии, относились к официальному православию, однако происходили из сёл и деревень, где помимо никониан имелось и старообрядческое население. К примеру, в Акатове вплоть до середины XX века существовала мощная старообрядческая община. Очень вероятно, что и Хлудовы, и Бардыгины ранее считались староверами и перешли в господствующую церковь незадолго до основания собственных предприятий.

Егорьевские общества старообрядцев, известные с XVIII столетия, сформировались под влиянием соседних центров староверия: города Коломны и местности Гуслицы (Богородского уезда Московской губернии). Поэтому неудивительно, что два основных и самых крупных егорьевских старообрядческих «угла» были расположены рядом с этими центрами. Первый «угол» находился на северо-западе уезда, вокруг самого Егорьевска, и являлся как бы анклавом мощной старообрядческой провинции с ядром в гуслицких селениях. (Старожилы некоторых местных деревень в XX столетии ещё помнили, что их предки переселились из Гуслиц.) Ко второму «углу» следует отнести населенные пункты официальных Маливского и Макшеевского приходов. Они располагались ближе к Коломне, и в настоящее время их территория входит в Коломенский район Подмоскovie.

Мы сейчас можем лишь предполагать, к каким старообрядческим обществам принадлежали жители Егорьевского края изначально. Однако в силу географической близости к московскому Рогожскому кладбищу, большинство староверов города и уезда уже в середине XIX века следовали поповскому белокрыницкому согласию. Беспоповцы сохранялись здесь в виде небольших, разбросанных по нескольким селениям групп.

На рубеже XIX–XX столетий егорьевское белокрыницкое старообрядческое общество считалось одним из влиятельнейших в России. Среди его членов было немало богатых купцов и торговцев (Князевы, Лежневы, Брёховы и др.). В городе жили авторитетные старообрядческие начетчики, участвовавшие в спорах о вере с миссионерами официальной церкви. Здесь же работал выдающийся старообрядческий книготорговец и фотограф, выходец из деревни Гостилово Бронницкого уезда Московской губернии Никифор Дмитриевич Зенин. Он известен как автор множества снимков, связанных с историей русского старообрядчества, включая и галереи старообрядческих деятелей начала XX века. С 1910 года Зенин принимал участие в издании журнала «Старообрядческая мысль», где

было опубликовано немало его статей и материалов. В начале XX века (в 1907 году) была учреждена Рязанская и Егорьевская старообрядческая епархия, первым и последним главой которой являлся известный белокрыницкий духовный деятель епископ Александр (Богатенков).

В этой книге будет рассмотрена история старообрядчества города Егорьевска и Егорьевского уезда во второй половине XIX – начале XX в. Работая над текстом, автор использовал материалы Государственного архива Рязанской области (ГАРО), Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМа), Центрального архива города Москвы (ЦАГМа), статьи, напечатанные в старообрядческой периодике (журналах «Церковь», «Слово Церкви», «Старообрядческая мысль»), публикации «Рязанских епархиальных ведомостей», «Миссионерского сборника» и другие источники. Кроме того, в 1990-е – начале 2000-х гг. автору довелось пообщаться с некоторыми коренными жителями егорьевских старообрядческих селений, от которых были получены весьма ценные для настоящего издания сведения.

К сожалению, многие историко-краеведческие аспекты егорьевской жизни в ходе подготовки книги изучить не удалось. К ним относится, например, история старообрядческого хозяйства и экономической кооперации староверов Егорьевска и Егорьевского уезда, которую следует признать отдельной темой, требующей кропотливого исследования. Такими же самостоятельными темами являются биографии многих деятелей егорьевского староверия, генеалогия старообрядческих семейств, история связей с обществами других регионов. Эти и иные сюжеты автор надеется разработать в следующих публикациях.

ГЛАВА I

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЕГОРЬЕВСКИЙ КРАЙ ЧАСТЬЮ ГУСЛИЦ?

Начать свое повествование о старообрядчестве Егорьевского уезда Рязанской губернии мы решили с рассмотрения довольно важного с нашей точки зрения вопроса. Он касается того, можно ли считать Егорьевск и окружающую его местность частью известного в прошлом края – Гуслиц. В последнее время от уважаемых исследователей да и «знатоков-патриотов» можно услышать, что Егорьевск не просто часть Гуслиц, а даже их центр.

Егорьевск конца XVIII века. Рисунок из книги И.Ф. Токмакова «Историко-статистическое описание г. Егорьевска» (М., 1901)

Некоторые авторы, прежде всего дотошные краеведы, впадают в другую крайность, признавая Гуслицами, вернее Гуслицей, исключительно территорию одноименной волости. Эти исследователи, опираясь только на документальные источники, напрочь игнорируют тот факт, что когда волость Гуслица была упразднена, название не исчезло, а наоборот, закрепилось за более обширным краем. Жители этого обширного Гуслицкого края имели четкое гуслицкое самосознание и противопоставляли себя жителям других регионов, пусть даже соседних и одноверных. Еще в XX столетии можно было услы-

шать, как гусянки именовали всех негусяков «степными», или «степью». Причем под «степью» подразумевались не только выходцы из лесостепной полосы, но и уроженцы Тверской и прочих куда более лесных, нежели Гуслицы, территорий.

Когда же появился на свет миф о том, что нынешний город Егорьевск (прежнее село Егорий Высокий) был частью волости Гуслицы, и мало того, даже ее центром? Выявить автора, который первым додумался до этого, нам пока не удалось. Но произошло это относительно давно. Если взять «Памятную книжку Рязанской губернии» на 1914 год, то, открыв начало раздела, посвященного Егорьевску и его уезду, можно прочесть следующее: «Егорьевск сделан уездным городом в 1778 г. В XVI веке на его месте была расположена деревня Высокая, входившая в состав Гуслицкой волости, принадлежавшей знатному боярскому роду Бакота. В 1568 г. Иван Грозный подарил Гуслицкую волость Чудову монастырю. В д. Высокой сооружен был храм св. Георгия, и село стало называться Егорьем Высоким до времени преобразования его в уездный город»¹. Здесь любой человек, мало-мальски знакомый с историей и волости Гуслицы, и города Егорьевска, сильно задумается. Нам ничего не известно ни о какой деревне Высокой, поскольку при самом первом упоминании в 1462 году будущий Егорьевск уже назван Высоким селом.

Однако те же сведения о деревне и ее «вхождении» в Гуслицу встречаются у историка-краеведа И.Ф. Токмакова, автора многочисленных очерков об отечественных храмах, монастырях, городах и селах. Токмаков работал в архиве Министерства иностранных дел и всегда отличался дотошностью в деле изучения архивных документов. Посему имеющиеся у него в книге о Егорьевске строки мягко говоря удивляют. Он пишет: «По свидетельству историков, основанному на древних архивных актах, на месте нынешнего Егорьевска в XVI веке существовала деревня Высокая, входившая в состав Гуслицкой волости, принадлежавшей боярскому роду Бяконты, но подаренной в 1563 г. царем Иваном Васильевичем Московскому Чудову монастырю...»². Что это за историки и древние архивные акты, Токмаков не поясняет.

Напомним, что волость Гуслица стала документально известна задолго до упоминания о селе Высоком; о вхождении в ее состав указанного села нет ни одного достоверного архивного документа. Тем не менее, опубликованный И.Ф. Токмаковым текст на основе неизвестного нам сомнительного источника или, возможно, высказанной кем-то догадки стал кочевать из книги в книгу³. В своем труде «Мы – егорьевцы»

современный егорьевский исследователь-краевед В.И. Смирнов касается попыток включить «деревню Высокую» в состав Гуслицкой волости и проводит их небольшой анализ⁴.

Стоит отметить, что изначально обе волости: Высоцкая и Гуслица были дворцовыми. Впоследствии Гуслица стала отдаваться частным владельцам, а Высоцкая, о чём, кстати, пишет и Токмаков, была передана Чудову монастырю. Гуслица, за исключением селения Ащерино, монастырской вотчиной никогда не была. Краевед В.И. Бурмистров, исследовав имеющуюся литературу по истории города и края, включая книгу Токмакова и «Памятную книжку Рязанской губернии» на 1914 год, подошел к работе весьма аккуратно и «гуслицкому» мифу не поддавался⁵. В.И. Смирнов, также немало времени посвятивший разбору архивных материалов, отмечал: «Утверждение о том, что с. Высокое входило в состав Гуслицкой волости, документально ничем не подтверждается. Более того, мы знаем, что Высокое со времени его первого упоминания входило в Коломенский уезд, который до 1301 г. принадлежал Рязани, в то время как Гуслица во времена Ивана Калиты была сформирована на землях Владимирского княжества (она и передавалась по традиции женам или детям тех князей, которые получали уделы на Владимирской земле)»⁶. Что же касается подлинных, сохранившихся в архивах актов, то В.И. Смирнов включил их в свою вторую книгу «Мы – егорьевцы» (М., 2003)⁷.

Появление егорьевского-гуслицкого мифа возможно каким-то образом связано со старинным неофициальным названием местности, окружавшей нынешний Егорьевск. В начале XX столетия это название по всей видимости уже не использовалось и было забыто. Его дошедший до 1880-х гг. вариант *Туглицы* по своему звучанию очень напоминает *Гуслицы*. При работе с подшивками газеты «Московский листок» за 1880-е годы мне неоднократно попадались заметки, в которых фигурировал непонятный топоним. Поначалу казалось, что это либо опечатка, либо неправильная подача далеким от специфики края автором правильного названия Гуслиц. Однако корреспонденты «Московского листка» обычно хорошо разбирались в особенностях гуслицкой жизни. В заметках же, где упоминались Туглицы, речь шла исключительно об окрестностях г. Егорьевска. В одной из заметок *Туглицы* были прямо названы «фабричной местностью в Егорьевском уезде Рязанской губернии»⁸. Поскольку Туглицы и Гуслицы легко перепутать, именно это, скорее всего, и произошло, когда об обширном крае на стыке двух губерний, вклю-

чавшем в себя ряд сложившихся микрорегионов, стали писать сторонние авторы⁹.

Многие исследователи, включая того же В.И. Смирнова, признают за Гуслицами, вернее за Гуслицей (как называлась древняя волость), исключительно территорию волости административной. Причем подобная точка зрения бытовала и в прошлом. В небольшой книге И. Ордынского «Раскол и благотворительность в Гуслице» под Гуслицей подразумевается только собственно волостная территория, а вошедший позже в состав края Заход (ранее – Заохот), упоминается как соседняя местность¹⁰. По нашему мнению, это не совсем верно. Ниже мы попытаемся определить границы истинной Гуслицы или, другими словами, выяснить, какие поселения входили в указанную историко-этнографическую область.

Тот же Ордынский в работе «О народных названиях местностей Московской губернии» приводит список селений, которые входили в состав волости Гуслицы к середине XVIII века, после объединения деревень Ульянино и Незденово в Степановку, а Андреево и Чанниково – в Абрамовку. Вот этот список полностью: Алексеевская, Внуковская (Внуково), Давыдовская, Круглая (Круглово), Костенево, Мосягино, Пичурино, Поминово, Слободищи, Сенькино, Старово (Старая), Столбуново, Чичево, Чолхово (Чёлохово), Цаплино, Юрятино, Беззубово, Барышево, Панкратовская, Зевнево, Игнатово, Ботогово, Иванищево, Шувое, Нареево, Гридино, Устьяново, Абрамовка, Степановка, Богородское, Заполицы, Титово, Мисцево, Понарино, Петрушино, Селиваниха, Дорховская (Дорхово), Ащерино, Авсюнино, Беливо, Куровская, Заволенье (Ордынский, ссылаясь на результаты первой ревизии, упоминает, что с ней слилась еще одна деревня Старая), Новая (Новинка)¹¹. В этом списке нет существовавших в то время населенных пунктов: д. Максимовской (рядом с Давыдовской), Пищёво (рядом с Мосягино), Мальково, Горшково (рядом с Чёлохово и Панкратовской), Анциферово, Яковлевской, с. Хотейчи, а также самого центра волости Гуслицы – Ильинского Погоста. На разных этапах в волость входили и другие селения. Недалеко от Ильинского Погоста и деревни Поминово какое-то время жила деревня Севостьяново, по которой небольшая соседняя речка даже именовалась Севостьянихой. В лесу между деревнями Иванищево и Ботогово до наших дней сохранилась пустошь Полуэктово, обозначающая место, где когда-то находилась одноименная деревня.

В исторические неофициальные Гуслицы XIX – начала XX в. помимо селений волости вошел ряд местностей к северу и западу. Это

не имеющая какого-то народного названия часть поздней Карповской волости Богородского уезда: Смолево, Молоково, Асташково, Лупаково и др., а также очень интересные в этнографическом отношении «углы». Прежде всего, это уже упоминавшийся Заход (Заохот) и Запонорье (Запонорщина), составлявшие основу поздней Запонорской волости Богородского уезда Московской губернии.

Невзирая на крайнее расположение, Заход и Запонорье являлись наиболее «гуслицкими» по своей специфике. Жители этих «углов» активно занимались гуслицкими тайными промыслами, прежде всего разбоем. В Егорьевске широко известно выражение «без Захода нет Гуслиц», а криминальный облик всей местности характеризует замечательная поговорка: «Вор не кто гусяк – а кто запонорец».

С определением границ Захода также имеются трудности. От некоторых местных уроженцев, проживавших относительно далеко, мне доводилось слышать, что Заход тянется из района Куровской куда-то в сторону Дрезны и Павловского Посада. Жители Павловского Посада, центра исторической местности Вохны, Заход помещали в окрестностях Давыдова, ближе к Ильинскому Погосту. О точных границах этого микрорегиона они также не знали, хотя о заходцах были наслышаны, считая их людьми сомнительными, хитрыми, нечестными и т.п. На деле в Заход входило всего шесть селений: Давыдово, Ляхово, Елизарово, Барская, Гора и Костино. Это подтверждается рассказами старожилов как самого Захода, так и ближайших к нему населенных пунктов, к примеру деревень Анциферово и Яковлевской.

Ещё один эпизод истории об определении границ связан с епархиальными противораскольничьими миссионерами. Заход и его нравы были, разумеется, им хорошо известны, но, будучи людьми пришлыми, они записали в него всю административную Запонорскую волость, включая деревни собственно Запонорья (Запонорщины) и, кроме того, деревни, входившие в волость Гуслицу: Куровскую, Беливо, Заволенье, Анциферово и Яковлевскую¹². Анонимный же корреспондент газеты «Московский листок», бывший явно в курсе всех гуслицких дел, в 1884 году дал определение заходских границ куда более точно, правда добавив к «верным» шести деревням еще и д. Яковлевскую¹³.

Запонорьем же, или Запонорщиной, прежде именовалась северная часть административной Запонорской волости, включавшая селения, расположенные по реке Понорь и за ней. Фактически это и была северная оконечность поздних Гуслиц. Название края сов-

падало с названием его «столицы» – села Запонорье – которое, однако, располагалось не по центру, а в крайнем западном углу этой местности. Корреспондент «Московского листка» в 1883 году дает следующее определение границ Запонорья: деревни Радованье, Запрудино, Глебово, Стенинская (Стенино), Дубровка (Дуброво), Загрязская, Смолево, Новое (Новинка), Ненилово и само село Запонорье¹⁴. Деревню Новое мы встречали в волостных гуслицких списках середины XVIII века, остальные селения вошли в исторические Гуслицы позже.

Еще в конце XX столетия старожилы практически всех гуслицких микрорегионов, за исключением нескольких деревень в юго-западном углу края – Чёлохово, Панкратовской и Горшково – сохраняли гуслицкое самосознание и противопоставляли себя жителям окрестностей, причисляя к чужакам даже единоверных старообрядцев. Обитатели округа, в т. ч. старообрядцы, имевшие с ними давние духовные, экономические и брачные связи, в свою очередь, также усердно отделяли себя от гуслицкого мира. Любопытно, что гусяками не считали себя и старообрядцы находящейся к северу от Гуслиц местности Патриаршины. В Патриаршине только крестьяне крупной деревни Губинской довольно тепло отзывались о соседях-гусяках. Жители других деревень, например, д. Язвищи, считали гусяков народом темным и грубым. И это при том, что Язвищи расположены в трех километрах от ближайшего гуслицкого поселения, здесь жили к началу XX века представители того же белокрыницкого согласия. Не причисляло себя к гусякам и старообрядческое население Егорьевского уезда. Понятно, что относить Егорьевский край, или хотя бы его часть, к Гуслицам нельзя.

Конечно, на взаимоотношения обитателей Гуслиц и Егорьевска сильно влияло переселение жителей гуслицких селений в сам город Егорьевск, которое не прекращается до сих пор. Но, вопреки сложившемуся мнению, в XIX – начале XX в. поток мигрантов был не слишком мощным. Если мы посмотрим, к примеру, на численность старообрядческого населения города, которая к началу XX столетия составляла более 4 тысяч человек, то увидим, что это менее четверти от общего числа горожан. А ведь среди указанных старообрядцев были не только гусяки и их потомки, но и коренные егорьевцы, и выходцы из селений уезда, а также старообрядцы, переселившиеся из деревень соседних Бронницкого и Коломенского уездов. Кроме того, в городе могли обосноваться уроженцы куда более отдалённых регионов. Таким образом, бывшие гусяки (которые, впрочем, утрачивали

свое самосознание во втором-третьем поколении), по грубой оценке, составляли не больше одной десятой от общего числа жителей города.

Егорьевские старообрядки.
Фото начала XX в.

столичными (относительно Гуслиц) функциями. Но ему всё-таки приходится взять слово «столица» в кавычки.

Наконец, упомянем о крайностях с определением территории Гуслиц. Еще в XIX столетии появилась тенденция к использованию этого симпатичного топонима для названия областей, где имело распространение то, что изучал тот или иной исследователь. Чаще всего своеобразный бренд «Гуслицы» накладывали на весь старообрядческий массив Западной Мещеры.

Но были и иные прецеденты. Известные исследователи гуслицкого хмеля, Шредер и Железнов, под *Гуслицами* подразумевали регион выращивания хмеля, то есть площади значительной части собственно Гуслиц, а также некоторых земель Бронницкого и Егорьевского уездов¹⁶.

Свой «вклад» в рождение мифов о гуслицких границах внесли и филологи. Так А.Ф. Войтенко, занимавшаяся изучением говоров Подмосковья, решила, что под *Гуслицами* следует подразумевать

Очень часто границы гуслицкого мира пытаются провести, отталкиваясь от самоназвания «гуслиак-старообрядец». Здесь кстати можно вспомнить некролог известного егорьевского старообрядческого деятеля Петра Григорьевича Брехова, автор которого пишет: «Егорьевское старообрядчество весьма древнее, как и вообще старообрядчество лежащей обок Егорьевска известной Гуслицы. Егорьевск, хотя и в Рязанской губернии, но считается «столицей» Гуслицы, принадлежащей к губернии Московской»¹⁵. Ясно, что автор относит Брехова к гусликам по этноконфессиональному признаку, и на этом основании пытается наделить Егорьевск, в котором жил покойный,

огромный регион, включающий 18 административных районов Московской области, только по той причине, что здесь был распространен термин «хмелевая корзина»¹⁷.

Есть еще один момент, который было бы неплохо учесть. Гуслицкое историческое наследие – это не только старообрядческая культура с «гуслицкой» росписью, иконопись, литье и другие благочестивые промыслы, не только экономический размах в области текстильного дела и хмелеводства. Значительно больше культуры и промыслов известны гуслицкие занятия криминального характера. Гуслики были выдающимися фальшивомонетчиками, «сбирунами» (профессиональными попрошайками), конокрадами, разбойниками. Так уж получилось, что самым известным гусликом прошлого стал не начетчик или какой-либо подвижник веры, не иконописец или художник, не трудолюбивый фабрикант или хмелевод, а... разбойник Васька (Василий Васильевич) Чуркин. Не будем забывать, что в XIX – начале XX в. слово «гуслик» обозначало для жителей многих регионов России человека без совести и чести. Благочестивое и криминальное зачастую шло в Гуслицах бок о бок. К примеру, лучшими фальшивомонетчиками были иконописцы и переписчики книг, прекрасно знавшие краски и способные к тонкой работе. Согласно местным преданиям, большинство фабрикантов и иных гуслицких хозяев собрало начальный капитал отнюдь не долгим честным трудом.

Если современные егорьевские патриоты хотят присвоить это наследие, то пусть не чураются и указанного темного пласта. Заметим, что русское прошлое нельзя представлять себе как нечто светлое и безупречное во всех отношениях, как сплошное царство святости и трудолюбия. Надо отдавать себе отчет, что жители России во все времена являли собой обычных людей, со всеми человеческими слабостями и пороками.

Князь Владимир Петрович Мещерский, свидетельства которого были опубликованы в 2006 году Н.В. Черниковой, давал Гуслицам следующую характеристику: «Местность эта именуется Гуслицами, и нет уголка в России, где бы не знали, что такое Гуслицы и кто такой гуслик. Гуслицы – это царство, или, вернее, республика, куда до нынешнего года (цитируемые строки написаны в 1867 г. – С.М.) не смела заглядывать ни одна российская власть. Страх быть зарезанным и исчезнуть без следа искони веков воздерживал полицию от всякой попытки посмотреть поближе на то, что делается в гуслицких лесах и в гуслицких селениях... Третья часть этих гусликов живет промыслом весьма оригинальным, так называемом сбирками: крестьяне на

зиму разделяются на отдельные шайки и отправляются по разным губерниям просить милостыню, а кто посмелее – тот переступает порог бродяжества и делается или вором, или грабителем. Затем, набравши милостыни и наворовавши вдоволь, эти шайки преспокойно возвращаются к весне домой и принимаются за полевые работы»¹⁸.

Известно об изготовлении фальшивых денег и в Егорьевском крае. По сведениям того же кн. Мещерского, народная молва в 1860-х гг. рассказывала о 100 «ручных фабриках» фальшивых кредиток, которые существовали в Гуслицах, и о таком же их числе в соседнем Егорьевском уезде¹⁹. Но более о егорьевских монетчиках мы ничего не знаем. Возможно, здесь этот промысел вскоре сошел на нет, не выдержав конкуренции с «гуслицкими предприятиями». Нам только известно, что Егорьевск, вернее егорьевские ярмарки и базары, вплоть до XX столетия использовались гуслицами для сбыта фальшивок. В городе работало множество других гуслицких «специалистов»: разбойников, конокрадов, мошенников и пр.

Конечно можно, ради определенного «удобства» в идентификации обширного старообрядческого региона на востоке современного Подмосковья, полностью обозвать его «Гуслицами» и считать «гуслицким» все, что было в нем распространено. Но будет ли тогда серьезным исследование этого региона?

Подводя итог сказанному, сделаем вывод: дабы серьезно изучать старообрядческий восток Московской области, необходимо чётко представлять себе границы исторических территорий. Это особенно важно для Гуслиц XIX – начала XX в., когда уже не существовало одноименной административной волости, и в микрорегион вошли некоторые соседние поселения.

-
1. Памятная книжка Рязанской губернии на 1914 год. Рязань, 1914. С. 248.
 2. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Егорьевска (Рязанской губ.) с уездом. М., 1901. С. 1.
 3. Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. [Кн. 1]. С. 31-32.
 4. Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. М., 1999. [Кн. 1]. С. 31.
 5. Бурмистров В.И. Страницы истории города Егорьевска и его района. М., 1998. С. 16-17.
 6. Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. [Кн. 1]. С. 33.
 7. Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. М., 2003. Кн. 2. С. 75-200.
 8. По фабричному делу // Московский листок, 1885. 7 окт. № 278; Егорьевск, Рязанской губернии // Московский листок, 1885. 16 фев. № 47; Егорьевский уезд (Рязанской губернии) // Московский листок, 1884. 26 сент. № 266.

9. Подробнее о топониме Туглицы см.: Михайлов С.С. Из истории традиционных названий местностей Егорьевского уезда Рязанской губернии. «Туглицы» // Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. Рязань, 2010. Т. 24. С. 198–203.
10. Ордынский И. Раскол и благотворительность в Гуслице. Спб., 1863. С. 2–21.
11. Ордынский И. О народных названиях местностей Московской губернии // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М., 1864. Вып. 1. С. 41–42.
12. Братское слово. М., 1888. № 4. С. 287.
13. Московский листок, 1884. 29 июня. № 177.
14. Московский листок, 1883. 8 окт. № 278.
15. Петр Григорьевич Брехов (некролог) // Старообрядческая мысль. М., 1914. № 3. С. 286–287.
16. Железнов Н.И. Разведение хмеля в средней России. Спб., 1875. С. 18–19; Шредер Р.И. Хмель и его разведение в России и заграницей. Спб., 1881. С. 3–4.
17. Войтенко А.Ф. Что двор, то говор. М., 1993.
18. Черникова Н.В. «Наш век – век малодушия...»: Религиозная жизнь Российской империи глазами чиновника Министерства внутренних дел // Вестник церковной истории. М., 2006. № 2. С. 51.
19. Там же. С. 52.

ГЛАВА II

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ЕГОРЬЕВСКОГО КРАЯ В XIX–XX ВВ.

В Егорьевском уезде, как и в других уголках Рязанского края, постоянное старообрядческое население появилось, скорее всего, не ранее XVIII столетия. Старообрядцы пришли сюда двумя путями: из Гуслиц и из Коломны¹. К сожалению, мы почти ничего не знаем о егорьевском расколе в ранний период. Судя по некоторым косвенным сведениям, сначала здесь преобладали беспоповцы. Впрочем, представители поповщины тоже участвовали в формировании старообрядческого населения. Например, старообрядцы деревни Соколово, расположенной севернее Егорьевска, вплоть до XX столетия сохраняли память о том, что их предки пришли сюда из гуслицкого села Шувое. А Шувое изначально складывалось как центр поповщины, и следы беспоповской истории в нём практически не прослеживаются.

Егорьевский уезд был наиболее старообрядческим в Рязанской губернии, здесь проживало около 40% всех рязанских староверов. По официальным данным за 1877 год, всего в Рязанском крае числилось до 12000 старообрядцев, которые по уездам распределялись следующим образом:

Егорьевский – 4427 человек,
Рязанский – 3090 чел.,
Спасский – 1073 чел.,
Пронский – 1036 чел.,
Сапожковский – 766 чел.,
Зарайский – 736 чел.,
Раненбургский – 316 чел.,
Скопинский – 282 чел.,
Михайловский – 236 чел.,
Данковский – 134 чел.,
Ряжский – 105 чел.,
Касимовский – 22 чел.

В уездах насчитывалось следующее число приходов, «зараженных расколом»: в Зарайском уезде – 23, в Сапожковском – 20, Егорьевском – 17, Спасском – 17, Скопинском – 12, Рязанском – 11, Пронском – 9, Михайловском – 8, Ряжском – 5, Касимовском – 5, Раненбургском – 2, Данковском – 2. К «раскольникам», помимо старооб-

рядцев, чиновники относили также молокан и скопцов. Собственно старообрядцев, согласно этим сведениям, было: поповцев – 5547 человек обоего пола, беспоповцев – 1761 человек обоего пола, «поповцев и беспоповцев (смешанных)» (так в тексте! – С.М.) – 741 человек обоего пола; кроме того, имелось «еще 1305 раскольников неизвестно к каким сектам принадлежащих»².

Заметим, что в процентном отношении доля егорьевских старообрядцев среди всех старообрядцев Рязанской губернии должна была быть ещё выше, т.к. в Егорьевском уезде каких-либо молокан и скопцов почти не было.

В Государственном архиве Рязанской области нами обнаружена «Ведомость о старообрядцах и раскольниках разных сословий в Егорьевском уезде за 1844 год». Ведомость содержит сведения о численности старообрядцев по населенным пунктам, причём из старообрядцев всех сословий специально выделяются помещицы крестьяне³.

1. «Раскольников, неприемлющих священство, поклоняющихся иконам»

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Зарудня	8	17		
Подосинки	2	2		
Поповка	16	13		
Белавино	-	1		
Тимшино	-	4		
Федуловская	1	-		
Ефремовская	1	-		
Алешино	6	8		
Овчагино	4	7		
Титовская	1	-		
Митинская			2	3
Губино			1	-
Перхурово			-	1
Всего:	39	52	3	4

2. «Старообрядцев, приемлющих священство»

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещичьи крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Комлево	7	9	111	119
Русанцево	41	47		
Кукшево	10	8		
Агрызково	106	108		
Голубевая	1	2		
Лаптево	15	18		
Поповка	16	15		
Надеево	13	15		
Дмитриевцы	99	190		
Родионово	-	1		
Новопоселки	75	88		
Тимшино	28	42		
Угорная слобода			2	4
Заболотье	3	3		
Пантелеево	54	38		
Данилово	4	3		
Федуловская	36	40		
Нечаевская	14	10		
Глуховская	2	2		
Корниловская	13	8		
Бузяты	12	12		
Ефремовская	38	26		
Теребенки	7	6		
Вишневая	4	3		
Лунинская	26	18		
Гавриловская	21	19		
Алешино	22	21		
Исаевская	13	10		

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Семеновская	7	8		
Кудиновская	13	11		
Рыжево	48	59		
Сурово	8	9		
Батраки	8	9		
Жучаты	7	7		
Акатово	53	46		
Клеменово	12	6		
Незгово	1	4		
Овчагино	9	11		
Титовская	4	6		
Бурцево	5	6		
Поминово	25	22		
Соколово	45	39		
Дранниково	8	6		
Заречье	33	35		
Волово			12	10
Якушевицы			-	2
Зворково			1	-
Митинская			1	-
Всего:	967	976	127	135

3. «Безпоповщинской секты»

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Поповка	38	24		
Федуловская	1	-		
Ефремовская	1	-		

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Алешино	6	9		
Овчагино	4	7		
Титовская	1	-		
Митинская			2	3
Губино			1	-
Перхурово			-	1
Всего:	51	40	4	4

4. «Раскольников, приемлющих священство»

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
С. Поповка	18	26	-	-

5. «Раскольников Перекрещенной секты»

Населенный пункт	Старообрядцы разных сословий		Помещицы крестьяне	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Поповка	23	20		
Зворково			2	1
Овчагино	4	7		
Титовская	1	-		
Митинская			2	3
Всего:	28	27	4	4

К сожалению, указанная классификация старообрядческих сословий не дает точной картины конфессионального состава староверия Егорьевского уезда и даже вносит в нее путаницу. Странным кажется существование особого направления «раскольников, приемлющих священство», адепты которого жили исключительно в деревне Поповке. В 1844 году и в Егорьевском уезде, и в сопредельных землях были две основные категории поповцев. Кроме сторонников прихода на московском Рогожском кладбище, которые примерно в те же

годы получили иерархию, известную как Белокриницкая, существовала также радикальная ветвь беглопоповщины (а ею в то время была еще вся поповщина) – лужканы, или, как говорят в других старообрядческих регионах, – лужковцы. Последние отделились от основного поповского мира в 1822 году вследствие нежелания принимать беглых попов, которых дозволяло правительство императора Александра I с условием ведения ими метрик в старообрядческих приходах. Ветвь эта оформилась на западе современной Брянской области в стародубском посаде Лужки, от которого и получило свое название⁴. Если под жителями Поповки авторы «Ведомости...» подразумевали именно лужканов, то географию распространения последних они необычайно сузили. Представители этого согласия проживали и в других уголках Егорьевского уезда. (Подробнее об этом мы расскажем отдельно.)

«Миссионерский сборник» даёт следующую информацию, которую удалось собрать епархиальным миссионерам относительно численности и расселения старообрядцев Егорьевского уезда к 1890-м гг. В 1-м Егорьевском благочинническом округе, охватывающем значительную территорию, в том числе южную и западную часть уезда, а также уездную столицу, «раскольников всех толков» находилось 5034 человека (2452 мужчины и 2582 женщины). Существенно преобладали представители белокриницкого («австрийского») мира – 4752 человека (2318 м. и 2434 ж.); беглопоповцев, скорее всего исключительно лужкан, числилось 52 человека (25 м. и 27 ж.). Представителей беспоповских согласий в округе проживало 230 человек (109 м. и 121 ж.), которые классифицировались как «приемлющие брак» – 38 человек (16 м. и 22 ж.) и «бракоборы» – 192 человека (93 м. и 99 ж.). По официальным церковным приходам эти старообрядцы были распределены следующим образом:

– в соборном приходе г. Егорьевска, который включал и ряд соседних с городом деревень, «раскольников австрийского священства» проживало 2241 чел. (1081 м. и 1160 ж.), «беспоповцев-бракоборов» – 21 чел. (11 м. и 10 ж.);

– в приходе села Ивановского, Сергиевского тож, всех старообрядцев – 152 чел. (76 м. и 76 ж.), в том числе 146 «последователей австрийского священства» (73 м. и 73 ж.) и 6 беглопоповцев (3 м. и 3 ж.);

– в приходе села Дмитриевцы «австрийцев» 244 человека (119 м. и 125 ж.);

– в приходе села Маливо «австрийцев» – 420 чел. (212 м. и 208 ж.) и небрачных беспоповцев – 156 чел. (74 м. и 82 ж.);

- в приходе села Макшеева «раскольников австрийского священства» – 787 чел. (382 м. и 405 ж.);

- в приходе села Раменки «раскольников австрийского священства» – 231 чел. (107 м. и 124 ж.);

- в приходе села Алёшина всех старообрядцев – 792 человека, из которых «последователей австрийского священства» – 693 чел. (344 м. и 349 ж.), беглопоповцев (по всей видимости лужжан) – 46 чел. (22 м. и 24 ж.), беспоповцев – 53 человека, из которых 38 чел. (16 м. и 22 ж.) приемлющих брак и 15 чел. (8 м. и 7 ж.) «бракоборов»⁵.

Во 2-м благочинническом округе, куда входили селения северной части уезда, начиная от северных границ Егорьевского соборного прихода, «всего раскольников и сектантов» насчитывалось 386 человек (196 м. и 190 ж.). Последние распределялись следующим образом:

- в приходе села Красного «раскольников беспоповщинского толка» – 31 человек (19 м. и 12 ж.), из которых 25 чел. (15 м. и 10 ж.) приемлющих брак и 6 чел. (4 м. и 2 ж.) небрачных;

- в приходе села Знаменского не идентифицированных «последователей тайных сект», под которыми можно заподозрить каких-то беспоповцев, – 4 чел. (1 м. и 3 ж.);

- в приходе села Рыжева «последователей австрийского священства» – 106 чел. (52 м. и 54 ж.);

- в приходе села Власовского всех старообрядцев – 243 человека (123 м. и 120 ж.), из которых «последователей австрийского священства» – 239 чел. (121 м. и 118 ж.), а также «беспоповцев-бракоборов» – 4 чел. (2 м. и 2 ж.);

- в приходе села Леоновщины, Спасского тож, было выявлено всего двое «раскольников», среди которых был один «австриец» и одна брачная беспоповка⁶.

В 3-м благочинническом округе, куда входили селения восточной части Егорьевского уезда, по мнению миссионеров имелось всего 94 человека (47 м. и 47 ж.) «раскольников и сектантов». Они распределялись следующим образом:

- в приходе села Дмитриевский Погост насчитывалось 17 чел. (7 м. и 10 ж.) небрачных беспоповцев, которые проживали вдали от других православных, в лесу близ деревни Марковская;

- в приходе села Шеина – всего одна «раскольница австрийского священства»;

- в приходе села Ялмонть – 26 чел. (13 м. и 13 ж.) «раскольников и сектантов», из которых 25 чел. (13 м. и 12 ж.) брачных беспоповцев и одна молоканка;

– в приходе села Купли-Ям – 8 человек (5 м. и 3 ж.) старообрядцев, «приемлющих австрийское священство», которые жили на мельнице возле деревни Старый Спас;

– в приходе села Остров – 42 чел. (22 м. и 20 ж.) «последователей австрийского священства»⁷.

В «Календаре Рязанской губернии на 1905 год» был опубликован материал И. Проходцова «Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии» с официальными статистическими сведениями о численности старообрядцев за некоторые годы второй половины XIX – начала XX в. Мы приводим эти данные⁸:

По Егорьевскому уезду:

<u>1867 год</u>	<u>1870 год</u>	<u>1896 год</u>	<u>1898 год</u>	<u>1899 год</u>	<u>1903 год</u>
3697 чел.	4432 чел.	5467 чел.	5996 чел.	6092 чел.	6026 чел.

Всего в губернии:

9743 чел.	11165 чел.	14648 чел.	15883 чел.	16304 чел.	17020 чел.
-----------	------------	------------	------------	------------	------------

По подсчётам автора, на территории Егорьевского уезда были «заражены расколом»: в 1896 г. – 15 населенных пунктов, в 1899 г. – 35, а в 1903 году – 47⁹. Впрочем, эти подсчёты, мягко говоря, не выдерживают критики. Непонятно, на что опирался Проходцов, ведь география расселения егорьевских старообрядцев на рубеже веков практически не менялась. В самом Егорьевске в 1899 году проживало 1082 старообрядца¹⁰.

У Проходцова есть и подробная таблица распределения старообрядцев по населенным пунктам¹¹.

<u>Населенный пункт</u>	<u>Белокри- ницкие</u>	<u>Бегло- поповцы</u>	<u>Беспопов- цы брачные</u>	<u>«Брако- боры»</u>
Всего по Егорьев- скому уезду	5792	36	148	50
1 округ	5194	36	98	
Соборного прихода	–	–	–	–
г. Егорьевск	940			
д. Русанцево	233			
Кукшево	25			
Тараканово	59			

<u>Населенный пункт</u>	<u>Белокри- нищие</u>	<u>Бегло- поповцы</u>	<u>Беспопов- цы брачные</u>	<u>«Брако- боры»</u>
Агрызково	396			
Корниловская	22			
Бузяты	53			
Теребенки	39			
Пантелеево	97		2	
Глуховская	9			
Вишневая	16			
Нечаевская	40			
Александро- Невского прихода	-	-	-	-
д. Сурово	36			
Акатово	247			
Жучаты	26			
Батраково	53			
Лаптево	76			
с. Алешня (Алешино)	64	29		
д. Федуловская	297			
Данилово	30			
Кудиновская	71			
Исаевская	11			
Семеновская	18			
Лунинская	53			
Еремеевская	121	5		
Гавриловская	126			
Приход с. Раменки	-	-	-	-
д. Новопоселки	246			
Приход с. Макшеева	-	-	-	-
Угорная слобода	260			
д. Сурино	206			

<u>Населенный пункт</u>	<u>Белокри- ницкие</u>	<u>Бегло- поповцы</u>	<u>Беспопов- цы брачные</u>	<u>«Брако- боры»</u>
Надеево	101			
Комлево	260			
Приход с. Маливо	–	–	–	–
д. Поповка и Зарудня	586 (в обеих деревнях)	91 (в обеих деревнях)		
Приход с. Дмитри- евцы	216 (общее число старообрядцев в приходе)			
Приход с. Ивановского	–	–	–	–
д. Тимшино	165	7		
2 округ Приход с. Красного	50 (общее число старообрядцев в приходе)			
Приход с. Запутного	4 (общее число старообрядцев в приходе)			
Приход с. Рыжево	118 (общее число старообрядцев в приходе)			
Приход с. Власовского	367	50		
3 округ Приход с. Архангельского	–	–	–	–
д. Ефремовская				1
Приход с. Дмитри- евский Погост	–	–	–	–
д. Марковская				16
Приход с. Купли-Ям и д. Старый Спас	8			
Приход с. Остров	–	–	–	–
д. Ворово	50			
Приход с. Шеина	–	–	–	–
д. Волово	1			

<u>Населенный пункт</u>	<u>Белокри- ницкие</u>	<u>Бегло- поповцы</u>	<u>Беспопов- цы брачные</u>	<u>«Брако- боры»</u>
Приход с. Ялмонтъ	–	–	–	–
д. Воронино				33

Конечно же, в приведенных сведениях допущено немало ошибок и неточностей. Например, беспоповцы деревень Поповка и Зарудня показаны здесь брачными, тогда как они практически поголовно относились к «бракоборам». И наоборот, беспоповцы ялматской деревни Воронино фигурируют здесь как бракоборы, а по другим сведениям они – брачные. Во многих случаях сомнительная и показанная численность старообрядцев того или иного селения. Отм, что не упомянут ряд населенных пунктов в окрестностях г. Егорьевска (Овчагино, Бузаты и др.), где проживали небольшие группы беспоповцев, можно даже не говорить.

В одном из миссионерских отчетов за 1914 год мы встречаем, помимо традиционного перечисления в каких деревнях сколько и какого толка имеется «раскольников», ценные сведения о наличии староверов на территории самого города Егорьевска. Постоянно проживающих городских старообрядцев в отчёте значится 2602 человека, плюс к этому находится еще 4965 «пришлых». Под «пришлыми» подразумевались рабочие с городских фабрик, которые приходили исключительно на работу и не оседали в городе. Всего в Егорьевске вместе с «пришлыми» было учтено 7567 старообрядцев. Сложив несколько чисел, получаем, что своих («домашних») старообрядцев на территории Егорьевского уезда в 1914 году находилось 6393 человека, а вместе с «пришлыми» – 11358 чел.¹².

Конфессиональный состав старообрядчества Егорьевского уезда к началу XX столетия, как уже говорилось выше, оставался пестрым. Помимо преобладавших в крае белокриницких поповцев, здесь сохранялись небольшие группы представителей беспоповского мира. Столетием раньше ситуация в крае была совершенно иной: основным старообрядческим населением являлись беспоповцы. Впоследствии, в результате развития здесь текстильной промышленности, часть которой находилась в руках фабрикантов-поповцев, адептов Рогожского согласия, картина изменилась. Кроме «миссионерской» деятельности последних, нужно учитывать и то, что на егорьевские фабрики из Гуслиц и других соседних старообрядческих регионов постоянно перетекал рабочий люд, который также был в основном поповским.

Здесь настало время положить конец буквоедству и от скучных цифр перейти к самой жизни. Ниже представлены сведения об известных старообрядческих согласиях, которые в рассматриваемый период существовали на территории Егорьевского уезда.

Спасовцы

Спасовцы, или нетовцы, известные с конца XVII в., являются одним из старейших и когда-то очень влиятельных старообрядческих беспоповских согласий. Его история, особенно на этапе становления, – до настоящего времени тема малоизученная и загадочная. В первой четверти XVIII столетия спасовцы появились в Подмоскovie, но где именно – неизвестно¹³. Спасовцы с самого начала стояли особняком среди других беспоповских течений. Известные антистарообрядческие книги «Пращица» и «Розыск» уже называют спасовщину её собственным именем. Авторы указанных книг считали основателем согласия некоего «безграмотного» мужика Кузьму, который проповедовал в Вязниковско-Керженских лесах¹⁴. Однако, если верить спасовскому документальному памятнику – «Родословию» 1760–1770-х гг., – согласие возникло в конце XVII века в поморском Ладожском скиту. Легендарного Кузьму Андреева, как и его тезку Кузьму Панфилова, которых считали основателями спасовщины сторонние авторы, «Родословие» не упоминает совсем¹⁵. Спасовцы за время своего существования разделились на несколько течений. Одно из их важных спасовских отличий от остальных старообрядцев, прежде всего беспоповцев, состояло в том, что они не порывали окончательно с приходами официальной церкви, зачастую совершая в них крещения и венчания. Обязательным для них был лишь обряд погребения усопших. Спасовцы не перекрещивали переходящих к ним из внешнего мира, ограничиваясь лишь чином проклятия ересей или даже только семипоклонным началом¹⁶. Очень часто рядовое духовенство официальной церкви скрывало существование в приходах небольших спасовских обществ, поскольку благодаря актам крещения и венчания спасовцев легко было выдавать за «обычных» православных.

Одним из подтверждений того, что спасовцы в Западной Мещёре, прежде всего в соседних с Егорьевским краем Гуслицах, проживали на ранних этапах староверческого развития, является местная история села Поим Пензенской губернии, куда старообрядчество занесли два брата-гусяка – Гавриил и Кир примерно в 1770-х гг. Оба брата были поповцами, но вслед за ними, всего несколько лет спустя, в Поим

(следует понимать, также с гуслицкими миссионерами) пришло Спасово согласие¹⁷.

Спасовцы западной части Мещёры, к которой принадлежал и Егорьевский уезд, входили в состав большой диаспоры представителей этого согласия, охватывавшей значительные территории. Известно, что спасовцы проживали во множестве рязанских уездов, а также в

Никита Тимофеевич Кацепов.
Фото из журнала
«Старообрядческая мысль»

Бронницком, Богородском и Коломенском уездах Московской губернии. В начале XX столетия они составляли половину старообрядческого населения соседней Владимирской губернии: из 39 299 всех владимирских старообрядцев 20 556 были спасовцами¹⁸.

В Егорьевском уезде, а также в соседних Гуслицах и других уголках, были распространены те же спасовские толки, что и во Владимирском крае. На Владимирщине, в частности, жили представители этого согласия по большому и малому началам, причем последних активно переманивали в свой толк первые¹⁹.

В мае 1913 года скончался фабрикант Никита Тимофеевич Кацепов, владевший производствами на территории соседнего с Егорьевским Бронницкого уезда Московской губернии и игравший не последнюю роль в жизни белокрыницкого общества Егорьевска. В его некрологе сказано, что Кацепов происходил из «весьма старинной семьи старообрядцев беспоповцев-нетовцев д. Федотово Коломенского уезда Московской губернии». Его дед Василий Никитич Кацепов, основатель семейного промышленного дела, когда-то был столпом нетовщины, но его сыновья через браки с девицами-поповками присоединились с рогожанам²⁰. Можно предположить, что присоединение к поповщине такого ключевого спасовского семейства коломенского-бронницкого пограничья как Кацеповы повлияло на быстрое исчезновение здесь спасовцев в целом. Прежнее селение Федотово, располагавшееся ранее на северной окраине Коломенского уезда, рядом с большим

кустом бронницких старообрядческих селений, ныне является частью города Воскресенска Московской области. Согласно «Карте раскольниковых селений Московской губернии» 1871 года, в Федотове проживало всего 27 старообрядцев, исключительно поповцев, против 872 последователей официальной церкви. Однако в соседнем селе Новлянском (ныне также в составе г. Воскресенска) согласно тому же источнику жило 12 беспоповцев (против 718 никониан), о конфессиональной принадлежности которых мы ничего сказать не можем. Возможно, это были спасовцы²¹. Не исключено также, что выпавшие из поля зрения сборщиков сведений спасовцы оставались к 1781 г. и в Федотове.

О спасовцах южной части Гуслиц мы узнаем из отчета егорьевского уездного миссионера Н. Виноградова. Летом 1875 года он проводил собеседование в д. Давыдовской, в доме крестьянина М.П. Оброкова. На беседе присутствовали старообрядцы, среди которых было много неокружников, лужкан и спасовцев из соседних деревень Столбуново, Максимовской и Вантино²². А эти деревни расположены поблизости от егорьевских селений и старообрядческих углов Бронницкого и Коломенского уездов.

Данные об остатках спасовского населения собственно Егорьевского уезда на рубеже XIX–XX вв. сохранились среди документов Государственного архива Рязанской области. В материалах Рязанской духовной консистории за 1881 год спасовцы под своим собственным названием, поименно перечислены в деревнях Федуловской (24 человека), Кудиновской (20 человек), Исаевской (5 человек) и Пантелеево (4 человека). Вероятно, это были представители спасовских семейств и одиночки, родственники которых к тому времени уже перешли в стан белокринишников или даже никониан²³. В одном из отчетов рязанского миссионерского Братства св. Василия Рязанского за 1886 год в егорьевском соборном приходе упомянут 71 представитель Спасова согласия²⁴. Но в это время в состав огромного соборного прихода г. Егорьевска, помимо самого города, входили десятки соседних деревень, включая упомянутые Федуловскую, Кудиновскую и др. На страницах рязанского «Миссионерского сборника» за 1894 году из старообрядцев Егорьевского уезда упомянуты исключительно доминирующие поповцы (окружники) и немногочисленные беспоповцы-спасовцы. Последние показаны в соборном приходе (6 мужчин и 4 женщины), а также выделившемся в 1889 году из соборного приходе села Алешня (Алёшина) (куда вошли и д. Федуловская, и ряд других населенных пунктов, где ранее упоминались спасовцы) – 29 мужчин

и 41 женщина, и кроме того в селе Ивановском – 4 мужчины и 2 женщины. Авторы отчета к спасовцам ошибочно приписали и беспоповцев-федосеевцев прихода села Малива юго-запада Егорьевского уезда (71 мужчина и 74 женщины)²⁵. Согласно разнообразным письменным источникам и воспоминаниям старожилов по крайней мере с середины XIX века никаких других беспоповцев, кроме федосеевцев и филипповцев, в данном приходе не проживало.

Точных сведений о спасовцах в самом Егорьевске конца XIX в. у нас нет. Вероятно, их, как и адептов других малых согласий, надежно заслонили белокринишники, имевшие многочисленное и активное общество. На небольшие группы раскольников духовная и светская власть просто не обращала внимания. Однако, без всякого сомнения, спасовцы должны были жить в Егорьевске и как в уездной столице, и как в городе, который находится рядом с кустом спасовских деревень. Нельзя забывать, что изначально они могли быть единственным старообрядческим толком в селе Высоком и образованном из него городе Егорьевске.

Официальные документы, касающиеся и Егорьевского края, и самого города Егорьевска, и соседних гуслицких деревень, регулярно упоминают неидентифицированных беспоповцев, среди которых также могут скрываться спасовцы. К примеру, чиновник А. Стороженко в 1860-х гг. встретил в Гуслицах шедшего из Егорьевска в Москву беспоповского начетчика А. Абрамова²⁶. О конкретной конфессиональной принадлежности последнего Стороженко не сообщил. Абрамов вполне мог быть и спасовцем. Подводя промежуточные итоги, следует отметить, что имеющиеся сведения о расселении спасовцев на пространстве Западной Мещеры достаточнотуманны, а местная история этого согласия еще ждет своего исследователя.

К началу XX столетия в ряде населенных пунктов окрестностей Егорьевска и юга соседних Гуслиц вели хозяйство немногочисленные представители беспоповского согласия, именовавшиеся «мокеевцами». Мокеевцы жили замкнуто, поэтому выяснить какие-либо детали об этом согласии теперь уже достаточно сложно. В начале 2000-х гг. я записал историю о появлении мокеевцев, рассказанную настоятелем нынешнего единоверческого храма в городе Куровское о. Димитрием Кузнецовым. Согласно версии о. Димитрия, где-то в 1920-х гг. в белокриницком обществе г. Егорьевска произошел раскол, и от него отделилась небольшая группа, во главе которой стоял некий Мокий (Мокеев?). Таким образом сложилось новое, фактически беспоповское

согласие. Его члены проживали как в самом Егорьевске, так и в окрестностях города (в д. Алёшино, Кудиновской, Федуловской и др.), а также в гуслицких Устьянове, Абрамовке, Степановке и Богородском.

Данная версия имеет одну слабую сторону. Мокеевцы, судя по тому, что о них рассказывали помнящие их односельчане и потомки мокеевских семейств (ставшие во второй половине XX века членами белокриницкого согласия), были типичными замкнутыми беспоповцами, которые соблюдали чистоту посуды, пищевые и прочие запреты. Они резко отличались от окружавшего их белокриницкого большинства. Егорьевский же старообрядческий приход уже к началу 1900-х гг. был одним из самых прогрессивных обществ белокриницкого мира. Здесь всю «подрубали» бороды, отдавали детей в городские школы, носили во внецерковной жизни модные костюмы и т.п. Вряд ли в их среде могли сохраняться группы верующих, по своему духовному и культурному облику идентичные кондовым беспоповцам.

Как рассказывали потомки некоторых мокеевских семей, у представителей этого согласия, по крайней мере в первой половине XX века, было два центра. Самым главным считалось селение Бузяты, расположенное возле Егорьевска. В настоящее время в этом центре мокеевщины мокеевцы отсутствуют, и нынешние старожилы ничего о них не помнят. Нет никаких данных даже о существовании в Бузятах общественной мокеевской моленной в виде отдельной постройки или простой молитвенной комнаты. Судя по всему, представители этого согласия собирались на молитву в одном из домов своих одноверцев. Мокеевских семейств в деревне было немного, большинство ее жителей придерживались господствующего исповедания. В Бузятах также имелось некоторое число сторонников белокриницкого согласия. Второй мокеевский центр находился в гуслицком селении Богородском, куда собирались на общественную молитву мокеевцы из Степановки, Абрамовки и ряда других соседних деревень.

Вообще, выяснение информации о мокеевцах в егорьевских и гуслицких деревнях чрезвычайно затруднено. И прежде всего потому, что старожилы-поповцы белокриницкого согласия очень часто путали и путают их с имевшимися в тех же деревнях беглопоповцами-лужканами, которые также жили в начале XX столетия особым замкнутым мирком. Вдобавок здравствующих мокеевцев к настоящему времени, по-видимому, не осталось: две, вероятно последние, пожилые мокеевки в 1990-х гг. проживали в городе Куровское.

Как бы то ни было, места расселения мокеевцев окрест города Егорьевска в целом совпадают с местами, где на протяжении XIX

столетия были известны небольшие группы спасовцев, что позволяет рассматривать обе группы в качестве одного согласия. Откуда последние спасовцы запада Мещёры получили наименование «мокевцев», теперь уже, скорее всего, выяснить не удастся. Возможно, в какой-то период их истории они возглавлялись лидером-начетчиком по имени Мокий, с которым их впоследствии и стали ассоциировать представители белокриницкого мира.

Поморцы

Нам известно о небольших группах беспоповцев поморского согласия, которые проживали в северо-западной части уезда на границе с гуслицким Раменьем. Скорее всего, поморцы, как и спасовцы, являлись одним из старейших согласий Егорьевского края. Именно поморцы истари населяли расположенную поблизости местность Патриаршину, в которую входили Ликино, Дулёво, Кабаново, Ионово и ряд других селений нынешнего Орехово-Зуевского района. Сама Патриаршина была частью своеобразного пояса расселения поморцев, который тянулся на восток, в Вязниковские леса и Нижегородчину. Вероятно, этот пояс охватывал ранее Гуслицы и даже некоторые соседние с ними уголки, включая и те, что впоследствии вошли в Егорьевский уезд. Кстати, поморцы вслед за поповцами и спасовцами в 1780-х гг. также достигли пензенского села Поим, старообрядчество которого имело гуслицкое происхождение²⁷.

Поморцы Егорьевского уезда, по крайней мере к началу XX века, были немногочисленны и группировались на северо-западе уезда: в Зворкове, Запутной, Велине. Согласно некоторым миссионерским отчетам, к поморцам относились и беспоповцы деревни Воронино, находящейся в местности Ялмать восточной части уезда²⁸. Среди жителей этой деревни один из миссионерских материалов за 1914 год упоминает беспоповского наставника Трофима Григорьева Беликова, не указывая, однако, его принадлежности к конкретному согласию²⁹. Прежде, до возвышения поповцев – последователей московского Рогожского кладбища, поморцы могли иметь куда большее распространение, впрочем, никаких данных об этом у нас нет. Вообще, о егорьевских поморцах мы знаем крайне мало, и не знали бы вовсе, если бы ни отчёты наиболее дотошных миссионеров типа священника Николая Виноградова.

В одном таком материале 1896 года, где, к сожалению, поморцы самостоятельно не указаны, они, очень вероятно, фигурируют в при-

ходе села Красного, куда до построения своей церкви входила деревня Зворково. В этой деревне показано брачных беспоповцев 25 человек (15 мужского пола и 10 женского пола), часть которых, правда, могли быть и спасовцами. По всей видимости, именно к поморцам следует отнести 25 человек (13 муж. и 12 жен.) брачных беспоповцев, обитавших в приходе села Ялмонт³⁰. Однако по некоторым другим сведениям, ялматские старообрядцы практически все принадлежали к небрачному федосеевскому согласию. По крайней мере именно это в устной беседе сообщил мне Л.А. Игошев, в 1980-х гг. серьёзно занимавшийся полевыми исследованиями на востоке Подмосквья.

В том же 1896 году упомянутый миссионер священник Николай Виноградов, регулярно проводивший беседы со старообрядцами 2-го Егорьевского округа, указывает на поморцев, проживавших в деревне Велино прихода села Красного. Здесь имел свой дом купец Гавриил Захаров Лебедев, женатый вторым браком на вдове Александре Григорьевой. С этой женщиной связана любопытная история о «велинском» религиозном диспуте. Первый муж Александры, также беспоповец, прежде проживал в Коломенском уезде. Еще от первого супруга Григорьева «приобрела склонность к расколу», поэтому, выйдя замуж за Лебедева, наладила тесные контакты с местным начетчиком, которого о. Виноградов считал «беспоповцем-перекрещенником». Этот «перекрещенник», некий Федул Яковлев, хоть и был «стариком малограмотным и малосведущим», тем не менее считал себя «единственным носителем истины древлеправославной церкви». Федул принялся склонять свою знакомую к переходу в новое согласие, судя по всему филипповское или федосеевское. Через некоторое время об этом узнали наставники брачных поморцев из соседней деревни Зворково и расположенных неподалёку гуслицких селений – Мисцево и Петрушино. Дело дошло до серьёзных разбирательств, итогом которых стала общественная полемика: поморским начетчикам удалось устроить в доме Лебедева бурное собеседование с Яковлевым³¹.

В начале XX столетия главным центром поморцев Егорьевского уезда считалось селение Зворково на северо-западе края. Местные поморцы составляли фактически одно общество с поморцами Гуслицкого Раменья из Мисцева, Петрушина и др. Об этих поморцах и о регулярно проводившихся миссионерских собеседованиях с ними упоминает в своих отчетах священник Виноградов. Просматривая отчёты, мы узнаем о моленной в Зворкове, при доме начетчика Дия Матфиева. Моленная, пишет священник, «устроена позади дома со

входом из сеней. Это маленькая в 4 кв. сажени комнатка, уставленная старинного письма иконами по передней стене с многочисленными лампадами и аналоем для чтения и ручную старинную железную кадилъницу; по задней стене висят лестовки и подручники; во всей моленной одно окно, обращенное во двор»³². Дий Матфиев, глубокий старик, «был выдержанный человек, во всю свою жизнь питался пищею суровою, сластолюбцем не был никогда и сохранил свежесть и бодрость до конца, очков не знал». Он умер в марте 1900 года³³.

Одновременно с Дием Матфиевым у поморцев имелся начетчик Харламгий Ефимов по прозвищу Харлан, уважаемый своими одноверцами в Егорьевском уезде и Гуслицах. По словам Виноградова, Харлан в конце концов сошел с ума³⁴. После него у егорьевских и гуслицких поморцев руководителем стал Борис Никифоров, 55 лет от роду, уроженец гуслицкого селения Петрушина. Он любил служить сорокоусты по заказам богатых московских одноверцев. Виноградов пишет, что многие гусяки и жители Зворкова его духовную власть не признавали. В Зворкове для этой партии служил свой наставник – Тимофей Диев, сын покойного Дия Матфиева³⁵.

К сожалению, мы почти не имеем сведений о поморцах в самом городе Егорьевске. Известно лишь, что в начале 2000-х гг. здесь жили как минимум две семьи, ориентированные на московский поморский храм на Преображенке. Нам не удалось выяснить, являются ли эти семьи потомками коренных поморцев Егорьевского края, или же они переселились в город из другого региона.

Федосеевцы и филипповцы

Эти два беспоповских старообрядческих согласия, имеющие общее историческое прошлое с поморцами, близки друг другу по причине исповедуемого отрицания брака. На территории Егорьевского уезда, в отличие от соседней Коломны с окрестностями, первых представителей этих согласий миссионеры зафиксировали сравнительно поздно: только в XIX столетии. (Заметим, что к 70-м годам XVIII в. из среды коломенских федосеевцев даже выделилось самостоятельное так называемое Бабушкино согласие, основателем которого считается живший недалеко от Коломны старик Епифан Лактионов³⁶.) Однако в других уездах Рязанского края, вероятнее всего благодаря коломенскому влиянию, федосеевцы появились намного ранее 1800 года. Поэтому в XVIII и начале XIX в. федосеевцы и филипповцы вполне могли проживать в егорьевских селениях.

Представителей этих согласий идентифицировать довольно сложно, поскольку авторы миссионерских отчётов в большинстве случаев называли их «перекрещенцами» или «бракоборами». К несчастью, под первым термином миссионеры часто подразумевали представителей вообще всех беспоповских согласий, которые в обязательном порядке перекрещивали новичков.

Егорьевский священник Виноградов в одной из статей «Миссионерского сборника» упоминает о полуполюгендарном егорьевском купце Лизунове, уклонившемся в «раскол беспоповства бракоборов». Его отправили на «увещевание» в губернский город Рязань, где заставили держать ответ перед духовной властью. «Увещатель», у которого купца Лизунова поместили для возвращения в лоно официальной церкви, заставлял купца выполнять при своем доме всякую черную работу: носить воду, рубить дрова, топить баню и т.п. Так прошел весь курс «увещания». После него Лизунов вернулся в Егорьевск еще более ожесточенным против духовной власти и до конца своей жизни оставался заклятым врагом официального православия³⁷.

В Государственном архиве Рязанской области хранится несколько материалов, которые проясняют историю «секты перекрещенцев по Преображенскому кладбищу», т.е. безбрачных беспоповцев, в местах их традиционного расселения.

На протяжении 1835–1836 гг. Егорьевский уездный суд рассматривал дело о переходе крестьян деревни Поповки Герасима Никитина и Ивана Тимофеева с семьями в «перекрещенскую веру». Из материалов дела понятно, что в Поповке и соседней Зарудне проживало не менее 18 представителей данного согласия, перешедших в него «по научению каких-то стариков». «Перекрещенское» согласие здесь четко идентифицируется с согласием федосеевским и московским Преображенским кладбищем. Одной из старейших федосеевок по документам проходит «женка Арина Юдина», 60 лет от роду, которая приняла эту веру «назад тому лет двадцать, по слухам разных людей, а более по наставлению наставников коломенской перекрещенской часовни». Следовательно, если дело рассматривалось в середине 1830-х гг., то Арина Юдина приняла федосеевскую веру где-то в середине 1810-х. «Часовня перекрещенников» в Коломне и богадельня при ней упоминаются и на страницах других документов. Известно в частности, что главные фигуранты дела поповские крестьяне Герасим Никитин и Иван Тимофеев лет за двадцать до суда сначала перешли из официального православия в «старообрядческую секту», а в 1826 году уже из нее – в «перекрещенскую веру». Благодаря материалам ГАРО

мы знаем о том, когда и кто из жителей обеих деревень перешел в федосеевское согласие:

Из д. Поповки: в 1828 году – Иван Алексеев;
в 1833 году – Семен Андреев, Григорий Нефедов,
Петр Иванов, Давыд Иванов, Алексей Егоров, Семен Ильин.
Из д. Зарудни: в 1826 году – Клим Артемьев, Максим Артемьев;
в 1833 году – Максим Степанов.

Доподлинно неизвестно, но с высокой вероятностью и другие крестьяне-федосеевцы обеих селений принимали свою веру с 1826 по 1833 г.³⁸ Возможно и они, подобно Г. Никитину и И. Тимофееву, до перехода в федосеевщину были какое-то время членами иного согласия, если не поповского, то спасовского.

В 1841–1844 годах рассматривалось дело о крестьянах деревень Овчагино, Титовской и Ръжевой, содержащих «Преображенскую секту». В деле упоминается много лиц, считавшихся ранее приверженцами официального православия, но затем «уклонившихся» в беспоповщину. Для нас интересно показание крестьянина деревни Овчагино, 58-летнего Сергея Дементьева: «В нашей деревне Преображенская секта принята с 1812 года после нашествия неприятеля, и она время от времени стала укореняться более. Первоначально в таковую секту перешли покойный отставной солдат Елисей Фадеев и Иван Фадеев, отец Павла, Прокофья и Якова Ивановых, а потом и родные их, как то: Павел Иванов, сестра его Ирина Иванова, Степанида Феофилактова, Авдотья Емельянова, Авдотья Егорова, Алексей Прокофьев, Иван Захаров, Иван Петров... Кроме них в таковой же секте состоят нашей деревни вдовы женки Степанида Ермилова, Варвара Павлова, девицы Марфа Иванова, Матрена Кононова, Мавра Тимофеева и жена Якова Иванова Ненила Исаева». Согласно материалам дела молились, главным образом, в избе Павла Иванова. Как место, откуда в указанные три деревни пришло «перекрещенское» согласие, здесь также фигурирует Коломна, а кроме неё – селение Климово соседнего Бронницкого уезда Московской губернии³⁹.

Еще одно дело, посвященное «перекрещенцам», датировано 1855 годом и касается уклонившегося в «раскол» крестьянина деревни Василево прихода села Спасского-Леоновщины Егорьевского уезда Ефима Феофилактова. Шестидесятилетний Феофилакт перешел в старообрядчество не один, а с сестрой Евдокией 45 лет от роду. Последняя во время эпидемии холеры пришла к мысли о необходи-

мости покинуть лоно официального православия. Когда женщина выздоровела, она сразу же тайно перекрестилась. (Местный православный причт какое-то время полагал, что эти лица перешли в поповщину.) Ни Ефим, ни Евдокия, как следует из материалов дела, никого в «раскол» не совращали, но в своём приходе явно были не единственными беспоповцами-«перекрещенниками». Откуда-то они должны были узнать о своём будущем вероисповедании, и кто-то должен был их в это вероисповедание принять!⁴⁰

Приблизительно в середине XIX века федосеевское сообщество Егорьевского уезда раскололось. Часть жителей деревени Поповки и все федосеевцы деревни Овчагино вместе с обитателями некоторых окрестностей перешли в близкое к федосеевцам филипповское согласие. Небольшие филипповские общества появились на сопредельных территориях: в д. Вантино в Гуслицах, д. Кладьково Бронницкого уезда, а также в некоторых селениях Коломенского уезда.

О федосеевцах и филипповцах в самом городе Егорьевске нам известно немного. В 1886 году сюда на покой перебрался Иван Родионов, бывший наставник московского филипповского «Братского двора». В это же время здесь жил другой филипповский руководитель – Павел Терентьев⁴¹. Однако «Ведомость о раскольниках Рязанской губернии за 1888 год» под рубрикой «беспоповщинских сект» сообщает о наличии в Егорьевске только двух лиц: известного нам Ивана Родионова, которому в то время было 68 лет, а также его сына, 41-летнего Григория⁴². Но ведь для того чтобы известный всей филипповской России наставник бесхлопотно жил на покое, его должно было окружать какое-то, пусть даже и небольшое, филипповское общество. Заметим, что в Егорьевске в той же ведомости показаны еще девять человек «беспоповцев», прежде всего семейство Василия Порфирьева Земскова. Впрочем, это явно не филипповцы, а представители какого-то другого согласия, поскольку авторы документа развели их и Родионовых по разным беспоповским группам⁴³.

Наконец, федосеевкой или филипповкой могла быть некая егорьевская мещанка, «раскольница беспоповщинской секты» Екатерина Яковлева Макарова. В одном из номеров «Рязанских епархиальных ведомостей» за 1893 год рассказывалось о присоединении её к официальному православию протоиереем Лазаревской церкви губернского города Рязани П. Павловым⁴⁴. О том, к какому именно беспоповщинскому согласию принадлежала мещанка, газета, к сожалению, не сообщила.

Федосеевцы и филипповцы без разграничения на согласия показаны в миссионерских отчетах середины 1890-х гг. как «небрачные беспоповцы», или «бракоборы». Последние имелись в егорьевском городском соборном приходе, объединявшем и многие подгородные селения, числом 21 человек (11 мужчин и 10 женщин), приходе села Малива – 156 человек (74 м. и 82 ж.), приходе села Алешина – 15 чел. (8 м. и 7 ж.), приходе села Красного – 6 чел. (4 м. и 2 ж.), приходе села Власовского – 4 чел. (2 м. и 2 ж.) и приходе села Дмитриевский Погост – 17 чел. (7 м. и 10 ж.). Старообрядцы последнего прихода, как упоминается в отчете 1896 г., проживали отдельно от приверженцев официального православия в лесу близ деревни Марковской⁴⁵. Нынешние старожилы населенных пунктов местности Коробово, истари составлявших приход села Дмитриевский Погост, рассказывают, что до репрессий 1930-х гг. старообрядцы вели хозяйство на двух-трёх небольших хуторах и крайне мало общались с соседями. Изоляция и довольно зажиточная жизнь стали основными причинами их раскулачивания и высылки. Потомков указанных старообрядцев здесь практически не осталось, а прочие обитатели Коробова ничего про эти маленькие общества, кроме того, что таковые существовали, сказать не могут.

Как уже отмечалось, миссионер 2-го Егорьевского округа Н. Виноградов в 1896 году неоднократно упоминал беспоповца Федула Яковлева, который проживал в деревне Велино прихода села Красного, расположенной в северной части уезда вблизи границ Гуслицкого Раменья⁴⁶. К какому конкретно согласию, федосеевскому или филипповскому, принадлежал этот «грубый крикун» и сколько в Велине и окрестных селениях проживало его одноверцев, Виноградов не сообщил. Скорее всего, группа небрачных беспоповцев, куда входил пламенный Федул, образовалась в первой половине XIX столетия, тогда же, когда и сообщества в Поповке и Зарудне, Овчагино, Титовской и др.

В 1902 году «Миссионерский сборник» сообщал о «перекрещенниках», судя по всему филипповцах, следующее: «Егорьевские беспоповцы-перекрещенники составляют из себя небольшую часть чего-то вроде округа, к которому причислены уезды: Богородский, Коломенский, Касимовский и отчасти Рязанский. Все беспоповцы-единомышленники имеют между собой переписку и ездят друг к другу «в гости»; но под словом ездить в гости разумеются не свидания и не... препровождение времени между родными и знакомыми, а нечто вроде собора, вызванного какою-либо внутреннею неурядицею или смутою»⁴⁷.

В 1906 году тот же «Миссионерский сборник» опубликовал небольшую заметку о беспоповцах, следует понимать филипповцах, Зарайского и Егорьевского уездов. Со ссылкой на наставника Харитона из деревни Кудрино Зарайского уезда, сообщалось о филипповском соборе в Коломенском уезде, на котором обсуждался вопрос об отношении к локомотиву и езде на поездах⁴⁸. Время, когда этот собор состоялся, в сборнике не уточнялось, так что, возможно, он проходил намного ранее начала XX века.

Активные федосеевцы прежнего Егорьевского уезда во второй половине XX столетия проживали в бывшей Поповке, ставшей при советской власти поселком Октябрьское. После закрытия в 1930-х гг. их Троицкого храма-моленной они переориентировались на московский центр на Преображенском кладбище.

Последним пристанищем филипповцев Западной Мещёры стала егорьевская деревня Овчагино, где в жилом двухэтажном доме находилась моленная. В нее на соборную молитву приходили филипповцы из гуслицких деревень (в т.ч. д. Вантино), Воскресенского района (д. Кладьково) и других мест. В конце XX века в Егорьевске и некоторых деревнях его района еще бодрствовали отдельные «молящие» филипповцы, которые поддерживали весьма тесные контакты друг с другом, а также с одноверцами в Коломне, Владимире и Москве. Кроме того, филипповское самосознание сохранялось у членов их семейств, которые при этом не соблюдали всех необходимых требований и считались «замирщенными». Фактически к филипповцам эти люди относились чисто номинально. О современных активных филипповцах на территории прежнего Егорьевского уезда у нас никаких сведений нет.

Странники

Еще одним беспоповским соглашением, восходящим к поморскому корню, являются странники. В 1884 году «Церковный вестник», со ссылкой на «Русские ведомости», опубликовал небольшую заметку о том, что «секта» странников стала распространяться на территории соседнего с Егорьевским Коломенского уезда Московской губернии. Отмечалось, что последователи этого согласия появились в селах Озёры и Хорошеве с окрестными деревнями⁴⁹. (В отличие от Озёр, Хорошево располагалось неподалёку от границ Егорьевского уезда.) Странники, постоянно скрывавшиеся от полиции и иных представителей власти, вели чрезвычайно замкнутый образ жизни. Поэтому

мы не можем со всей определённой сказать, появились ли странники в егорьевских деревнях. Вероятно, действительно появились, но никаких документальных подтверждений этому нет.

Лужканы

Лужканы, или лужковцы, являются ветвью беглопоповцев, получивших свое название по посадку Лужки в Стародубье, где это согласие оформилось как самостоятельное течение в 1820-х гг. Причиной отделения лужканов от основной массы тогдашних поповцев, пользовавшихся исключительно услугами беглых священников, был отказ принимать попов, дозволенных правительством⁵⁰. Лужканы, стоявшие в оппозиции духовным властям Рогожского кладбища, были прежде довольно многочисленными в соседних Гуслицах, а также и в поповском мире Егорьевского уезда.

В 1899 году рязанский журнал «Миссионерский сборник» опубликовал интересный материал священника Матфея Рябцева «Раскол в Макшеевском приходе». По словам Рябцева, жители старообрядческих селений этого прихода: Угорной слободы, Комлева, Сурина, Надева и Высокой, находившиеся под сильным влиянием центра в гуслицком Чёлохове, в начале XIX столетия принадлежали к лужковскому (лужканскому) согласию. Жившие в Чёлоховском приходе беглые попы вплоть до 1860-х гг., то есть до времени укрепления в уезде белокриницкого согласия, занимались окормлением макшеевских староверов. В статье М. Рябцева есть упоминание и о служившем до 1821 года в Макшееве священнике Федоре Феофилактове, который крайней лояльно относился к старообрядцам. За определенную мзду (черного барана) он чуть ли не благословлял желающих на переход в «раскол». После перевода из Макшеевского прихода в село Никуличи Феофилактов бежал к старообрядцам, пополнив число беглого духовенства. Возможно, что именно с поповством этого священника и связано становление здесь лужканства. Из очерка о. Рябцева следует, что ранее макшеевские старообрядцы принадлежали к какому-то другому согласию, впрочем, определить к которому именно, никто не мог даже в конце 1890-х гг. Следует полагать, что это были спасовцы.

К моменту написания Рябцевым статьи в приходе еще оставались последние лужканы. Он называет их поименно: крестьянин деревни Комлево Севастьян Григорьев с семейством, а также его односельчанин Иван Исидоров, Сидор Мануйлов, Федор Вуколов⁵¹.

Судя по всему, уже к началу XX столетия трое последних умерли, и тот же священник Матфей Рябцев в новом материале на страницах «Миссионерского сборника» сообщал, что за смертью стариков только одно семейство из прежних четырех осталось «усердным почитателем тайного беглопоповства». Молодые поколения остальных семей присоединились к белокрынишникам⁵².

Лужканы пользовались услугами беглых священников, переманивание которых было сопряжено со многими трудностями. Из-за этого иереев хронически не хватало. В 1884 году «Церковный вестник» опубликовал небольшой материал о лужканах соседнего с Егорьевским Коломенского уезда. Из него мы узнаем, что в это время все согласие окормляли только три беглых попа. В Коломенском уезде служил поп Дмитрий, который наверняка также обслуживал духовные нужды и лужкан Бронницкого уезда, Гуслиц, а также, что очень вероятно, Егорьевского уезда. Года за два до публикации, попа Дмитрия арестовали, и по распоряжению Калужского епархиального начальства отдали на покаяние в монастырь, откуда он благополучно бежал и вернулся в Коломенский уезд⁵³.

В «Ведомости о раскольниках по Рязанской епархии на 1888 год» говорится о пяти представителях лужканского согласия из деревни Тимшино, где по другим источникам известны только последователи Рогожского кладбища⁵⁴. Скорее всего, указанная группа представляла собой остатки прежнего лужканского населения и как бы память о времени, когда все поповцы Тимшина, а возможно и окрестных селений, были лужканами.

Согласно сведениям епархиальных миссионеров, относящимся к середине 1890-х, в Егорьевском уезде проживало 52 представителя беглопоповского согласия (25 мужского пола и 27 женского). Из них в приходе села Алешина – 46 чел. (22 м. и 24 ж.) и в приходе села Ивановского-Сергиевского – 6 чел. (3 м. и 3 ж.)⁵⁵. Следует полагать, однако, что представителей этого согласия в рассматриваемое время на территории уезда было несколько больше и площадь их расселения была значительно обширнее. Наверняка какие-то лужканские семьи жили и в самом г. Егорьевске, впрочем, никаких данных об этом мы не имеем.

Еще одна небольшая группа лужкан, о которой не сообщали миссионеры, проживала в селе Красном и некоторых соседних селениях, к примеру, в Запутной. Здесь лужканство сохранялось до второй половины XX века. Когда в 1999 году я приезжал в Красное и Запутную, о потомках лужкан мне рассказывал настоятель красновской Успенской православной церкви иеромонах Филипп (Маслич).

Группа местных беспоповцев, по его словам, была крайне малочисленной: в нее входило несколько лужжанских семейств, которые прежде поддерживали тесные отношения с одноверцами в других уголках Егорьевского уезда, а также в Гуслицах.

В XX столетии значительная часть оставшихся лужжан Егорьевского края, соседних Гуслиц и Воскресенского района присоединилась к основной ветви беглопоповцев, у которых с 1920-х гг. появилась иерархия, известная ныне как Новозыбковская. Небольшое число лужжан, сохранив изолированный образ жизни, стали, по существу, беспоповцами. Последние из них молились в некоторых гуслицких деревнях до конца 1990-х г. Мне рассказывали историю о том, что в середине XX в. к этой группе лужжан приезжал из Рязани некий беглый священник по имени Александр.

В настоящее время о существовании групп практикующих лужжан в Егорьевском крае и других прежде «лужжанских» местностях никакой достоверной информации нет. По сведениям председателя старообрядческой общины белокриницкого согласия из д. Елкино Воскресенского района Дмитрия Боярского, остатки лужжанского самосознания вроде бы еще сохраняются у части жителей расположенных неподалеку от Елкина деревень Потаповской и Берендино.

Белокриницкое согласие

Мы считаем, что изначально поповцы не являлись доминирующим согласием Егорьевского края. До них здесь господствовали беспоповцы, хотя и поповцев, большая часть которых после 1840-х гг. стала белокринишниками, следует признать одним из старейших местных согласий.

Однако это мнение разделяется и разделялось не всеми. В одном из своих повествований окружной егорьевский «противораскольнический» миссионер священник Н. Виноградов писал, имея в виду местное белокриницкое согласие, что «егорьевский раскол – недавний раскол». Он был убежден, что до 1850-х гг. в городе Егорьевске жили исключительно православные, если под этим словом понимать сторонников официальной церкви⁵⁶. Проникновение сюда Рогожских адептов он связывал исключительно с соседством Гуслиц. Когда Егорьевск стал превращаться из грязного захолустного городка в текстильный центр, сюда стал стекаться рабочий люд, среди которого оказалось немало гусяков-старообрядцев. «Раскольники-гусяки покупали земли и селились в городе, строили лавки и зачислялись в

коренные жители города, чем увеличивали численность раскольников города и способствовали соращению в раскол православных. Все природные егорьевцы раскольники были в недавнее время православными». Священник-миссионер даже называл имя самого первого гусяка-«раскольника», обосновавшегося в городе: «Первым раскольников в Егорьевске был гусяк Ларион Карпов, и только он один, а теперь раскольники считаются тысячами»⁵⁷. Однако этой версии о. Виноградова противоречит факт существования истари в городе старообрядческой общественной моленной, которая, как мы увидим в одной из следующих глав, к 1850-м гг. уже была достаточно ветхой. Отсюда можно сделать вывод, что изначально общество староверов Егорьевска и его молитвенное здание были беспоповскими, а значительная часть поздних белокрынишников прежде была спасовцами, поморцами и, возможно, представителями других согласий.

Так или иначе, к середине XIX столетия поповцы стали доминировать и в самом Егорьевском уезде, и в соседних старообрядческих местностях. Центром «победившего» поповского Белокрыницкого согласия по сей день является московское Рогожское кладбище, где находится резиденция митрополита (до 1988 года – архиепископа) Московского и всея Руси. Кладбище возникло в начале 1770-х гг.; до 1840-х гг. в трех его храмах служили беглые священники. Но вскоре старообрядцам удалось заполучить из Константинополя заштатного греческого митрополита Амвросия. Амвросий был доставлен на территорию австрийской Буковины, где в местечке Белая Криница его и перевели в старообрядчество. Поэтому оппоненты, как старообрядцы, так и представители господствующей церкви, часто именовали и именуют белокрынишников «австрийцами». Под давлением российских властей митрополит Амвросий вскоре был арестован властями Австро-Венгрии и всю оставшуюся жизнь провел в заключении. Однако он успел рукоположить себе преемников, от которых и пошла старообрядческая иерархия, также именуемая Белокрыницкой. Последняя объединяет большую часть поповцев, за исключением не признающих ее новозыбковцев (сторонников новозыбковской иерархии). Переход прежних местных беспоповцев в стан последователей клириков Рогожского кладбища начался еще до возникновения Белокрыницкой иерархии. Главной причиной этого стало формирование при «Рогожке» мощной духовно-промышленной корпорации, которая широко использовала в своей миссионерской деятельности экономические рычаги.

Уже к 1850-м годам старообрядческое белокрыницкое общество Егорьевска находилось в весьма тесных отношениях с одноверцами других регионов. На страницах сборника «Старообрядчество: История, культура, современность» (М., 2000. Вып. 8) была опубликована статья Г.П. Муравьевой «О старообрядцах г. Егорьевска (из материалов, переданных П.И. Мельниковым Шуйскому уездному суду)». Автор ссылается на несколько документов Государственного архива Ивановской области, где сообщается о событиях егорьевской жизни и фигурируют егорьевские персонажи. Один из документов повествует о задержанном в Егорьевске в 1853 году крестьянине гуслицкой удельной деревни Яковлевской Гавриле Семёнове Юлине (Юдине? – С.М.) за подачу на почту тридцати писем, адресованных в разные места и разным лицам. Поданные письма, говорится в документе, были запечатаны печатью с надписью «Кавказ», писаны полууставом и подписаны «настоятелем иноком Трифилием». Среди адресатов оказались жители села Иванова Шуйского уезда Киселева, Потемкин и Дурденевский, чем и объясняется разбирательство дела в Шуйском уезде Владимирской губернии⁵⁸. Любопытно, что за задержание Юлина пострадал егорьевский почтмейстер. На него было совершено нападение, в котором подозревались купеческие сыновья Галактион Князев и Макар Куликов, а также купцы Влас Чекаев и Кир Шведов⁵⁹.

Отметим, что «инок Трифилий» не случайно отправлял злополучные письма в Иваново: это чрезвычайно богатое село вскоре стало «русским Манчестером». Про самого «инока» мы более ничего не знаем. Возможно, Трифилий жил в Егорьевске как настоятель местной общественной моленной, но, скорее всего, он происходил из Гуслиц, а свои послания отправлял через Егорьевск, поскольку это был ближайший к Гуслицам город.

В одном из выпусков «Миссионерского сборника» за 1901 год рассказывается о расположенной под Егорьевском старообрядческой деревне Федуловской. Вначале эта деревня находилась в составе официального соборного прихода, но после 1889 года перешла в новообразованный приход храма села Алёшина. Федуловская, по данным миссионеров, была населена преимущественно сторонниками Белокрыницкого согласия. Миссионеры сетовали, что ее жители перешли в «раскол» одновременно с егорьевцами. Алёшинский же священник о. В. Яковлев утверждал, что ранее все 35 дворов деревни были православными, а теперь (в 1900 году) в православии осталось всего три двора⁶⁰. Однако миссионеры господствующей церкви

Один из представителей семейства Князевых, Осип Карпович Князев. Из книги А.А. Виталья «Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин» (М., 1909)

совсем не учитывали, что помимо белокринишников и в Федуловской, и в соседних Алёшине и Кудиновской, проживали немногочисленные лужканы и спасовцы. Возможно, что именно последние и составляли здесь раннее старообрядческое население.

В восточную часть уезда, где старообрядцев вообще было очень мало, поповцы попадали преимущественно из его западной части. Их появление здесь следует связывать с регулярной миссионерской деятельностью белокриницких адептов. Впрочем, иногда обнаруживаются иные, довольно неожиданные причины «поповской экспансии». Например, появление поповщины в деревне Ново-Ворово «Миссионерский сборник» за 1900 г. объясняет так: «По рассказам старо-

жилов раскол в деревне Ново-Ворове заносный. Старик Ларион Иванов хорошо помнит, как в числе трех дворов раскольники были переселены из прихода села Макшеева помещиком Рославлевым, тому лет 50 и более будет. <...> Теперь раскольников насчитывается до 50 человек обоего пола»⁶¹. Изначально самыми крупными фабрикантами в городе Егорьевске были купцы-старообрядцы Князевы. Затем, примерно с 1845 года, на первое место выдвинулись выходцы из находящейся неподалеку д. Акатово Хлудовы. Последнее семейство часто необоснованно причисляют к старообрядцам. Однако насколько нам известно, Хлудовы принадлежали к господствующей церкви. Правда, в Акатово, как мы подробнее расскажем далее, вплоть до середины XX столетия существовала старообрядческая община, объединявшая немалую часть жителей. Поэтому не исключено, что в далёком прошлом Хлудовы тоже следовали старообрядческой вере. Впрочем, сказанное выше не больше, чем гипотеза; достоверно же известно следующее: один из братьев Хлудовых перешёл в старообрядчество, женившись на представительнице рода Князевых, но муж его сестры, Андриан Озерский, снова переманил его к никонианам. Кстати, в Акатово

предки семейства Хлудовых носили иную фамилию – Хлуденковы. Причина смены фамилии нам не выяснена.

В XIX столетии в Егорьевске появились новые богатые старообрядческие семьи. Это Каширины, Лебедевы, Куликовы, Кутаковы, Буяновы и др. Одновременно шёл активный процесс перехода в староверие. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. к старообрядчеству присоединились купцы Клопов и Лизунов. Одновременно с ними стало старообрядческим семейство Григория Назаровича Брёхова. Сын Г.Н. Брёхова Петр Григорьевич в конце XIX – начале XX в. уже был одним из главных деятелей егорьевского старообрядчества, и, став крупным капиталистом, проявлял заботу об общественном храме. (Молодое поколение Князевых к этому времени отошло от общественных дел)⁶².

В итоге у адептов белокриницких старообрядцев к началу XX столетия оказалось большинство молитвенных зданий, а само Белокриницкое согласие стало доминировать в Егорьевском уезде.

Здесь следует сделать небольшое отступление. В 1860-х гг. белокриницкий старообрядческий мир раскололся по признаку принятия или непринятия т.н. «Окружного послания», авторы которого провозглашали создание белокриницкой догматики, близкой догматике официальной церкви. На самом деле «Послание» появилось как следствие своеобразного заигрывания рогожских промышленных верхов с властями для того, чтобы добиться легализации своего согласия. Авторы «Окружного послания», в частности, предлагали не относиться к представителям властей как к противникам староверия и отказаться от старообрядческой доктрины о царе как о воплощении Антихриста.

Егорьевские старообрядцы-поповцы второй половины XIX – начала XX в. принадлежали, главным образом, к белокриницкому *Окружному* согласию. Небольшое число поповцев (беглопоповцев) было представлено лужканами, о которых говорилось выше. Об отделившихся после 1864 года от белокриницких *неокружниках* известно очень мало. Они проникали в Егорьевский край из южной части Гуслиц, где находилось неокружническое гнездо. Значительная их часть прибывала для работы на егорьевских фабриках. Конечно, многие из неокружников переходили в окружничество, но кто-то, должно быть, оставался в своей вере. Где находилось городское место их общественных молений, неизвестно.

В целом на территории уезда неокружничество распространиться не смогло. Среди коренных жителей Егорьевского края неокружники были известны в подгородной деревне Русанцево.

Григорий Назарович Брехов.
Фото из книги А.А.Виталия
«Егорьевский городской голова Ники-
фор Михайлович Бардыгин» (М., 1909)

Пётр Григорьевич Брехов.
Фото из журнала «Церковь»

В 1892 году, когда собирались ремонтировать моленную д. Агрызково и местным старообрядцам предложили посещать моленную соседнего Русанцева, агрызовцы отказались на основании того, что в Русанцеве моленная неокружническая, и именно «поэтому у нас и разные моленные»⁶³. К началу XX столетия, согласно заметкам журнала «Церковь», русанцевские неокружники, как и большинство неокружников соседних Гуслиц, были последователями епископа Даниила Богородского («даниловцами»). Но уже в 1908 году, как следует из публикаций того же журнала, здешняя моленная стала обычной окружнической. О судьбе последних егорьевских неокружников, которые, очевидно, не исчезли после смены направления русанцевской моленной, мы сведениями не располагаем.

Скорее всего, они еще какое-то время существовали как самостоятельное объединение. Судя по тому, как долго сохранялись остатки других староверских обществ, в домашней моленной кого-либо из своих одноверцев они могли собираться вплоть до середины XX столетия, а возможно и дольше.

В настоящее время белокриницкое согласие является единственной старообрядческой конфессией, которая имеет на территории прежнего Егорьевского уезда (в г. Егорьевске) зарегистрированную официально общину. К белокринишникам ныне принадлежит подавляющее большинство старообрядцев рассматриваемой террито-

рии. Однако значительное число сельских обществ к началу XXI столетия сошло на нет, да и те, что сохранились, уже не столь влиятельны и многочисленны.

Единоверцы

Единоверие – это особая ветвь официального православия, которая сохраняет в богослужебной и отчасти духовной жизни обычаи и обряды дониконовской церкви. Первые единоверческие приходы были учреждены в 1800 году императором Павлом I и московским митрополитом Платоном (Левшинным). Единоверцы подчиняются правящим архиереям тех епархий, где находятся их храмы. Единоверческое духовенство также поставляется правящими архиереями, но при соблюдении древних обрядов. Краткий период, с 1917 по 1930-е гг., единоверцы имели своих викарных епископов. Главной целью создателей единоверия было постепенное, через дозволение легального отправления старого обряда, сближение старообрядцев с господствующим направлением православия. Фактически единоверие является унией части старообрядцев с официальной, вначале Синодальной, а затем Патриаршей церковью. Существовало два типа единоверческих общин. Первый тип стремился, невзирая на пребывание в стане никониан, полностью сохранить старообрядческие традиции. Его представители старались строить отношения с официальным духовным начальством по принципу: «Мы вам подчиняемся, мы в лоне Церкви, а большего от нас не требуйте». Второй тип – миссионерский. Его лидеры, в лице архимандрита Павла Прусского, протоиерея Ксенофонта Крючкова и др., никогда не скрывали того, что их главная задача – полное уничтожение старого обряда, пусть даже и через временное дозволение переходящим из старообрядчества лицам его исполнять. Единоверцы первого типа и по духу, и по букве церковных служб представляли собой часть старообрядческого мира, чего нельзя сказать о представителях миссионерского единоверия, богослужение которых могло иметь вид «сборной солянки» из двух обрядов.

В городе Егорьевске на протяжении XIX в. случались отдельные переходы в единоверие, которые не имели особенных последствий. Когда именно появились первые егорьевские единоверцы, мы не знаем, возможно ещё до середины XIX века. Случаи перехода не так легко выявить, поскольку ренегаты из старообрядчества зачастую принимали господствующий обряд и единоверие не в тех населен-

ных пунктах, где находились их общины, а в совершенно иных местах (включая поселения других губерний), например во время работ на отхожих промыслах. Среди обнаруженных нами архивных материалов отметим судебное дело 1857 года, где упоминаются «проступки» егорьевского временного купца Ивана Варфоломеева Чекаева с семейством из восьми человек, которые в 1855 году приняли единоверие, а затем снова вернулись в старообрядчество⁶⁴. Этот случай по России далеко не единственный. В указанный период правительство, стремясь подорвать старообрядчество экономически, пыталось лишить купцов-староверов возможности объявлять свои капиталы и, следовательно, оставаться представителями купеческого сословия. Для объявления капиталов купцы должны были переходить в господствующий обряд или единоверие, что породило волну мнимых переходов. После того, как эта антистарообрядческая затея провалилась, мнимые единоверцы, разумеется, сразу же вновь оказались «раскольниками». В «Памятной книжке для Рязанской губернии на 1860 год» по г. Егорьевску показано всего два представителя единоверия – мужчина и женщина⁶⁵.

Когда в 1882 году представители егорьевского старообрядческого общества добивались разрешения на устройство в городе нового храма-моленной, власти попытались учредить при новом храме не белокрыницкий, а единоверческий приход, однако эту идею местные старообрядцы сразу же отвергли.

В начале XX века образовалась небольшая единоверческая община в деревне Поповке. Для жителей деревни поначалу была открыта Троицкая единоверческая церковь-школа, а после учрежден и самостоятельный приход. О нем мы вкратце расскажем в одной из следующих глав. Добавим, что на территории Рязанской епархии было всего два единоверческих прихода: один – в Поповке, а другой – в соседнем уездном центре г. Зарайске. Поэтому вскоре после закрытия Троицкого храма местное единоверие, а равно и все единоверие Егорьевского края, прекратило свое существование.

1. Миловидов В.Ф. Распад старообрядчества в Рязанской области // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1963. Вып. XI. С. 126;

2. Раскол в Рязанской губернии // Известия Императорского Русского географического общества. Спб., 1878. Вып. 5. С. 422;

3. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 33–35;

4. Лужковское согласие // Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энцикл. слов. / Сост. С.Г. Вургафт и И.А. Ушаков. М., 1996. С. 160;
5. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 6. С. 511;
6. Там же. С. 513
7. Там же. С. 513–514;
8. Проходцов И. Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии // Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 376;
9. Там же. С. 377–378;
10. Там же. С. 378;
11. Там же. С. 382–384;
12. Миссионерский сборник. Рязань, 1914. № 6–7. С. 378;
13. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 2006. С. 409;
14. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. Спб., 1898. Прилож. Гл. 3. С. 085–086;
15. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия... С. 410;
16. Нетовцы (Спасово согласие) // Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы. С. 189–191;
17. Раскол в селе Поиме и учреждение единоверия // Пензенские епархиальные ведомости. Пенза, 1868. № 8 (ч. офиц.). С. 258–259;
18. Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее и будущее. Ярославль, 2008. С. 196;
19. Состояние старообрядчества во Владимирской епархии за 1910 год // Миссионерский сборник. Рязань, 1911. № 1. С. 63;
20. Зенин Н. Никита Тимофеевич Кацепов (некролог) // Старообрядческая мысль. М., 1913. № 6–7, С. 555–556;
21. Карта раскольничьих селений Московской губернии / Изд. Моск. столич. и губерн. стат. ком. М., 1871;
22. Виноградов Н., священник. Записка о поездке в Гуслицу летом 1876 г. // Братское слово. М., 1876. Кн. 3. С. 168–169;
23. ГАРО. Ф. 627. Оп. 140. Д. 27. Л. 49–55 об.;
24. Рязанские епархиальные ведомости, 1887. № 17 (ч. офиц.). С. 501;
25. Миссионерский сборник. Рязань, 1894. № 5. С. 17–18;
26. Стороженко А. Из портфеля чиновника. Гуслица // Отечественные записки. Спб., 1863. Т. 146. Янв., № 1. С. 89;
27. Раскол в селе Поиме и учреждение единоверия. С. 258–259;
28. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 6. С. 513–514;
29. Миссионерский сборник. Рязань, 1914. № 6–7. С. 473;
30. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 6. С. 514;
31. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 1. С. 82–83;
32. Миссионерский сборник. Рязань, 1901. № 2. С. 171;
33. Там же. С. 171–172;
34. Там же. С. 172;

35. Там же. С. 174, 176;
36. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия... С. 340;
37. Миссионерский сборник. Рязань, 1900, № 2, С. 274;
38. ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 1. Д. 595а. Л. 1–99;
39. ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 2. Д. 770а. Л. 1–162;
40. ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 3. Д. 1499. Л. 1–89;
41. Московский листок, 1886. 6 апр. № 96;
42. ГАРО. Ф. 627. Оп. 147. Д. 15. Л. 35 об.;
43. Там же. Л. 45;
44. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1893. № 9 (ч. офиц.);
45. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 6. С. 511–514;
46. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 1. С. 82;
47. Миссионерский сборник. Рязань, 1902. № 1. С. 125;
48. Миссионерский сборник. Рязань, 1906. № 1. С. 70–71;
49. Церковный вестник, 1884. № 20. С. 9;
50. Братское слово. М., 1885. № 6. С. 348–349;
51. Рябцев М. Раскол в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник. Рязань, 1899. № 1. С. 2–9;
52. Рябцев М.К. Летописи раскола в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник. Рязань, 1902. № 3. С. 269–270;
53. Церковный вестник, 1884. № 20. С. 9–10;
54. ГАРО. Ф. 627. Оп. 147. Д. 15. Л. 74 об.;
55. Миссионерский сборник. Рязань, 1896. № 6. С. 511;
56. Миссионерский сборник. Рязань, 1900. № 2. С. 272;
57. Там же. С. 273;
58. Муравьева Г.П. О старообрядцах г. Егорьевска (из материалов, переданных П.И. Мельниковым Шуйскому уездному суду) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2000. Вып. 8. С. 25;
59. Там же. С. 26;
60. Миссионерский сборник. Рязань, 1901. № 4. С. 353;
61. Миссионерский сборник. Рязань, 1900. № 1. С. 74;
62. Петр Григорьевич Брехов (некролог) // Старообрядческая мысль. М., 1914. № 3. С. 286–289;
63. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 9. Л. 12;
64. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 451. Л. 19;
65. Памятная книжка для Рязанской губернии на 1860 год. Рязань, 1860. С. 22–23.

ГЛАВА III

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ГОРОДА ЕГОРЬЕВСКА В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Начало XX века – наверное один из самых интересных периодов истории России. В отличие от иных ключевых эпох, от него сохранилось множество документальных свидетельств. Этот предшествовавший трагическим революционным событиям период характеризует возросшая активность различных слоев общества, в том числе и старообрядцев. Последним в 1905–1906 гг. удалось получить долгожданную вероисповедную свободу и выйти из вынужденного полуподполья. За десять с небольшим лет ими были зарегистрированы многочисленные общины разных согласий и вместо старых моленных построены полноценные церковные здания. Однако многие старообрядцы не приняли данные им царским правительством свободы и не пошли на легализацию и регистрацию общин.

В рассматриваемый период старообрядческое общество г. Егорьевска считалось одним из самых крупных и активных. Речь идет о старообрядцах белокриницкого согласия, которые к началу XX столетия составляли в городе подавляющее большинство. Общества егорьевских беспоповцев (филипповцев, спасовцев и др.) и беглопоповцев-лужжан в то время были весьма малочисленными и практически не попадали в поле зрения полиции, православных миссионеров и даже последователей Рогожского кладбища.

В 1903 году официальное православное издание «Рязанские епархиальные ведомости» опубликовало небольшой материал, который именовался «Егорьевский раскол в 1902 году». Мы считаем, что он дает достоверную информацию о городском старообрядчестве, хотя, конечно, к строкам, вышедшим из-под пера злейших врагов староверия, надо относиться критически. Согласно сведениям анонимного автора этого материала, в Егорьевске в 1902 г. проживало до 4 тысяч старообрядцев, из которых большинство принадлежало к «австрийскому священству». Таким образом, даже согласно официальным епархиальным сведениям, город населяли небольшие группы других старообрядцев. «До недавнего сравнительно времени, – писал автор, – егорьевские старообрядцы жили обособленной жизнью. К представителям внешнего мира было фанатичное отношение как к «погрязшим в тине неверия». С адептами официального православия старообрядцы общались лишь в случаях необходимости: по торговым делам и пр.

Вид города
со стороны Технического училища.

Вид города Егорьевска начала XX века. Фото из книги А.А. Виталья «Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин» (М., 1909)

Обучением юных поколений старообрядческих семейств ведали начетчики и «девицы-вековуши». Автор признавал замкнутость старообрядческого мира поддерживали религиозные стеснения, которым он подвергался, причём в такой «обособленности раскола заключалась его мощь». Но после того, как «стеснения» стали ослабевать, положение изменилось. Старообрядцы за два последних десятилетия XIX века смогли устроить новую моленную и проводили в ней богослужения почти открыто. По случаю похорон одноверцев они устраивали торжественные процессии, старообрядческие священники стали свободно носить поповские одежды и длинные волосы. Изменилось отношение к приверженцам господствующего исповедания: с ними открыто поддерживали дружеские контакты, ходили к ним в гости и пр.; это уже не считалось грехом. Терпимость егорьевских старообрядцев дошла до того, что для получения образования они начали отдавать своих детей в церковно-приходские школы. Это способствовало стиранию препятствий в общении между представителями двух исповеданий. Тем самым, как заключал автор, был нанесен смертельный удар по «раскольничьему» домашнему образованию.

Указанные факты не могли не беспокоить егорьевских старообрядческих руководителей, опасавшихся, что если не изменить ситуацию, «падет совсем древнее благочестие». Поскольку в таком крупном промышленном городе, как Егорьевск начала XX столетия, население уже хорошо понимало необходимость образования, руководители стремились в противовес официальным церковно-приходским школам открывать свои старообрядческие. В 1902 году было возбуждено по этому вопросу ходатайство перед местной учебной дирекцией. (Школы со старообрядческими учителями и законоучителями к тому времени уже действовали в Нижегородской губернии.)

Да что там школы! По городу ходили слухи о грядущем учреждении здесь собственной архиерейской кафедры (действительно появившейся здесь, но уже после объявления вероисповедных свобод 1906 года). Согласно автору «Епархиальных ведомостей», Егорьевское гнездо в 1902 году неоднократно посещали известные по всей России начётчики: Ф.Е. Мельников, М.И. Бриллиантов, Усов. В самом городе жил начётчик З., в котором мы легко узнаем Н.Д. Зенина¹.

Ситуации в городе Егорьевске посвящена и более обширная статья местного священника Н. Виноградова в рязанском «Миссионерском сборнике». В 1902 году о. Виноградов наблюдал особое движение егорьевского «раскола». Город активно развивался и уже считал себя «центром и оплотом раскольничьих заблуждений», причём не только своего уезда, но и соседних Гуслиц. Местные капиталы, – писал священник-миссионер, – составляли главную опору егорьевского старообрядчества. Распоряжаясь значительными средствами, старообрядцы «делали свои дела и делишки свободно и не боялись того, чтобы кто-нибудь им помешал»².

В своей статье о. Виноградов коснулся и биографии упомянутого выше начётчика Ф. Мельникова. По его мнению, такой деятель, как Мельников, был необходим егорьевскому «расколу», нуждавшемуся к началу XX столетия во внешней поддержке. Миссионер немало абзацев посвятил «темным делишкам егорьевских старообрядцев по постройке новой часовни и другим противозаконным поступкам»³. (Новая моленная была сооружена в 1882 году с разрешения властей всех инстанций, до которых дело о ее дозволении доходило. Что «темного» в этом обнаружил миссионер, непонятно.) Ниже приводится небольшая выдержка из статьи Виноградова. Понятно, что надо уметь отделять пшеницу от плевел и миссионерское утрирование от истинного положения дел.

Егорьевск – город фабричный, в нем все интересы исчерпываются производством выработки; под шумом паровиков и ткацких станков проходят рабочие дни, а в праздник фабричные отдыхают или предаются разгулу. Капиталисты погружены в свои коммерческие расчеты. Старообрядцы – купцы, которых в городе большинство, не чувствовали доселе нужды в защите своего раскола. Они жили в загрубелой ненависти к Церкви Православной и чувствовали себя бесконтрольными хозяевами в общественной жизни, нраву которых перечить никто сметь не может...

...Неподвижная жизнь егорьевского раскола, полная внутреннего разложения, представляет гнилое болото, « в нем же – гади, им же несть числа». Внутренняя борьба окружников с неокружниками ничего почти освежающего не вносит в егорьевский раскол. Эта междуусобица не идет далее той обрядовой внешности и тех суеверий и предрассудков большинства их, которые доселе держат раскол в состоянии неподвижности и застоя...⁴.

Главное, что становится понятно нам из второй цитаты, – это наличие в Егорьевске еще в начале XX столетия, помимо представителей официальной окружнической ветви белокриницких старообрядцев, также и неокружников. Подобная информация более не встречается нигде, и это довольно странно. На территории соседних Гуслиц, включая селения, находившиеся недалеко от Егорьевска, с которыми егорьевская община поддерживала давние тесные связи, неокружников было немало. В описываемый период наступила новая фаза противостояния этих двух частей белокриницкого мира. О спорах окружников с неокружниками Виноградов писал: «Чтобы защитить себя, окружники оказываются вынужденными становиться на почву православных защитников, а противоокажники – на сторону беспоповцев», что создает непреодолимую пропасть между двумя сторонами. Отец-миссионер счёл нужным упомянуть и о разговорах 1901 и 1902 гг. относительно устройства в Егорьевске старообрядческой епископской кафедры, которая включила бы в свою епархию и сам Егорьевск, и соседние Гуслицы⁵. Он также уделил внимание беседам с окружниками и неокружниками в гуслицкой деревне Шувое, рассказал об уже известном нам Бриллиантове и затронул другие аспекты старообрядческого противостояния⁶.

Вообще, представители белокриницкого старообрядческого общества г. Егорьевска, будучи людьми преимущественно торговыми или связанными с промышленностью, в рассматриваемый период отходили от многих внешних старообрядческих традиций. Так, миссионер

Афанасий Кузнецов в своем отчете о работе со старообрядцами за 1911 год упомянул купца Князева, который состриг свою бороду, что ранее считалось весьма тяжелым проступком. И этот случай был далеко не единственным. Миссионер писал: «Если их духовная власть, стоящая во главе их церкви, решит порвать общение с «брадобрийцами», то останется с одними стариками и бедняками, с которыми долго не просуществует; старообрядческая же молодежь и все передовики, которые теперь держат в своих руках все старообрядчество, все, за небольшим исключением, брадобрийцы»⁷. Заметим, что «брадобрийцы» вовсе не обязательно ходили со скобленными подбородками. Большинство из них, особенно люди постарше, просто «подрубали», т.е. подстригали свои бороды. Ранее это также заслуживало порицания.

В рассматриваемый период происходила официальная регистрация старообрядческих белокриницких общин как в самом Егорьевске, так и в ряде уездных селений: Поповке, Угорной слободе и др. Но об этом мы расскажем подробнее, когда будем говорить про старообрядческие общества деревень.

Основными деятелями егорьевского городского старообрядчества были купцы. Несмотря на относительное благосостояние, по экономическому размаху и капиталам они уступали православным Хлудовым и Бардыгиным.

Подпись П.Г. Брëхова

Самыми богатыми из фабрикантов-старообрядцев считались Князевы. Это был коренной старообрядческий

род. Князевы открыли свою фабрику в Егорьевске первыми, а Хлудовы создали свое предприятие, оттеснив Князевых, позже. Среди других известных егорьевских старообрядческих фамилий следует отметить Лебедевых, Кашириных, Кутаковых и Куликовых.

Ярким представителем егорьевского старообрядческого общества был умерший 2 февраля (по старому стилю) 1914 года Петр Григорьевич Брëхов. Семейство Брëховых присоединилось к староверию только в 1840–50-х гг. Одновременно с ними присоединились семейства Клопова и Лизунова, также ставших впоследствии известными столпами общины. Брëхов поддерживал строительство нового общинного старообрядческого храма, открытого в 1882 году. Он стал «начальником» храма в 1890-х., когда старые Князевы, трепетно заботившиеся о церкви, сошли в могилу, а молодое поколение, вследствие определенной небрежности в вере, отошло от религии. Как и многие

Похороны П.Г. Брѣхова. Фото из журнала «Старообрядческая мысль»

другие представители купеческой молодежи того времени, они стали людьми «культурными», высокомерно относившимися к обычаям отцов.

После объявления свобод 1906 года, Брëхов пристроил к храму паперть, пять глав с крестами, а также колокольню. Кроме дел строительных, его занимала и духовная составляющая жизни общества. Для отпора миссионерам господствующей церкви, П.Г. Брëхов приглашал в Егорьевск известных начетчиков, вроде Мельникова и Усова, о которых говорилось выше. Причту старообрядческого храма он обеспечивал квартиры. В окрестностях города, на своей даче, Брëхов устроил своеобразный приют для старух, а в лесу, в виде скита – для стариков. Было у него своеобразное место, также в лесу, для летнего пребывания «котов», являвшихся разновидностью люмпенского полукриминального элемента. «Коты» известны по описаниям московского Хитрова рынка, одно из которых можно найти у В.А. Гиляровского⁸.

Епископская кафедра Рязанская и Егорьевская

Кир Александр,
епископ Рязанский и Егорьевский.
Фото из журнала «Церковь»

Когда мы описывали, ссылаясь на православных авторов, состояние старообрядческой общины в Егорьевске, то упоминали о намерении создать в этом городе епископскую кафедру. Намерение осуществилось через четыре года, в октябре 1906 года. Учрежденная епархия объединяла не только Егорьевск и Гуслицы, но и другие местности Рязанской губернии. Вообще, епископ был поставлен сюда, как мы увидим ниже, в качестве помощника московского архиепископа. Он именовался «Рязанский и Егорьевский», так что главным городом кафедры считалась все же Рязань.

Первым и последним епископом Рязанским и Егорьевским был владыка Александр (Богатенко, или, как он сам писал, – Богатенков). Известно, что поставили его в диаконы

не позднее 1889 года. Дьяконом он председательствовал на старообрядческом Казанско-Вятском епархиальном съезде. Впоследствии он какое-то время служил секретарем архиепископа Иоанна (Картушина) и проживал в Николо-Ямском переулке в Москве. Определением Священного Собора 25 июня 1907 года Богатенко был избран епископом на Рязанско-Егорьевскую епархию. В 1910–1912 гг. он, помимо своей, временно получил еще Петроградско-Тверскую и Казанско-Вятскую епархии. В 1915 году после смерти архиепископа Иоанна до избрания нового главы белокриницких старообрядцев России Богатенко был местоблюстителем московской кафедры. Умер епископ Александр приблизительно в 1928 году⁹.

Егорьевскъ. Еп. Александръ съ причтомъ и учениками училища пѣнія.

Фото из журнала «Старообрядческая мысль»

Под 1915 годом журнал «Старообрядческая мысль» опубликовал тексты нескольких документов, которые свидетельствовали об учреждении епархии и об избрании ее епископом Алексея Прокопьевича Богатенко, в пострижении – Александра. На заседании московского епархиального совета от 2 октября (по старому стилю) 1906 года по предложению архиепископа Иоанна было решено иметь помощника в звании епископа для наблюдения за епархиальными делами во время отлучек самого архиепископа. Кандидатом на должность был реко-

мендован диакон Алексей Богатенков, который дал свое согласие, но просил подождать до Великого поста. Позже, 26 июня 1907 года, Освященный Собор старообрядческих епископов определит: «Освященный собор, о Св. Духе собравшийся в царствующем граде Москве, в храме Рождества Христова, выслушав словесное заявление архиепископа Иоанна об открытии рязанской епархии, о рукоположении на нее диакона Алексея Прокопьевича Богатенкова, который бы мог проживать в Москве и быть помощником ему, архиепископу московскому, сим определяем: открыть рязанскую епархию и хиротонисать на нее благоговейного диакона Алексея Богатенкова, предварительно заручившись согласием граждан г. Москвы и приходов Рязанской губернии.

Привести настоящее определение в исполнение поручаем архиепископу московскому Иоанну с участием епископов, которых он заблагорассудит на сие пригласить. Москва, 26 июня 1907 г.

Подлинное за подписью всех епископов¹⁰.

Рукоположен во епископы Алексей (в иночестве – Александр) Богатенков был согласно напечатанному здесь же свидетельству 4 октября (по старому стилю) 1907 года. Его хиротонисали: сам архиепископ Иоанн, а также епископы Иоасаф Казанский и Иона Смоленский¹¹.

Старообрядческое Братство св. Петра и Павла

Для борьбы со старообрядцами в городе Егорьевске и Егорьевском уезде работало миссионерское Братство св. Георгия. Предшественником этого миссионерского противостарообрядческого братства был миссионерский кружок, устроенный по благословению епископа Рязанского и Зарайского Полиевкта в бытность его еще викарным епископом Михайловским. Состоял этот кружок из «ревнителей православия» для «противодействия расколу». Кружок проводил по воскресным и праздничным дням беседы в соборном храме, причём беседами руководил «опытный миссионер»¹². Интересное свидетельство некоторых поступков членов кружка и «опытных миссионеров» находится на страницах выходившего в австро-венгерском г. Климовцы «Старообрядческого вестника». 2 мая (по старому стилю) 1905 года миссионер господствующей церкви Иван Григорьевич Кочеров, сопровождаемый полицейским надзирателем и «с шайкой разного сброда», в котором явно угадываются члены кружка, ворвались в квартиру старообрядческого начетчика В.Т. Зеленкова, обладавшего прекрасной библиотекой, и похитили сорок одну книгу общей сто-

имостью свыше ста рублей. Все книги были исключительно религиозного и исторического содержания и «предосудительной» литературой не являлись. После ограбления квартиры Зеленкова православные миссионеры направились в квартиру другого известного егорьевского начетчика Н.Д. Зенина, дабы учинить аналогичный налет. Но Зенин был уже предупрежден, что миссионеры начали грабить старообрядческие библиотеки, и поэтому успел спрятать свои книги и иные предметы, имеющие отношение к религии. «Добычей» гоппников от православной веры стали всего три издания: о пьянстве, второй том «Исторических исследований» и «Оправдание обливательного крещения». Попытки ограбить других старообрядцев не увенчались успехом: они также были предупреждены и успели спрятать книги и вещи¹³. Как видим, даже накануне объявления в России религиозных свобод егорьевские миссионеры, озлобленные на крепкое и многолюдное старообрядчество города, которое им весьма сложно было одолеть на регулярно проводившихся беседах и диспутах, решили при помощи полиции действовать крайне грубым и глупым способом.

Еще до распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища в 1905 году и Высочайшего манифеста 1906 года, в 1904 г. представители егорьевского старообрядческого общества создали Братство св. Верховных Апостолов Петра и Павла. Это Братство с первых дней своего существования начало активную работу по укреплению позиций белокрыницкого старообрядчества в городе и окрестностях. Главной заботой организации, разумеется, стало противодействие миссионерам господствующей церкви. Одним из активнейших деятелей и фактическим основателем Братства был начетчик Никифор Зенин, о котором пойдёт речь ниже. К 1907 году в Братстве состояло 55 членов. В антистарообрядческом «Миссионерском сборнике» за этот год опубликован отчет о деятельности Братства в 1905 г. (втором году его существования). Членских взносов поступило 471 р. 90 к., пожертвований – 229 р. 50 к. Пожертвования предназначались специально: 1. Для излечения известного российского старообрядческого начетчика Ф.Е. Мельникова (115 р.); 2. На «усиление вспомоществования» другому известному начетчику – В.Т. Зеленкову (50 р.); 3. На старообрядческий храм в с. Соколинце, в Австрии (21 р. 50 к.); 4. На храм в д. Муравлянке (23 р.); 5. «На вспомоществование» известному старообрядческому деятелю В.М. Карловичу «к Рождеству Христову» (20 р.). Из других расходов Братства упомянуты: 1. Пожертвование на «вспомоществование» начетчикам – 300 рублей; 2. На приобретение

книг для книгохранилища Братства – 124 р. 58 к.; 3. На приобретение отдельных номеров газет – 23 р. 57 к.; 4. Для подписки на журналы – 21 р. 95 к.; 5. Для поездок на миссионерские собеседования – 44 р. 27 к. Но автор «Миссионерского сборника» отмечал, что расходы на собеседования всегда оплачивали сами слушатели¹⁴.

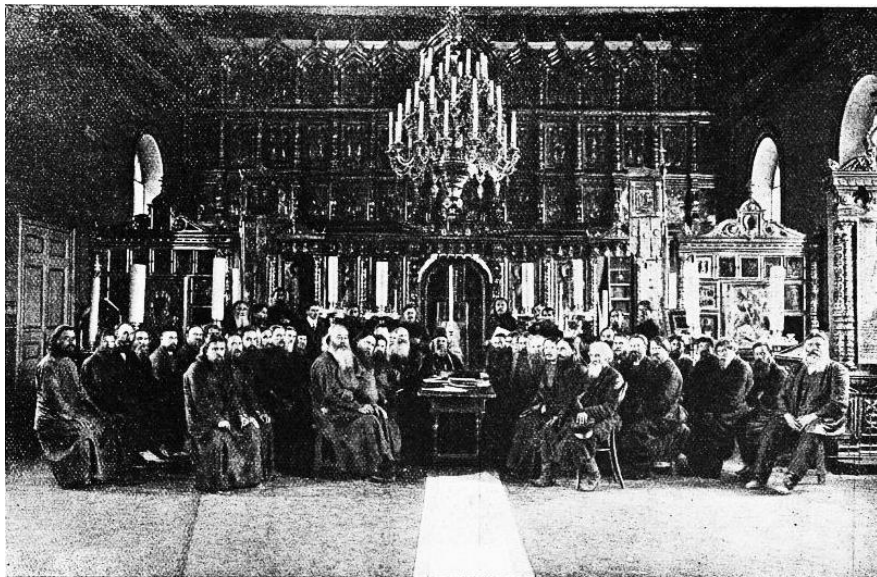
Участники Благочиннического съезда в Егорьевске. Фото из журнала «Церковь»

Братство вело обширную переписку по многим вопросам старообрядчества с различными регионами России. Только за один год была приобретена 61 книга, в достаточном количестве выписывались журналы и газеты «со статьями, обсуждающими старообрядческие вопросы».

Для более успешного ведения бесед с миссионерами господствующей церкви с сентября 1904 года в г. Егорьевске проживал постоянный начетчик, который до конца 1905 года провел 40 бесед. Кроме него, на данном поприще трудились егорьевцы В.К. Литвинов, Г.Г. Андреев, А.П. Иванов, Т.М. Мельников, Д.Е. Рябов, и конечно же сам Н.Д. Зенин.

Проповедники из Братства св. Апостолов Петра и Павла изъездили с беседами все Гуслицы, а также старообрядческие местности Егорьевского уезда. Кроме того, егорьевские начетчики часто приглашались в Санкт-Петербург, Москву, Коломну, Нижегородскую губернию, местности Московской и Рязанской губерний. Приглашали их и в более отдаленные от Егорьевска края¹⁵.

История егорьевского старообрядческого Братства во имя св. Апостолов Петра и Павла представляет собой интереснейшую малоизученную страницу в истории как самого города Егорьевска, так и белокриницкого старообрядчества в целом. Эта тема еще ждет своего исследователя.

Егорьевскъ. Епархіальный съѣздъ рязанской епархіи.

Фото из журнала «Старообрядческая мысль»

Что касается егорьевского старообрядческого общества в целом, его представители пытались после 1906 года легализовать свою деятельность во всех сферах городской жизни. Законоучителями в школах традиционно состояли священники господствующей церкви. Но, при наличии в городе и его окрестностях значительного старообрядческого населения, разумеется, не мог не встать вопрос о том, чтобы наряду с ними законоучителями назначались старообрядцы. Эта весьма щекотливая тема рассматривалась на заседании Егорьевской городской думы 30 ноября (по старому стилю) 1909 года. Старообрядцы планировали добиться назначения своих законоучителей в городские училища (мужское и женское). Невзирая на сильное сопротивление со стороны некоторых адептов господствующей церкви, думцы разрешили преподавание Закона Божия детям старообрядцев старообрядческому

законоучителю с платой ему 200 руб. в год (Церковь: Журн., 1909. № 28. С. 862; № 50. С. 1410).

Благочиннические старообрядческие съезды в г. Егорьевске 16 июля 1912 года и 3 августа 1915 года

В 1910-х г. в Егорьевске состоялись съезды старообрядцев двух благочиний Московской и Рязанско-Егорьевской епархий, оставившие свой след на страницах архивных документов и периодических изданий. Наиболее знаменательными оказались съезды 1912 и 1915 гг.

Первый из них состоялся 16 июля (по старому стилю) 1912 года. На него прибыли представители общин и приходов благочинных о. Ипатия Трофимова и о. Петра Милованова: 16 священников, один диакон и 8 «граждан». Под началом о. Ипатия был отслужен молебен, после которого избрали председателем собрания – М.И. Бриллиантова и его секретарём – Л.А. Бояринова.

Председатель огласил предложение московского архиепископа Иоанна о выборе уполномоченных на Освященный Собор, который должен был состояться в Москве 18 сентября того же года. Предстояло выбрать одного священника и одного мирянина от каждого благочиния или же двух священников и двух мирян от всего собрания, т.е. сразу от обоих благочиний. Собрание постановило выбирать уполномоченных от каждого благочиния отдельно. Большинство голосов членами предстоящего Собора были избраны: священники – о. Димитрий Рябов и о. Евфимий Власов, «кандидатами» к ним – о. Петр Рязанов и о. Федот Туманов. Из среды мирян для участия в Соборе выбрали И.Ф. Муравлева (из Абрамовки) и Л.А. Бояринова (из г. Коломны). Кандидатами к ним избрали Ф.И. Целихова из с. Осташева и Г.А. Пупышева из д. Исаково.

Собрание решило ходатайствовать через своих уполномоченных, дабы Освященный Собор добивался от властей отмены статьи в законах, карающей удалением от должности старообрядческое духовное лицо, которое допустило присоединение к старообрядчеству несовершеннолетних в брачном возрасте и крещение детей от смешанных браков. Кроме того, Собрание просило Собор об отмене циркуляра от 18 августа 1905 года, требующего тридцатидневного срока для перехода в старообрядчество из господствующей церкви.

Собранием также рассматривались важные вопросы внутренней жизни общин, касающиеся брадобрития, курения табака, торговли свечами, приношении в алтарь храма денег за просфоры и ряд дру-

гих. Их было решено передать на рассмотрение особой комиссии, которая должна была представить ответы к следующему благочинническому съезду. В комиссию избрали о. Димитрия Рябова, о. Илию, о. Федота Туманова, о. Петра Милованова, о. Петра Рязанова, о. Федора (из д. Русанцево), а также мирян Л.А. Бояринова, Н.Д. Зенина, Г. Андреева и Ф.И. Целихова¹⁶.

Другой известный съезд двух старообрядческих благочиний состоялся 3 августа (по старому стилю) 1915 года. Приводим ниже тексты двух документов, которые были обнаружены нами в Государственном архиве Рязанской области. Морфологические особенности текста сохранены.

Список

лиц участников на старообрядческом съезде в г. Егорьевске 3 августа с. г. священников, диаконов и членов из нижеследующих общин:

Георгиевской общины (г. Егорьевск)

1. Священник Ипатий Григорьевич Трофимов;
2. « Петр Федотович Милованов;
3. Диякон Иаков Михайлович Шведов;
4. Член общины Максим Федотович Конюшков;
5. « Никифор Дмитриевич Зенин;
6. « Иван Петрович Колоденев;

Коломенской общины (г. Коломна)

7. Священник Архип Артамонович Кутников;
8. Диякон Павел Курриянов Афанасьев;
9. Член общины Логин Алексеевич Бояринов;

Бронницкой общины (г. Бронницы)

10. Священник Евфимий Кононович Власов;
11. Член общины Григорий Платонов Гусев (крестьянин д. Фединой Бронницкого уезда);

Тураевской общины (д. Тураево Бронницкого уезда)

12. Священник Андреян Агафонович Гладченко;
13. Член общины Яков Яковлевич Доронин (д. Давыдовской Бронницкого уезда);

Никольской общины (д. Исаково Бронницкого уезда)

14. Священник Иакинф Архитович Гусев;

15. Член общины Григорий Акимович Пупишев (д. Исаковой Бронницкого уезда);

Михаило-Архангельской общины (д. Чулково Бронницкого уезда)

16. Священник Зотик Илларионович Евстигнеев;

Угорно-Слободской общины (д. Угорная Слобода Егорьевского уезда)

17. Священник Карп Кириллович Гулин;

Вознесенской общины (д. Локтева Бронницкого уезда)

18. Священник Прокопий Андреев Глазков;

Святотроицкой общины (д. Поповка Егорьевского уезда)

19. Священник Федор Маркович Ширяев;

Нареевского прихода (д. Нареево Богородского уезда)

20. Священник Григорий Иванов Целыхов;

21. Прихожанин Лазарь Иванович Земский (д. Нареевой Богородского уезда);

Селиванихского прихода (д. Селиваниха Богородского уезда)

22. Священник Мартиниан Архипов Гусев;

Осташевской общины (с. Осташево Бронницкого уезда)

23. Священник Димитрий Ермолаевич Рябов;

24. Член общины Федор Иванов Целыхов (с. Осташево Бронницкого уезда);

Челоховского прихода (д. Челохово Богородского уезда)

25. Священник Дий Яковлевич Смирнов;

Цаплинского прихода (д. Цаплино Богородского уезда)

26. Священник Епифаний Андреевич Дорофеев;

Хорловской общины (д. Хорлово Бронницкого уезда)

27. Священник Илья Степанович Киселев;

28. Член общины Григорий Миронович Логинов;

Шувойской общины (д. Шувоя Богородского уезда)

29. Священник Иулиан Андреевич Батулин;

Андреевского прихода (д. Андреево Богородского уезда.)

30. Священник Климент Иванович Смирнов;
Кладьковского прихода (д. Кладьково Бронницкого уезда)
31. Священник Назарий Николаевич Гусев;
Елкинского прихода (д. Елкино Коломенского уезда)
32. Священник Петр Васильевич Рязанов;
33. Член общины Иван Осипов Моргунов (д. Жуковой Коломенского уезда);

Слободищенского прихода (д. Слободищи Богородского уезда)

34. Священник Симеон Евстигнеевич Мохров;

Лопатинского прихода (ст. Воскресенск)

35. Священник Симеон Васильевич Дубасов;
Устьяновского прихода (д. Устьяново Богородского уезда)
36. Священник Ияков Архипов Казанов;

Поминовского прихода (д. Поминово Богородского уезда.)

37. Священник Филипп Сергеевич Гусев;

Панкратовской общины (д. Панкратово Богородского уезда)

38. Священник Феодор Феодорович Исакин (Ивакин-?);

Климовской общины (д. Климово Бронницкого уезда)

39. Священник Феодор Кириллович Туманов;

Русанцевского прихода (д. Русанцево Егорьевского уезда)

40. Священник Феодор Ильич Белоусов;
41. Прихожанин Кир Иванович Сычев (д. Русанцево);

Усадищинского прихода (д. Усадищи Бронницкого уезда)

42. Священник Василий Платонович Платонов;

Богородского прихода (сельцо Богородское Богородского уезда)

43. Священник Евфимий Васильев Бабков;

Петрушинского прихода (д. Петрушино Богородского уезда)

44. Священник Трифилий Ильич Емельянов.

(Подписи): Старообрядческие священники Ипатий Трофимов
Петр Милованов¹⁷.

Как видим, Егорьевское благочиние охватывало значительную территорию, включавшую полностью три уезда двух губерний и Гуслицы. Множество участников съезда представляли белокриницкие окружнические приходы Гуслиц (Нареева, Шувое, Селиванихи, Чёлохова, Цаплина, Андреева, Устьянова, Панкратовской, Поминова, Петрушина и Богородского). Заметим, что представители от многих общин Богородского уезда отсутствовали. В списке нет ни Богородско-Глуховской общины самого г. Богородска, ни общин из Зуева, Дрезны и других мест. Община деревни Абрамовки названа по одной из двух частей этой деревни – Андрееву. Зато в документе присутствуют почти все окружнические приходы Бронницкого и Коломенского уездов Московской губернии, а также большинство приходов самого Егорьевского уезда. В то же время ничего не говорится об обществах Акатова, Агрызкова, Новых Поселков, Тимшина, Ефремовской, где существовали свои общественные моленные. Вероятно, на съезд явилось гораздо меньше участников, чем приглашалось, и не исключено, что интересы отсутствующих представляли упомянутые делегаты из Егорьевска, Русанцева, Угорной слободы и Поповки.

Не менее важным документом является отчёт о работе съезда. Приводим этот документ полностью. Морфологические особенности текста сохранены.

Отчет

*о ходе и результатах работ старообрядческого съезда
в гор. Егорьевске 3-го августа 1915 года.*

Старообрядческий съезд открылся в храме Георгиевской общины молебствием о даровании победы во время настоящей тяжелой войны русскому воинству. Назначен съезд на 9 часов утра, но начал свои занятия только в 10 часов. Пропеты были молитвы: Царю Небесный, прочитано три раза Святый Боже, пропето всеми Отче Наш и Спаси Господи люди «своя». Настоятелем Георгиевской общины и местным благочинным Ипатием Трофимовым прочитано было краткое обращение к присутствующим о цели настоящего собрания в переживаемую Россией трудную годину ниспосланного ей Господом Богом испытания – от нашествия врага и предложил присутствующим пастырям призвать своих пасомых к постоянной молитве о даровании доблестному русскому воинству победы. Затем диаконом было громогласно провозглашено многолетие ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, ЦАРИЦАМ, НАСЛЕДНИКУ, Верховному «Воеводе» ЕГО ИМПЕРАТОР-

СКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Великому Князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ и всему Царствующему Дому.

В 102 [?] час. началось деловое заседание съезда.

Участники Съезда приглашены были сесть. За длинным, ничем не покрытым простым деревянным столом, на котором лежали «кормчая» и «потребник», сели: священнослужители отдельно по правой стороне, миряне отдельно – на левой. Благодичный протоиерей Ипатий Трофимов возгласил «Внимание» и огласил решение епископа Рязанского и Егорьевского Кир-Александра на открытие Съезда. Владыка Александр, – высказал далее Трофимов, шлет Собранию свое приветствие и архиепископское благословение. Сам прибыть не может по болезни, но желает, чтобы настоящий Съезд прошел в мире и согласии и по писанию и правилам Св. Отец. Избранных представителей от священников и мирян и кандидатов к ним на Освященный Собор Владыко просит уполномочить особою грамотою. Доклады по вопросам благочиния прислать не позднее 2 недель до начала Собора, каковой предположен 25 августа.

Открыв засим Съезд, о. Ипатий Трофимов предложил избрать Председателя, Товарища его и секретарей; таковыми избраны: Председателем – протоиерей Егорьевской Георгиевской общины о. Ипатий Трофимов, Товарищем ему священник той же общины Петр Милованов, секретарями – Никифор Дмитриев Зенин и Иван Петров Колобанов.

Заняв Председательское место, протоиерей Ипатий Трофимов оглашает список прибывших на Съезд. Таковых оказалось: священников 23, «благочестивых» мирян 10 /поименные списки прибывших прилагаются/. Всех приглашений было разослано 47, явилось 33, оказалось в неявке 14. Неявившиеся главным образом выборные от мирян. Председательствующий по этому случаю высказал, что так относиться к важному делу нельзя, тем более, что Съезд этот назначен самим Архиепископом. Вы знаете, что сказано в Писании: «Слушаяй вас – Меня слушает и отменяет вас, Меня отменяется». Один из оказавшихся налицо настоятелей общины, выяснил, что в некоторых приходах не представилось возможным выбрать представителей потому, что на месте совсем нет мужчин – они или на заработках, или на войне. Остались на приходе одни женщины. Другой заявил, что в его приходе нет представителей, потому что община еще не открыта. Но, тем не менее, указаны были случаи, где священники не постарались выбрать уполномоченных и поэтому, ввиду недостаточного внимания священников на местах к исполнению Архиепископского предписания о выборе уполномоченных от приходов в настоящее собрание, – постановлено выразить пожелание, чтобы на будущее время не повторялось таких прискорбных случаев, и настоятели по оглашении повестки в храме предлагали прихожанам непременно избрать своих уполномоченных.

Затем по разъяснению председателем, что нужно говорить по одному и непременно на тему, не уклоняясь из пределов программы, приступлено было к рассмотрению вопросов в порядке программы.

I.

Избрание уполномоченных лиц на Освященный Собор старообрядческих епископов, имеющий быть в августе месяце в Москве.

Председательствующим ставится на обсуждение вопрос: как и каким способом производить это избрание: простым голосованием или закрытой баллотировкой, и сколько следует избирать уполномоченных. Председатель предложил произвести избрание от каждой епархии по одному уполномоченному от священнослужителей, одному – от мирян и по одному к ним кандидату. В прошлый раз выборы производились священнослужителями особо и мирянами особо по каждой епархии. Теперь Председатель предложил избирать уполномоченных священнослужителями и мирянами совместно, лишь отдельно по каждой епархии. Большинство соглашается, что если предлагаемый способ не противен соборным правилам, – принять к исполнению.

П о с т а н о в л е н о: избрание уполномоченных произвести священнослужителями и мирянами совместно, но по каждой епархии особо.

Приступлено к самим выборам. Собрание разделилось на две группы. Московские старообрядцы выбрали своих представителей, старообрядцы Рязанской епархии – своих.

От рязанцев избраны записками по большинству голосов уполномоченными: протоиерей Георгиевской старообрядческой гор. Егорьевска общины Ипатий Трофимов и «благочестивый» мирянин Федор Акимович Акимов, кандидатами к ним: священник Петр Милованов и Н.Д. Зенин.

От Московской епархии избранными в уполномоченные оказались: священник Илья Киселев и мирянин Г.М. Логинов, кандидатами к ним: священник Д. Рябов и О.И. Целиков.

II.

Вопросы по церковному благочинию.

Прочитан доклад благочиннического съезда о патриархе Гермогене Московском и всея России.

Содержание. Господствующая православная церковь в 1913 году прославила и без того Святыя Мощи Великаго поборника и защитника древле-православной христианской церкви, иже во Святых Отца Нашего и Исповедника Гермогена, патриарха московского и всея России. Но в старообрядческой церкви пока нет общего соборного определения и благословения о том, чтобы сего Великаго Святителя Христова можно поминать,

совершать ему службы и писать на иконах. А потому Съезд должен сыновне просить Освященный Собор во Святом Духе всесторонне обсудить этот важный для всего старообрядчества вопрос и на законном основании, согласно правил Св. Церкви, сделать соборное архиепископское благословение и определение: как и по какому чину и уставу церкви совершать Святителю Гермогену церковную службу и нужно ли в молитве спаси Господи люди «своя» поминать Св. Гермогена вместе с Святителями Митрополитами Московскими Петром, Алексеем и Ионой, или отдельно, как это будет угодно Освященному Собору.

Св. Милованов к этому добавляет, что лично он как благочинный беседовал по этому вопросу с епископом Александром. Епископ ему ответил на это в положительном смысле: признавать Гермогена святым нужно и вопрос об этом необходимо возбудить на Освященном Соборе. Поэтому мы должны поручить нашим уполномоченным возбудить перед Освященным Собором ходатайство о канонизации Патриарха Гермогена.

П о с т а н о в л е н о: Доклад принять и поручить уполномоченным возбудить ходатайство перед Освященным Собором высказаться по этому поводу.

Прочитан доклад об умерших без покаяния.

Содержание. Существует в старообрядческой церкви большое разногласие относительно отпевания погребения над умершими по какому-либо случаю без покаяния, а нередко просто «яко не имый отца духовнаго». Священники отказываются петь погребение и читать разрешительную молитву, несмотря на просьбу родственников, отчего бывает большая неприязнь. Следуют нередко жалобы благочинному и даже Архиепископу, но и те затрудняются, как разрешить этот вопрос. Были случаи: Архиепископ разрешит, а священники все-таки не хоронят. Поэтому следует просить Освященный Собор соборно и навсегда согласно Святым Правилам христианской церкви определить – как поступать священникам в данном случае.

П о с т а н о в л е н о: доклад принять и поручить уполномоченным возбудить этот вопрос на Освященном Соборе.

Благочинные Ипатий Трофимов и Петр Милованов внесли доклад «об умерших внезапно священников лицах, находящихся под запрещением».

Содержание. В гор. Егорьевске в прошедшем году зверски убит был разбойниками священник-схимонах Гавриил Земский. Схимонах был под запрещением. Возник вопрос: как над ним совершать погребение, как облачить, по какому чину производить отпевание. В Егорьевске это удалось разрешить скоро. Епископ был запрошен по телефону, от Архиепископа было получено по телефону же благословение и указание о совершении над ним чина погребения. Но как быть в тех местностях, где таких удобств нет –

Архиереи живут далеко. Поэтому следует просить Освященный Собор на случай внезапной смерти лиц запрещенных в священнослужении, определить согласно правилам Св. Отец свое постановление к руководству всех священников.

П о с т а н о в л е н о: доклад о способах облачения лиц иерархических званий, умерших в момент нахождения под запрещением, принять и поручить уполномоченным просить Освященный Собор епископов высказаться по данному вопросу.

Сообщен доклад священника Московской епархии Белоусова «о неисполнении церковного устава». О. Белоусов констатирует большие разногласия в исполнении устава даже в соседних церквях. Но доклад этот принят был съездом очень холодно. Многие находили внесение этого доклада на собор бесполезным. Не исполняют устав не одни священники, но и епископы. Не исполняют его даже в монастырях. Да составитель доклада, наверное, и сам не исполняет устава. Нужно предоставить поэтому исполнение устава «яко хочет настоятель». Есть правило: «аще священник неделю не проповедует, да будет извержен», но кто теперь проповедует постоянно! Нужно все предоставить «местному обычаю и воле», самого настоятеля. Нужно все предоставить «совести настоятеля».

П о с т а н о в л е н о: доклад принять к сведению.

Доклад Комиссии об издании брошюры о брадобритии.

Председательствующий выяснил, что на прошедшем Съезде было поручено особой Комиссии издать брошюру о брадобрейцах. На этот предмет была собрана по подписке сумма, но в виду тяжелой войны Комиссия не нашла возможным приступить к ее изданию и теперь просит отложить издание ее до более благоприятного времени.

Возражали против этого предложения о. Рябов и Целиков. Брошюру одобрил сам Владыка Александр – говорили они – и она должна быть издана теперь же и разослана по приходам. Я послан сюда, – говорил Целиков, – защищать благочестие и пусть грех попустительства в брадобрействе падает на тех, кто противится этому. Настаивая на скорейшем издании, я только очищаю свою совесть.

П о с т а н о в л е н о: в виду неблагоприятного времени, переживаемого Русью, издание брошюры отложить до времени более благоприятного.

Прочитан выработанный особой Комиссией проект устава Общества взаимопомощи священнослужителям в гор. Егорьевске.

Председательствующий напомнил историю этого вопроса. В прошлом году о. Петру Милованову было предложено в особой Комиссии, сообразуясь с уставами Донской, Московской и Петроградской епархий,

выработать свой проект такового и представить куда следует на утверждение. Теперь этот устав готов.

Устав прочитан.

П о с т а н о в л е н о: принять и войти с представлением об его утверждении в Губернское об обществах и союзах присутствие.

На очереди обсуждение вопроса о замещении московской кафедры.

Д.Ф. Зенин разъясняет: у нас остается свободной Московская архиепископская кафедра. Мы должны сейчас наметить кандидата, за которого должны будут подавать свой голос выбранные сегодня уполномоченные. Оратор дает короткие характеристики выдвигаемых кандидатов: Мельникова; Евлогия, епископа Уральского; Мелетия, епископа Саратовского и Александра, епископа Рязанского. Но из всех этих четырех лиц самым желательным, по его мнению, должен быть признан Александр, епископ Рязанский.

По этому же вопросу внесены были на Съезд доклады священника Дмитрия Рябова и от общества старообрядцев дер. Петрушиной, но таковы, в виду ясности вопроса и определенно установившегося мнения о наиболее желаемом кандидате, постановлено не заслушивать.

Кроме того, Д.Н. Зениным возбужден был вопрос о своевременном учреждении в Москве старообрядческой митрополии, на каковую мог бы быть поставлен пребывающий теперь в Москве митрополит Белокриницкий Макарий, но ввиду того, что вопрос этот не поставлен на повестке, и обсуждение его вывело бы Съезд из пределов разрешенной программы, то обсуждение его, по предложению представителя губернской администрации, было прекращено.

Засим приступлено к избранию кандидата на Московскую Архиепископскую кафедру.

Закрытым голосованием, записками, кандидатами указаны: Александр, епископ Рязанский – 28 голоса; Мельников Ф.Е. – 4; Мелетий Саратовский – 1.

П о с т а н о в л е н о: поручить избранным уполномоченным на Освященном Соборе подать свой голос за епископа Рязанского Александра.

Прочитан краткий журнал настоящего съезда и присутствующими членами подписан.

Затем на разрешение всех вопросов Съезд старообрядцев в г. Егорьевске объявлен закрытым¹⁸.

Этот благочиннический съезд проходил в трагический для России период – во время первой мировой войны и за два года до революций 1917 г. Основной задачей съезда было избрание нового предстоятеля Рогожской архиепископии после смерти прежнего ее

главы Иоанна (Картушина). Следует заметить, что вопреки почти единодушному выбору епископа Александра Рязанского и Егорьевского, новым архиепископом стал Саратовский Мелетий. Кроме того, участники съезда, по крайней мере согласно протоколу, ставили и обсуждали вопросы либо общественно-политического (избрание архиепископа), либо религиозного характера (вопросы о почитании Патриарха Гермогена, отпевании умерших без покаяния, погребении запрещенных священнослужителей). Мы совсем не видим обсуждения местных проблем, споров между священниками соседних приходов, жалоб и пр.

Текст отчета хорошо иллюстрирует общую жизнь всего белокриницкого старообрядчества России начала XX столетия. Вопреки современным представлениям о старообрядцах, как о сплошных «агафьях лыковых» и просто замкнутых и ограниченных людях, мы видим сообщество, отвечающее «передовым» требованиям своего времени. Нужно учесть, что уездные города Егорьевск и Коломна были в то время вовсе не захолустьем, а мощными промышленными и экономическими центрами, да и окружавшие их селения имели свои фабрики с промыслами, по многим показателям совершенно не уступаая городам.

Никифор Дмитриевич Зенин

В старообрядческой общине города Егорьевска было немало замечательных людей, но самой выдающейся личностью, безусловно, следует считать Никифора Дмитриевича Зенина. Этому деятелю старообрядчества, уважаемому не только в Егорьевске, но и во всём Белокриницком согласии, еще предстоит посвятить серьезное исследование. В настоящее время сбором материалов о Никифоре Дмитриевиче занимается его потомок, Вячеслав Николаевич Зенин, проживающий в Воскресенске. По результатам своих исследований он опубликовал два небольших материала на страницах альманаха «Гуслицкая округа»¹⁹.

В словаре «Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы» помещена небольшая заметка о Н.Д. Зенине:

«ЗЕНИН Никифор Дмитриевич – видный деятель Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию), начетчик, писатель, и, вероятно, книгоиздатель. Казначей Союза старообрядческих начетчиков. Житель г. Егорьевска (ныне – Московской обл.). Занимался фотографией и много фотографировал деятелей старооб-

рядчества, выполнил первые записи старообрядческого церковного пения (Морозовского хора под упр. П. Цветкова) на грамофонные пластинки. Сотрудничал в старообрядческих журналах (часто использовал псевдоним Гостиславский) и всесторонне служил распространению старообрядческой литературы. Много сделал для того, чтобы труды молодого начетчика В.Т. Зеленкова увидели свет хотя бы после смерти автора. Владелец крупной библиотеки. Владелец книжного магазина. Автор книг, в т.ч. «Егорьевская Георгиевская старообрядческая община» (М., 1915), «К братьям нашим беспоповцам об антихристе», «Ответ на клевету» и др.»²⁰.

Н.Д. Зенин (слева) и епископ Михаил Канадский.
Фото из журнала «Староорядческая мысль»

Как видим, авторам словаря (он вышел в 1996 г.) не были известны крайние даты жизни Зенина. Да и остальные приведенные сведения более чем скупы. Заметим, что упомянутая книга «Егорьевская Георгиевская старообрядческая община» 1915 года является не историческим описанием данной общины и ее храма-моленной, а всего лишь хозяйственным годовым отчетом.

Зенин родился в конце 1870-х гг. в деревне Гостилово Бронницкого уезда Московской губернии. Ныне это территория Воскресенского района. Когда Никифор Зенин переселился в Егорьевск, мы не знаем, но произошло это не ранее достижения им совершеннолетия.

Скорее всего, Зенин сначала поступил на одну из егорьевских фабрик и уже потом выбрал себе поприще фотографа и публициста. Семья же Зениных осталась в Гостилове.

В цитированной нами статье «Егорьевский раскол в 1902 году» анонимным автором упомянут и Никифор Дмитриевич Зенин, правда скрытый под сокращением «З.», но узнаваемый без особого труда. В статье говорится, что за счет «богатых раскольников» Зенин в ноябре 1902 года съездил в Буковину (Австрийская империя), откуда привез фотографические снимки могилы основателя Белокриницкой иерархии митрополита Амвросия, а также икон с двуперстным сложением. Эти фотографии вызвали в городе большой интерес, их копии быстро распространились среди старообрядцев²¹.

Зенин являлся одним из самых активных членов егорьевского старообрядческого общества. Как говорилось выше, именно им было основано городское старообрядческое Братство во имя св. Апостолов Петра и Павла. В качестве одного из главных начетчиков Егорьевска и округи Никифор Дмитриевич участвовал во многих диспутах с миссионерами господствующей церкви. Мы пока не знаем, когда Зенин основал фотоателье и книжный магазин, которые помещались в доме Шарапова на Московской улице, но занятие фотографией привело к созданию целых серий изображений, связанных со старообрядчеством. Это и галерея известных старообрядческих деятелей – современников Зенина, и альбом видов Белой Криницы, и знаменитые фотографии храмов московского Рогожского кладбища сразу после распечатания алтарей в 1905 году.

С 1910 г. Зенин издавал журнал «Старообрядческая мысль», где среди прочих печатались статьи, выходившие за рамки тогдашней официальной белокриницкой идеологии. Зенин сам много писал для этого журнала, выступая иногда под псевдонимами *Гостиловский* и *Энзет*. Кроме того, Зенин публиковался на страницах журнала «Церковь».

В Государственном архиве Рязанской области сохранилось весьма любопытное дело, которое раскрывает Н.Д. Зенина в качестве человека, не чуждого политике. Он, как и многие другие передовые люди эпохи, активно поддерживал отношения с революционными партиями, да и сам участвовал в их деятельности. Из первого же документа дела (сообщения Министерства внутренних дел рязанскому губернатору) мы узнаем, что на проходившем с 17 по 21 марта конгрессе эсперантистов-католиков в Париже выступал и «прибывший из России егорьевский старообрядец Зенин». Им был прочитан большой доклад,

который аудитория приняла «весьма сочувственно». В докладе Зенин касался положения русских старообрядцев и рассказывал об их притеснениях со стороны правительства и официальной Церкви.

Н. Д. Зенинъ. **В. Е. Мельниковъ.**
М. И. Бриллиантовъ. **П. Г. Бреховъ.** **С. Д. Шишловъ.**

Егорьевские начётчики. Фото из журнала «Старообрядческая мысль»

Докладчик также сообщал о покровительстве, которое оказывала старообрядцам Австрия и признавший каноничность Белокриницкой иерархии Рим²². Мы не знаем, увлекался ли Никифор Дмитриевич эсперанто, но факт его прибытия на конгресс эсперантистов и выступления на нем говорит о многом. Зенин, вроде бы скромный егорьевский фотограф и книготорговец, имел прекрасные связи за пределами России и, явно по поручению верхушки Рогожского согласия, вел какие-то переговоры с католиками и светскими организациями в Европе.

В материалах дела присутствует ряд интереснейших документов, где упоминались обыски, проводившиеся в магазине Н.Д. Зенина на протяжении 1905–1910 гг. Обыски показали, что последний

действительно занимался антиправительственной деятельностью, распространяя нелегальную литературу. Особенно Никифор Дмитриевич, как этого и следовало ожидать, усердствовал на данном поприще в 1905 году, во время памятных революционных событий. Кроме того, как верный сын старообрядческой церкви, Зенин активно пропагандировал ее учение среди жителей Егорьевска. Ярким подтверждением подобной активности служит доклад, сделанный им на 2-м съезде старообрядческих начетчиков в Нижнем Новгороде, проходившем в 1907 году.

На съезде Зенин открыто говорил, что «освободительные 1905–1907-е годы очень помогли делу старообрядчества, главным образом потому, что распространение в народе нелегальной литературы и сочинений, направленных против православной церкви, колеблет религиозность православных и возвышает старообрядчество» и что он, Зенин, подбирая специальным образом литературу в своем магазине, занимается успешной пропагандой старой веры²³.

Для дополнения картины приводим рапорт егорьевского уездного исправника от 4 мая 1910 года.

Секретно

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Рязанскому Губернатору
Егорьевского уездного исправника
РАПОРТ

На предписание от 2-го Апреля с.г. за № 373, имею честь донести ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, что проживающий в городе Егорьевске старообрядец из крестьян Бронницкого уезда Московской губернии дер. Гостиловой Никифор Дмитриев ЗЕНИН, имеет фотографию и книжный магазин; проживает в городе около 20 лет. Означенный Зенин, кроме того состоит в числе старообрядческих начетчиков, посещая съезды начетчиков в Нижнем Новгороде; один из отчетов этого съезда, в котором был напечатан доклад Зенина, мне удалось достать, – этот экземпляр впоследствии я передал Начальнику Рязанского Губернского Жандармского Управления Генералу Глоба и который, по всей вероятности, хранится при деле Жандармского Управления и в настоящее время; в своем докладе Зенин, между прочим, говорит, что освободительные годы 1905–1907 очень помогли делу старообрядческой церкви, главным образом потому, что распространение в народе нелегальной литературы и сочинений, направленных преимущественно против православной церкви, колеблет религиозность

православных и возвышает старообрядчество; что он, Зенин, подбирая таким образом литературу, в своем магазине успешно пропагандирует старообрядчество.

Из приведенной выдержки из доклада Зенина несомненно явствует, что Зенин политический деятель, и очень вредный; так смотрит на него местная полицейская власть, и поэтому Зенин подвергался многократным обыскам, причем всякий раз отбиралась масса нелегальной литературы, которая вместе с производством направлялась начальнику Рязанского Губернского Жандармского Управления.

Местная Егорьевская старообрядческая община, имеющая свой храм, не приняла его в свою среду и смотрит на Зенина как на политического агитатора и проходимца; Зенину удалось склонить на свою сторону двух-трех местных старообрядцев, вместе с которыми он ведет интригу против общины и от времени до времени выпускает против общины пасквилы. Последняя его поездка за границу и выступление на съезде эсперантистов с речью только подтверждает его стремление стать известным в мире политических деятелей.

(подпись)

№ 121

4 мая 1910 года²⁴.

Что касается взаимоотношений Никифора Зенина с Егорьевским старообрядческим обществом, то здесь все обстояло не совсем так, как это попытался представить уездный исправник. Конечно же, наиболее патриархальная часть прихода смотрела на политические игры весьма опасно и Зенина побаивалась. В начале XX столетия целых три года Никифор Зенин находился в некотором «отлучении» от прихода. Но актив общины против Зенина настроен не был и, возможно, отмежевываясь от каких-то радикальных действий, в целом его поддерживал. К тому же Никифор Дмитриевич был ярким представителем эпохи, выразителем передовой старообрядческой мысли своего времени. Значительная часть членов общины экономически и культурно развитого Егорьевска наверняка рассуждала так же, как и он.

Промышленный рост наряду с эмансипацией населения России начала XX столетия привели в движение различные социальные группы, в том числе и те, которые длительный срок существовали полуполегално (например, иудеев и старообрядцев). Это не могло не подтолкнуть их выдающихся представителей, к коим, конечно же, надо отнести и Никифора Дмитриевича Зенина, в революционный лагерь. Всем известна личность Саввы Морозова, который финансировал

революционеров. Он был далеко не единственным из старообрядческих фабрикантов, поддерживавших антиправительственные партии и групп-пировки. Российское купечество, разноплеменное и разноконфессиональное, понимавшее неприменимость формулы «самодержавие – православие – народность» к огромной стране, где существуют разные веры и народы, стремилось поскорее установить в России новые, прогрессивные порядки. У многих, в том числе и у старообрядцев, к отживающему режиму были свои претензии.

Что касается политических пристрастий Зенина, то он был сторонником эсэров. Группа социалистов-революционеров имела и в Егорьевске, однако в саму группу, а также в эсэровскую партию Никифор Дмитриевич не входил. 3 июля 1911 года егорьевские эсэры были ликвидированы полицией, но Зенину удалось, за недостаточностью улик против него, избежать неприятных последствий.

Власти характеризовали Никифора Зенина весьма нелицеприятно. Начальник Рязанского губернского жандармского управления писал 28 мая 1910 года о Зенине губернатору следующее: *«По личным моим соображениям, основанным на наблюдении и сведениях, Зенин не имеет никаких убеждений; преобладающие его черты характера: лень, трусость и способность приспособиться к обстоятельству ради наживы.*

Официально Зенин заявлял себя против социал-демократического учения и выпуском в народ книг религиозного содержания имел в виду отвлечь публику от увлечения этим учением.

Принимая же однако во внимание двухличную деятельность Зенина, у него производились два раза обыски...», в ходе которых и были найдены социал-демократические издания²⁵.

В конце ноября 1910 года Зенин направил письмо рязанскому губернатору, в котором попытался оправдаться. Но его послание, напечатанное на машинке, скорее подтверждает мнение о Зенине представителей губернских властей, чем позволяет усомниться в данной ему характеристике. Мы приводим текст письма полностью.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину РЯЗАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

*Крестьянина Московской губернии,
Бронницкого уезда деревни Гостиловой
Никифора Дмитриева Зенина,
проживающего в г. ЕГОРЬЕВСКЕ,
покорнейшее*

ПРОШЕНИЕ

Проживая 15 лет во вверенной ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ губернии и усердно занимаясь своими ремеслами и предприятиями, я никогда ничего не позволял себе в своих поступках преступного, ни против частной собственности, ни против общественного спокойствия, ни против государственного благоустройства. Все мои поступки на почве общественной деятельности, в которую я волею обстоятельств вовлекался не однажды, были всегда согласованы со строгою осмотрительностью – никогда не выходя из пределов законов дозволенного, с принципиальной тенденцией добронравного обывателя и верного подданного ГОСУДАРЯ: все всегда направлять к доброму согласию и мирному устройению.

Отвергая учения всех политических партий России, я принципиально ни к одной из них не принадлежу (и впредь не намереваюсь), но, тем не менее, я вот уже целый ряд лет несу странную тяготу настойчивых обысков в моей квартире, выемки книг из моего магазина, отбирания писем, бумаг и т.п. Счет обыскам мною потерян. Унижения, которым я подвергался при этом, сгладились временем и оупелостью чувств в беспомощности. Отобранные и невозвращенные книги (не раз) как материальная стоимость возмещались только моим трудолюбием, а между тем они не были ни изъятыми, ни запрещенными. Но подозрительность и выслеживание меня как элемента вредного, но опозорения меня в глазах общества, но ограничения, которым я подвергался официально в своей деятельности не раз и, наконец, невозможность спокойно трудиться под всегда висящим дамочловым мечом обысков с намерением арестов и т.п., не могут быть ни изглажены, ни забыты. При этом чувство, что равновесие, лояльность, начинают во мне колебаться, угнетающе действует на меня, и я, человек страшно непривычный беспокоить начальство по личным делам, не выдержал, наконец, и решил обратиться к ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ с просьбою о защите, ибо жить так далее становится невыносимо.

Воспитанный в старообрядчестве, матерью глубоко христианкою, я, как и в большинстве наша среда, привык к прямолинейности, к правде, и потому позволяю себе уверить ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, что я действительно ни к каким политическим партиям не принадлежу, и на положение христианина в гражданском государстве смотрю только с точки зрения Христианской Церкви, выраженной Св. Апостолом Павлом в послании к Римлянам в гл. XIII ст. 1–5. Точка зрения, благодаря которой я должен быть оберегаем государством, а не преследуем.

Как сын своей матери Родины я лично уже служил и ГОСУДАРЮ, и ОТЕЧЕСТВУ, служил честно, ревностно, как повелевает долг; и теперь продолжаю служить ИМ своим искусством, трудами и достоянием, намереваясь и впредь держаться того же. За свою службу в войсках ЕГО

ВЕЛИЧЕСТВА я имел: и чинопроизводства, и похвальные отзывы, и денежные награды. За деятельность общественную в жизни гражданской, как преданный подданный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, я также имею и благодарности от общества города Егорьевска, несколько из таковых для ознакомления я при сем представляю.

В дни тяжелых испытаний нашей Родины я немало потрудился к умиротворению населения путем печатных и устных призывов к спокойствию, к благоразумию и повиновению воле ГОСУДАРЯ.

И вот, по какой-то злобной насмешке судьбы, я преследуюсь как лицо, подозреваемое в революционных замыслах.

Не имея возможности понять такой тайны, которая окружает меня в этом деле, я откровенно просил чиновников, со мною соприкасавшихся, дать мне в руки нить к разгадке этого дела, дабы внести в него свет и выяснить происходящее недоразумение. Но они мне в этом помочь не могли.

Только случайно мне блеснула некоторая капля света на это кошмарное дело из рассказа крестьянина Ивана Денисова Самсонова, который из жалости (по его словам), явился ко мне и рассказал то, что потом и изложил собственноручно в «объяснении», подписанном им в конторе Егорьевского нотариуса г. Урусова (если только это не новый вид провокации). Эта капля света дала мне понять, в каком ужасном положении я нахожусь и что за люди, в руках которых находится мое благополучие, а также и других обывателей города Егорьевска, а может быть и целой Руси (обратите хотя бы внимание на личность Длугача: содержатель притона разврата и непотребства очень низкого пошиба; грубый невежда; и он, этот грубый невежда, человек без всяких моральных принципов, в роли наблюдающего за умственным движением населения).

Это показание собственно и понудило меня обратиться к ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ с просьбой о защите. Покорнейше прося защиты, я никого не намереваюсь в чем-либо обвинять; я не домогаюсь ничьих наказаний и ни на кого не приношу жалобы, а единственно усерднейше прошу в будущем оградить меня от лиц, посягающих на мое честное имя и на мою свободу, и, кроме того, дать мне возможность спокойно заниматься моим искусством и предприятиями, которые я так преданно люблю.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1). Три ВЫСОЧАЙШИЕ благодарности; 2). Благодарность Егорьевского Купеческого Общества; 3). Объяснение кр. И. Самсонова в засвидетельствованной у нотариуса копии и 4). 2 гербовые марки по 75 копеек.

СПРАВКА: жительство имею: г. ЕГОРЬЕВСК, Московская улица, дом наследников Шараповой.

Документы по миновению надобности покорнейше прошу возвратить.
Егорьевск, 29 ноября 1910 года. II № 242

*Крестьянин Московской губернии Бронницкого уезда
Никифор Дмитриев Зенин²⁶.*

К сожалению, в деле нет самих документов, которые упомянуты в приложении. Но и без них письмо характеризует Зенина как человека весьма хитрого и сообразительного, который пытается представить себя в качестве невинной жертвы.

Однако в следующем 1911 году Министерство внутренних дел попыталось заподозрить Никифора Дмитриевича Зенина в принадлежности к некоей секте, о чем также своим отношением за № 7830 от 5 сентября сообщило рязанскому губернатору:

«По имеющимся в Министерстве сведениям, во вверенной Вашему Сиятельству губернии образовалась секта «голгофских христиан», верование которой сводится, главным образом, к тому, что христианство принесено Спасителем на землю для того, чтобы сделать ее царством правды и свободы, и что искупление человечества состоит поэтому в борьбе со всеми учреждениями и законами, в которых кристаллизовалось зло, мешающее обновлению земли.

Ни в церкви, ни в государстве по духу учения этой секты не должно быть властвования одного над другими, труд должен быть общим делом всех людей, а земля достоянием только тех, кто ее обрабатывает; собственности, как таковой, также не должно быть, и разрушение существующих понятий о ней есть долг христианской совести. Вместе с сим последователи секты «голгофских христиан» отрицают всякие национальные различия и восстают против установления черты оседлости и смертной казни.

Таким образом, учение названной секты заключает в себе ряд положений социалистического характера, и потому самая секта требует особого внимательного наблюдения со стороны правительственной власти.

В числе руководителей этой секты в Рязанской губернии состоит, по сведениям Министерства, проживающий в г. Егорьевске старообрядческий начетчик Никифор Димитриев Зенин...»²⁷.

Как видим, Зенина – владельца собственной фотографии и магазина, то есть лицо, представляющее интересы крупных промышленников-старообрядцев, – попытались записать в секту, отрицающую частную собственность. Хотя возможно, что в ходе политической деятельности Зенин вступал в контакт с представителями подобных оппозиционных власти протестантских исповеданий. До Петербурга информация об этих контактах, скорее всего, дошла через испорченный телефон, и Зенина сделали чуть ли не вожаком секты.

Книжная Н. Д. Зенина.

Доводить до свѣдѣнія гг. покупателей, что цѣны на книги свѣтскихъ изданій остались и нынѣ все тѣ же. Подорожали лишь книги старообрядческихъ изданій и то, главнымъ образомъ, въ переплетахъ. Поэтому книжная выполняетъ заказы только по цѣнамъ дня. Интересы покупателей и нынѣ соблюдаются такъ же, какъ и всегда, и безъ вынужденной надобности надбавки цѣны на книги не дѣлается. Быстроту выполнения заказовъ книжная нынѣ не обѣщаетъ, ибо таковая немислима при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Любителямъ русскаго языка рекомендуемъ слѣдующія сочиненія свѣтскихъ писателей въ полныхъ собраніяхъ сочиненій:

Бенедиктовъ, В. Л. 1 книга . Руб. 3.—	
Боборыкинъ, Н. Ю. 12 книгъ	5.—
Гейне, Генрихъ. 16 книгъ	4.50
Гнѣдичъ, Н. И. 1 книга	2.—
Гоголь, Н. В. 4 книги въ перепл.	3.—
То же, 12 книгъ	3.—
То же, 1 книга безъ перепл.	—65
Гончаровъ, И. А. 12 книгъ	4.50
Грибоѣдовъ. 1 книга	2.80
Данилевскій. 20 книгъ безъ 7, 8, 10 и 11	4.—
То же, 24 книги	6.—
Душеполезное чтеніе. 3 книги въ перепл.	—75
Дѣло за 1876 г. 2 кн. въ перепл.	—75
Жуковский, В. А. 12 книгъ	3.—
Журналъ для всѣхъ 1904 г.	—50
То же, 1902 г.	—50
Загоскинъ, М. П. 10 книгъ въ переплетахъ	24.—
Ибсенъ, Г. 18 книгъ	3.50
Лажечниковъ. 6 книгъ въ переплетахъ	16.50
Литерат. прил. къ нивѣ 1903 г. (цѣта ноября), 11 книгъ	—75
То же, 1900 г. 12 книгъ	1.—

То же, 1901 г. 12 книгъ	Руб. 1.—
Лѣсковъ, Н. С. Полн. собр. соч. 36 книгъ	6.—
Нива журналъ за 1905 г.	2.—
То же, за 1906 г.	1.50
То же, за 1909 г.	1.50
Русское Богатство 1883 года 8 книгъ въ переплетѣ	3.—
Русское Обозрѣніе 1890 года 11 книгъ въ переплетѣ	5.—
То же, 1891 г. 11 кн. въ пер.	5.—
Смайльсъ. Т. I—VI въ перепл.	9.—
Салтыковъ-Щедринъ, М. Е. 50 книгъ	8.—
Станюковичъ, К. М. 38 книгъ (цѣта 2 и 10)	8.—
Странникъ за 1868 г. 3 книги въ переплетѣ	—75
То же, за 1872 г. 1 кн., въ переплетѣ	—25
Чеховъ, А. П. 16 книгъ	6.—
Книги VIII, IX, XI, XII, XIII, XIV, и XVI по	—20
Шеллеръ-Михайловъ. 50 книгъ	8.—

Попытка найти какие-либо следы секты «голгофских христиан» в Егорьевске не увенчалась успехом. В 20-х числах сентября 1911 года егорьевский уездный исправник, которому было поручено губернатором проверить информацию министерства, докладывал, что «такой секты в Егорьевске, по-видимому, еще нет». Также не было установлено, что Зенин образовал и руководил какой-то особой сектой, отличной от белокрыницкого старообрядческого согласия. Зато в результате наблюдения за Зениным выяснились его постоянные контакты со скомпрометировавшим себя православным архимандритом, а ныне старообрядческим епископом Михаилом». Последний неоднократно бывал у Зенина в Егорьевске.

В 1911 году старообрядческий журнал «Церковь» опубликовал две заметки, посвященные очередному аресту Н.Д. Зенина. Его поместили в егорьевскую уездную тюрьму в ночь на 1 апреля. Зенину инкриминировалась 129-я политическая статья. Городская, и не только городская, старообрядческая общественность сразу же всполошилась. Анонимный автор заметки искренне беспокоился, не сделался ли Зенин жертвой какой-либо провокации. О том же беспокоились и многочисленные друзья²⁸. За Зенина стали хлопотать известнейшие деятели русского старообрядчества, такие как Федор Ефимович Мельников, Арсений Иванович Морозов и Федор Игнатьевич Масленников. На страстную пятницу последний внес за Зенина в Рязанское жандармское правление залог (5000 рублей) и лично встретил его в дверях тюрьмы. Ради освобождения заключённого Масленников на время забросил свои торговые и личные дела. Но дело Зенина не закрыли, а передали прокурорскому надзору г. Рязани. В заметке журнала «Церковь» отмечалось, что Н.Д. Зенину ставится в вину в том числе и доклад на съезде начетчиков, прочитанный в 1907 году²⁹. Вообще говоря, если бы Никифор Зенин в свое время связался не с эсерами, которые в конце концов проиграли, а с большевиками, то в советский период в Егорьевске, возможно, появилась бы и улица Зенина.

Заметим в скобках, что, по крайней мере в 1910-х гг., Зенин был не единственным фотографом Егорьевска. Помимо его заведения, в городе была еще фотография Ивана Епифановича Епифанова, размещавшаяся на Мясницкой улице в доме Кулькова³⁰.

Умер Никифор Дмитриевич в 1922 году 12 апреля по новому стилю. По словам его потомка, Вячеслава Николаевича Зенина, свою смерть он предчувствовал еще в 1915 году, когда хоронил отца. Служивший в 1920-х гг. священником в егорьевском старообрядческом

храме Дмитрий Варакин писал: «Оскудел Егорьевск деятелями со смертью покойного Н.Д. Зенина, как будто все благосостояние прихода он унес с собой в могилу»³¹.

Возвращаясь к жизни белокрыницкого старообрядчества начала XX века, отметим, что она протекала достаточно активно. В Егорьевске после «легализации» русского староверия в 1906 году сразу же был достроен главами и колокольной храм-моленная, официально зарегистрировано религиозное общество при нем, возникло старообрядческое Братство Петра и Павла. Понятно, что все это появилось не стихийно, а в результате последовательного развития на протяжении второй половины XIX столетия, когда собственно и сформировался городской белокрыницкий приход.

Добавим, что ситуация в Егорьевске не была уникальной. Короткий период 1906–1917 г. ознаменовался повсеместным расцветом староверия. За это время было построено не менее тысячи новых храмов! Если прежде, особенно в эпоху Николая I, на староверов давили и духовные, и светские власти, то к началу XX столетия это давление ослабло. После 1906 года старообрядцев уже никто не имел права подвергать дискриминации. Хотя «противораскольнические» миссионеры продолжали свою деятельность, прежней силы у них теперь не было. Вполне возможно, что если бы не большевики, позиции старообрядческих согласий укрепились бы настолько, что сейчас не менее половины населения России были бы белокрыничниками, беглопоповцами, поморцами и пр.

1. Егорьевский раскол в 1902 году // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1903. № 6 (ч. неофиц.). С. 186–188;

2. Виноградов Н., священник. Из жизни Егорьевского раскола в 1902 г. // Миссионерский сборник. Рязань, 1903. № 1. С. 44–45;

3. Там же. С. 45–46;

4. Там же. С. 48;

5. Там же. С. 51–52;

6. Там же. С. 53–65;

7. Отчет о миссионерской деятельности миссионера Афанасия Кузнецова по городу Егорьевску Рязанской губернии за 1911 г. // Миссионерский сборник. Рязань, 1912. № 32. С. 146–149;

8. Петр Григорьевич Брехов (некролог) // Старообрядческая мысль. М., 1914. № 3. С. 286–289;

9. Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энцикл. слов. / Сост. С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М., 1996. С. 12;

10. К истории открытия Рязанской епархии // Старообрядческая мысль. М., 1915. № 7. С. 607–608;
11. Там же. С. 609;
12. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Егорьевска (Рязанской губ.) с уездом. М., 1901. С. 37;
13. Жизнь старообрядцев в России. Егорьевск: (Денной грабеж) // Старообрядческий вестник. Климовцы, 1905. № 5. С. 315–316;
14. Миссионерский сборник. Рязань, 1907. № 2. С. 149;
15. Там же. С. 150–151;
16. Благочиннический съезд в г. Егорьевске // Церковь, 1912. № 32. С. 778;
17. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 4353. Л. 40–41;
18. Там же. Л. 49–53;
19. Зенин В.Н. Зенины из Гостилова // Гуслицкая округа. Егорьевск, 2008. Вып. 4. С. 26–31; Зенин В.Н. Зенин Никифор Дмитриевич // Гуслицкая округа. Егорьевск, 2009. Вып. 6. С. 52–57;
20. Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы... С. 111;
21. Егорьевский раскол в 1902 году... С. 188;
22. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5263. Л. 1–1 об.;
23. Там же. Л. 36–36 об., 37;
24. Там же. Л. 3–3 об.;
25. Там же. Л. 6–6 об.;
26. Там же. Л. 12–13;
27. Там же. Л. 50–50 об.;
28. Арест Н.Д. Зенина // Церковь, 1911. № 15. С. 370–371;
29. Освобождение Н.Д. Зенина // Церковь, 1911. № 17. С. 417;
30. Памятная книжка Рязанской губернии. Рязань, 1914. С. 274;
31. Зенин В.Н. Зенин Никифор Дмитриевич... С. 57.

ГЛАВА IV

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ХРАМ ВО ИМЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В ГОРОДЕ ЕГОРЬЕВСКЕ

В начале XIX века старообрядцы составляли треть населения Егорьевска. Впоследствии, по причине роста числа жителей за счет притока извне, соотношение староверов и никониан изменилось в пользу последних. (Доля гусяков и обитателей старообрядческих селений соседних Бронницкого и Коломенского уездов в общей массе новых переселенцев оказалась относительно мала.)

Выше, в первой главе, мы уже писали о том, что изначально староверы Егорьевска были преимущественно беспоповцами. Последователи Рогожского кладбища появились и стали доминировать в городе позже. Поэтому очень вероятно, что общественные моленные какое-то время действовали и у местных спасовцев, филипповцев, а также представителей других городских согласий.

Когда в Егорьевске была построена первая собственно старообрядческая общественная моленная, неизвестно. Возможно, что рогожанам вместе с частью беспоповцев, которую они «переманили», досталась и их старое молитвенное здание. В сведениях на 1844 год никакой моленной, которая бы находилась в городе Егорьевске, не указано¹. Однако в этот период моленная в городе была и функционировала, причем с ведома властей.

Подлинных документов о закрытии той моленной в 1851 году нет, хотя отрывочные сведения на этот счет имеются в деле 1881 года, где представлены копии некоторых утраченных бумаг. Здание было закрыто «за ветхостью» по распоряжению Рязанского губернского правления 10 сентября 1851 г. Моленная стояла в 8 квартале под № 6 на усадебной земле егорьевского мещанина Павла Терентьева и его сына. Длина молитвенного здания составляла 5½ сажени, ширина 3 сажени 2 аршина. В описании отмечены два окна, одна дверь и крыша, крытая тесом. При входе в здание было небольшое крыльцо. Судя по всему, моленная давно не ремонтировалась².

В некрологе Петра Григорьевича Брѣхова из журнала «Старообрядческая мысль» о судьбе егорьевского храма говорится следующее. Прежде главными попечителями моленной были исключительно купцы Князевы – исконные старообрядцы. В тяжелое для старой веры правление императора Николая I к ним добавились купцы Лебедевы, Каширины и др., но все равно основную роль продолжали

играть Князевы. Им удалось сохранить старообрядческое общество, однако не удалось спасти храм. Правительство настоятельно требовало его сломать, а материал продать с торгов. Процесс продажи оттягивали, сколько было можно; когда, в конце концов, торги были назначены, материал храма приобрел некий раненбургский купец. На сам торг он не явился и, выкупив приговоренный храм, отказался его ломать. Ничего не поделаешь, властям пришлось с этим согласиться. Что произошло со старым храмом дальше и когда он исчез, в начале XX века егорьевские старообрядцы уже не помнили³.

Согласно данным на 1857 год, представленным в Рязанское губернское правление егорьевским городничим, в Егорьевске старообрядческих моленных не было⁴. На городской территории проживало 282 поповца (130 мужчин и 152 женщины), других согласий в отчете городничего не указано⁵. Насколько эти сведения соответствовали реальному положению дел, сказать сложно. Известно, что после закрытия егорьевской общественной моленной местные старообрядцы собирались в трех купеческих домах.

О двух домашних моленных упоминается в переписке с Министерством внутренних дел по делу 1860 года. Они были устроены у егорьевских купцов Князева и Лебедева и представляли собой специальные комнаты. По словам купца Ивана Князева, в его домашней моленной кроме него самого молились еще и жившие в доме 31 человек семейства да прислуга. На деле к Князеву приходило гораздо больше народа, так как пение во время службы явственно доносилось до уличных прохожих. Обе моленные были опечатаны следователем, причем сами комнаты, где они находились, оставались открытыми: опечатаны и завешены были только образа. Запечатать вход в моленную в доме того же Князева, оказалось невозможным, поскольку тогда бы пришлось перекрыть сразу двнесколько комнат, что стало бы слишком стеснительным для самого купца и его домашних⁶.

Возможно, что три моленные одновременно существовали в Егорьевске и в более позднее время. Впрочем, в 1860 году, через девять лет после закрытия старой церкви, в городе было зарегистрировано только два молитвенных помещения.

К концу 1870-х гг., перед устройением в Егорьевске нового общественного старообрядческого храма, богослужения совершались уже в пяти местах: дома у купцов Князевых, Кашириных, Лебедевых, Куликовых и Кутаковых. Разросшееся егорьевское белокрыницкое общество в одном частном молитвенном доме поместиться никак не могло⁷.

К началу 1880-х годов, после того, как политика властей по отношению к староверам смягчилась, старообрядцы белокрыницкого согласия Егорьевска, тяготившиеся тем, что общество вынуждено делиться из-за нескольких молитвенных помещений, решили подать прошение об устройстве единой городской моленной.

В Государственном архиве Рязанской области мы обнаружили переписку губернских властей с Министерством внутренних дел по прошению «раскольников», ходатайствовавших о разрешении устроить в Егорьевске новый молитвенный дом. Василий Клопов, Серапион и Иван Князевы обратились в МВД, которое 15 июля 1881 года препроводило прошение в канцелярию рязанского губернатора с просьбой собрать необходимые сведения. Далее был послан запрос егорьевскому уездному исправнику, уже в августе докладывавшему наверх о положении дел. По его сведениям, в городе и окрестностях проживало 2323 поповца и 71 беспоповец. Об их «происхождении», т.е. о том, как они стали старообрядцами города Егорьевска, исправник ничего сказать не мог. Однако по его данным, случаев перехода в старообрядчество православных за последний период было немного. (Впрочем, двое бывших православных, а именно купец Клопов и купеческий сын Петр Брехов, все же оказались в числе подписавших прошение.) Сам главный уездный полицейский чин, в отличие от духовенства, к идее устройства в его городе новой общественной старообрядческой моленной относился положительно, не видя угрозы «отпадений от православия» и иных проблем. «При разговоре с местными священниками, – писал исправник, – они, как близко стоящие к этому делу, высказались... что устройство молитвенного дома в глазах простонародья дает убеждение, что старообрядческая секта не хуже православия, а потому может иметь последствия в виде отпадения в раскол. <...> Рассматривая этот вопрос с полицейской точки зрения, я нахожу, что устройство молитвенного дома дает возможность полиции следить за тем, что делается у старообрядцев во время исполнения ими своих обрядов, тогда как следить в частных домах представляется невозможным».

По понятным причинам в Егорьевске возникла и другая идея: устроить для староверов города вместо общественного молитвенного дома белокрыницкого согласия единоверческую церковь. На такое «заманчивое» предложение от старообрядцев последовал ответ, известный нам в пересказе уездного исправника из рапорта на имя губернатора от 24 февраля следующего 1882 года: «Единоверческий храм не может заменить для них молитвенного дома по невозможно-

сти отправлять в нем все обряды старообрядческой секты, а потому на постройку единоверческого храма старообрядцы города Егорьевска не согласны».

В конце концов вопрос о моленной разрешился положительно. Министр внутренних дел не возражал против ее устройства, но с обязательным для того времени условием: ее внешний вид не должен напоминать храм. «При этом считаю долгом присовокупить, – писал министр, – что настоящее разрешение не отменяет силу действующих по сему предмету законоположений и вызывается лишь крайнею необходимостью, а потому желательно, чтобы таковое разрешение не было, по возможности, оглашаемо».

15 июля 1882 года егорьевский уездный исправник доносил губернатору, что здание молитвенного дома в два этажа уже в целом выстроено, причем как и было предписано, ничем не отличалось от других жилых домов. Новый молитвенный дом стоял на Зарайской улице, на усадебной земле купца Кутакова. Из аналогичного рапорта от 24 августа мы узнаем, что в моленной уже установили иконостас (пока без икон) с царскими дверями. Нижний этаж здания представлял собой полуподвал, основное храмовое помещение моленной находилось на втором этаже. Окна в этом помещении были полукруглые⁸.

В своей книге «Историко-статистическое описание г. Егорьевска (Рязанской губ.) с уездом» городской старообрядческий храм удостоил своим вниманием известный церковный историк рубежа XIX–XX вв. И.Ф. Токмаков. Посвященные этому храму строки мы приводим полностью:

Раскольники, проживающие в г. Егорьевске, имеют с 1882 г. свою моленную, или церковь во имя Св. Великомученика Георгия Победоносца, которая помещается в обширном двухэтажном каменном доме, в которой совершаются особым причтом, состоящим из двух священников, диакона и 2 псаломщиков, все церковные службы, не исключая и литургии. При этой моленной (церкви) имеется духовный совет, состоящий из лиц, располагающих хорошими средствами и пользующихся особенным почетом среди раскольников. Они-то обыкновенно ходатайствуют, где нужно, за своих собратьев, оказывают материальную поддержку им и, по указанию своих лжеиерархов, заправляют всеми делами раскола. В сооружении этой моленной участвовали и известные капиталисты С.И. и С.Г. Князевы, Г.Н. Лебедев и председатель земской управы В.Д. Клопов. Старообрядческая моленная (церковь), хотя построена и с надлежащего разрешения, но богослужение в оной было приостановлено по распоряжению местной администрации, и

алтари были закрыты. Строители старообрядческого храма снова обращались с ходатайством в С.-Петербург, откуда последовало предписание о дозволении беспрепятственного богослужения к крайнему огорчению ревнителей православия.

Для борьбы с расколом в городе Егорьевске с разрешения Преосвященного Полиевкта, епископа Михайловского, vicария Рязанской епархии, ныне епископ Рязанский и Зарайский, учрежден миссионерский кружок из ревнителей православия для противодействия расколу. Беседы ведутся в соборном местном храме по воскресеньям и праздничным дням под руководством местного миссионера⁹.

В начале XX столетия, когда дискриминация старообрядцев стала быстро сходиться на нет, внешний вид егорьевской моленной сильно изменился. Еще за год до законодательных изменений, в 1904 году, прихожане-старообрядцы обратились в Рязанское губернское правление с просьбой разрешить произвести пристройку к молитвенному дому. Строительное отделение gubernского правления 12 января 1904 года рассмотрело представленный проект и, найдя его правильным, утвердило. 13 февраля утвердительный вердикт вынесло и Министерство внутренних дел¹⁰.

Хотя работы на здании моленной были официально разрешены Рязанским губернским правлением, бдительные никониане, бывшие как бы не в курсе последних событий, сразу же забили тревогу. В фонде Рязанского gubernского правления сохранились два небольших дела за 1904 год, заведенных по «сигналам» из г. Егорьевска. Одно из них начали по доносу егорьевского благочинного, соборного протоиерея Александра Светлова, который обнаружил, что в старообрядческом храме «раскольники что-то затевают незаконное; вынесли все изнутри»: престол, иконостас и др., оставив одни стены. Приготовили все для укрепления стен железными балками. Разобрали и заменили бетонными старые деревянные полы. Кроме того, о. Светлов выяснил, что старообрядцы задумали роспись стен и установку нового иконостаса¹¹. Второе дело было начато по заявлению православных домовладельцев г. Егорьевска, мещан Ивана Климова Жиркова и Дмитрия Васильева Штукатурова. Последние также были убеждены, что все работы на моленной незаконны¹².

Автор путевой заметки о поездке в Егорьевск и Гуслицы из нижегородского журнала «Старообрядец» за 1906 год так описывает Георгиевский храм: «На одной из главных улиц города, за оградой, выстроено довольно больших размеров каменное в 2 этажа здание, где и помещается храм местных старообрядцев-поповцев. В нижнем этаже этого

здания находятся удобно расположенные помещения для служащих и т.п. Внутри храм устроен хорошо и украшен довольно богато: в нем светло, высоко, прекрасный алтарь. Невыгодное впечатление производит некоторая пустота по стенам, а также огороженное решеткой место посреди храма. При храме служат два священника и диакон. Кстати, один из бывших егорьевских священников, о. Василий Бажанов, ныне состоит в сане епископа Петроградского и Тверского, инокское имя его Виталий»¹³. Главными попечителями егорьевского храма автор называет купца П.Г. Брёхова, а также «общественников» Кацепова, Конюшкова, Мануйлова, Шишлова, Князева, Комарова. Городское старообрядческое кладбище, находившееся в живописном месте, по мнению автора заметки, содержится в образцовом порядке.

В следующем году старообрядцы наконец-то дождались своей официальной легализации: в России были приняты законы, которые уравнивали их с остальными гражданами империи. Белокринишники города Егорьевска одними из первых в России воспользовались предоставленными свободами.

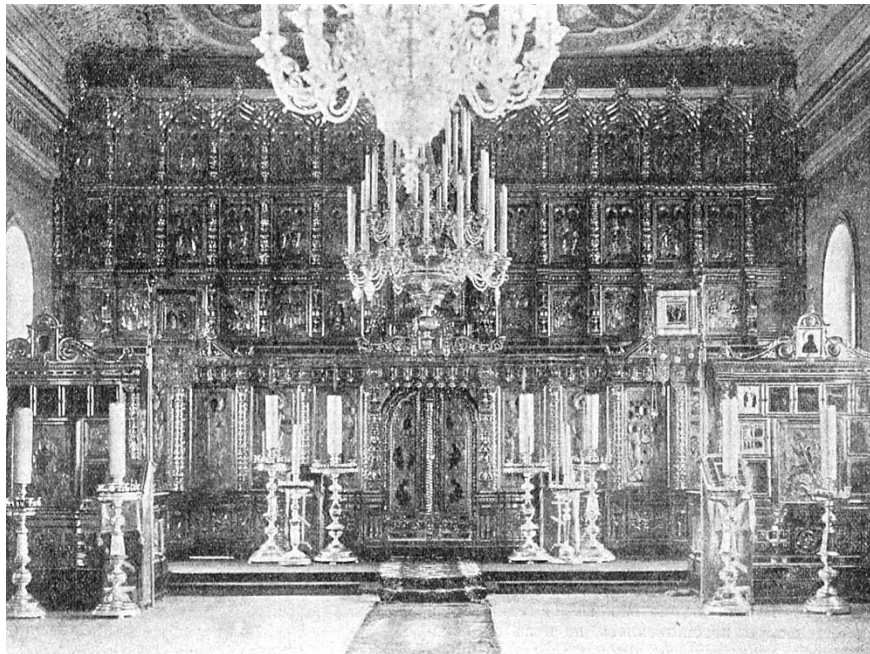
1906 годом датировано дело по прошению егорьевского купца Брёхова о выдаче разрешения на постройку каменной колокольни и надстройку деревянного «трибуна» с пятью главами на существующем в городе Егорьевске старообрядческом молитвенном доме. Петр Григорьевич Брёхов направил прошение в Рязанское губернское правление через доверенного, Михаила Ивановича Бриллиантова, который подал его 7 февраля 1906 года. Уже 26 марта на имя рязанского губернатора пришло отношение из Министерства внутренних дел за № 562: «На основании Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г. сооружение старообрядческих и сектантских молитвенных домов должно происходить при обязательном соблюдении технических требований, применительно к порядку, существующему для храмов инославных исповеданий. В действующих правилах о сооружении последних не содержится постановлений, воспреещающих сооружение храмов, сходных по внешнему своему виду с православными

П.Г. Брёхов.
Фото из журнала «Церковь»

Егорьевский старообрядческий храм в начале 1910-х гг.
Внешний вид и интерьер. Фото из журнала «Церковь»

церквами. Поэтому означенное ограничение не должно иметь места и при постройке старообрядческих молитвенных домов. На приведенных основаниях подлежит удовлетворению и ходатайство о разрешении постройки колокольни и трибуна с главами с крестами на молитвенном доме в г. Егорьевске при условии, что моленная эта существует с надлежащего разрешения»¹⁴.

Строительное отделение Рязанского губернского правления разрешило просимые старообрядцами строительные работы своим протоколом за № 129 от 29 апреля 1906 года¹⁵. Со второй половины 1890-х гг., когда прежние попечители Князевы-старшие сошли в могилу, а молодые поколения этого известного егорьевского старообрядческого семейства «как-то отстали от общества и храма», о последнем стали заботиться Григорий Назарович Брехов и его сын Петр Григорьевич. Последний до своей смерти в феврале 1914 года заботился о благолепии богослужений и построил церковную колокольню¹⁶.

В газете «Московский листок» за 1907 год сохранилась заметка об освящении обновленного старообрядческого храма в городе Егорьевске. Мы приводим ее полностью.

Освящение старообрядческого храма

Недавно в гор. Егорьевске Рязанской губернии было совершено освящение старообрядческого храма во имя св. великомученика Победоносца Георгия, выстроенного на средства местного купца-старообрядца П.Г. Брехова. Старообрядческий храм существовал в Егорьевске и раньше, но он не имел вида храма снаружи, а поэтому, по объявлении Указа 17 апреля 1905 года, П.Г. Брехов испросил разрешения на постройку каменной (около 60 аршин) колокольни и надстройку 5 глав.

Торжество егорьевских старообрядцев началось еще накануне освящения храма, 26 ноября, когда приехал в Егорьевск старообрядческий архиепископ Иоанн с двумя диаконами с хором певцов с Рогожского кладбища, который был встречен местным духовенством. Накануне освящения храма архиепископ Иоанн в сослужении московского и местного духовенства совершил

Всенощное бдение, на котором присутствовало такое множество молящегося народа, что огромный храм не мог вместить всех желающих послушать древнее старообрядческое церковное богослужение.

27 ноября в 6 час. утра, началось водоосвящение, а затем освящение храма. По окончании освящения храма внутри вышел крестный ход и три раза обошел вокруг храма, во время которого архиепископ Иоанн окропил стены св. водой. По возвращении крестного хода в храм началось облачение

архиепископа, затем часы и литургия. После литургии архиепископ Иоанн сказал слово о необходимости строить и украшать храмы.

Затем городской голова гор. Егорьевска Д.В. Макарьев, прибывший в храм во время обедни, прочел от имени городской Думы адрес П.Г. Брѣхову как строителю храма... в ценной серебром обложенной папке с надписью: «Глубокоуважаемому П.Г. Брѣхову от Егорьевской городской думы по постановлению 25 октября 1907 года».

По прочтении адреса П.Г. Брѣхов принял его от городского головы и благодарил Егорьевскую городскую думу.

После этого все почетные гости были приглашены в дом П.Г. Брѣхова, где был приготовлен роскошный обед, на котором были провозглашены тосты за Государя Императора, Государынь Императриц, за Августейший Царствующий Дом, а также за московского старообрядческого архиепископа Иоанна, за благотворителя и строителя храма П.Г. Брѣхова и за присутствовавших гостей¹⁷.

Тосты и молитвы за царя и его родственников в это время стали обычными на всех старообрядческих торжественных мероприятиях. То ли на самом деле старообрядцы были благодарны за вероисповедные свободы, то ли это был политический маневр. После Февральской революции 1917 года российские старообрядцы, как впрочем и большая часть остального русского общества, приветствовали изменения и на чем свет стоит кляли царя и его свергнутую клику.

Когда происходили вышеописанные торжества, Рязанское губернское правление рассматривало вопрос об официальной регистрации егорьевской старообрядческой общины. Заявление от прихожан Георгиевского храма было подано в марте 1907 года: «В городе Егорьевске Рязанской губернии, во владении местного купца Петра Григорьевича Брѣхова и других с давнего времени имеется старообрядческий храм, прихожанами которого состоят старообрядцы города Егорьевска и прилегающих к городу деревень: Агрызково, Федуловской, Гавриловской, Пантелеевой, Лаптевой, Батраки, Ефремовой, Бузяты, Кудиновской, Лунинской, Нечаевской, Соколовой, Заречье, Суровой, Даниловой, Вишневой и села Алешина...» Под заявлением стояла 61 подпись. Подписавшие документы просили утвердить наименование «Егорьевская старообрядческая община св. Великомученика и Победоносца Георгия».

Заявление подписали три представителя егорьевского старообрядческого духовенства: священник Ипатий Трофимов, священник Петр Милованов и диакон Иаков Шведов. Среди прочих членов будущей общины следует отметить видного деятеля московского и

подмосковного старообрядчества Михаила Ивановича Бриллиантова. Последний входил во многие зарегистрированные в этот период общины, помогая новообразованным приходским структурам в правовой области.

М.И. Бриллиантов родился в 1858 году в семье старообрядцев деревни Какузеве Бронницкого уезда Московской губернии. В начале XX столетия, после объявления вероисповедных свобод, он вступил в ряды московского старообрядческого Братства Честного Креста и Общества хоругвеносцев при храмах Рогожского кладбища. Драматически сложилась судьба М.И. Бриллиантова в советский период. После Октябрьского переворота он был председателем общества потребителей «Борьба с дороговизной». 13 сентября 1918 года вместе с представителями Московского центрального домовладельческого союза, членом которого он также состоял, Бриллиантова арестовала Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Обвинение союзу и его членам предъявили стандартное: противодействие отмене частной собственности. Постановлением Четвертого чрезвычайного съезда рабочих, крестьянских и казачьих депутатов М.И. Бриллиантов и другие члены союза были амнистированы. В 1925–1926 гг. Михаил Иванович Бриллиантов входил в Совет старообрядческой Архиепископии. На протяжении нескольких лет (в 1925, 1926, 1927 гг.) был участником старообрядческих Освященных соборов. 23 марта 1932 года его снова арестовали по нелепому обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации старообрядцев. Особым совещанием при коллегии ОГПУ от 14 июля 1932 г. Бриллиантова выслали в Казахстан сроком на три года. Решением того же органа 28 февраля 1933 года его освободили. Михаил Иванович был активным членом московской Тихвинской старообрядческой общины до ее закрытия в 1930 году. Умер М.И. Бриллиантов приблизительно в 1942-м. Посещал ли он в 1920–1930 гг. Егорьевск и молился ли с местными староверами, неизвестно.

Определением Рязанского губернского правления от 1 мая 1907 года старообрядческая община в городе Егорьевске была официально зарегистрирована и внесена в установленный реестр.

Уже 20 мая состоялось первое собрание, на котором были избран совет общины и ее председатель. В совет вошли следующие лица:

Петр Григорьевич Брехов;
Георгий Степанович Князев;
Иван Ефимович Лежнев;
Федот Макарович Куликов;

Василий Кондратьевич Князев;
 Владимир Иванович Князев;
 Михаил Иванович Бриллиантов;
 Тимофей Ерофеевич Демидов;
 Федор Андреевич Каширин;
 Федот Власович Чекаев;
 Агафон Васильевич Клопов;
 Федор Иванович Куликов,

а также настоятель храма – священник Ипатий Григорьевич Трофимов.

14 июня 1907 года Губернское правление утвердило в качестве духовных лиц при Егорьевской старообрядческой общине о. Ипатия Трофимова, 51 года, о. Петра Милованова, 43 лет, диакона Иакова Швецова, 35 лет, и двадцатипятилетнего псаломщика Петра Григорьевича Андреева¹⁸.

ГЕОРГИЕВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ОБЩИНА

въ городъ Егорьевскъ
 (Рязанск. губ.).

Мая 20 *Июня* 1907 г.

№ 1.

Бланк Егорьевской
 старообрядческой общины

В № 26 журнала «Церковь» анонимный автор опубликовал небольшую заметку, посвященную егорьевскому старообрядческому храму (описывая ситуацию в приходе, автор ошибочно назвал достроенную накануне главами и колокольней Георгиевскую церковь «недавно построенной»):

...Масса золота, ценных риз, дорогих украшений. Усердие жертвователей очень похвальное, но как-то печально видеть древние иконы иконостаса, заделанные в глухие серебряные ризы. Храм всегда переполнен молящимися до такой степени, что невозможно класть земные поклоны.

При всей торжественности служения невольно бросаются в глаза недостатки хора: хор большой, но не спетый. На клиросах нет ни чтецов, ни

Крупная и деятельная егорьевская старообрядческая община в начале XX столетия регулярно попадала в поле зрения староверческой печати, освещавшей как события текущей жизни, так и некоторые конфликты и нестроения. Последних здесь просто не могло не быть, учитывая наличие таких членов, как Никифор Зенин.

певцов из детей. И это грустно: ведь есть полная возможность открыть для детей училище и обучать их там пению. Думается, что егорьевскому духовенству необходимо настаивать у попечителя храма об открытии начальной школы. Говорят, были попытки к созданию школы, но безуспешные. По почину одного священника был открыт прием пожертвований, – и в один день записано жертвователей, обещавших ежегодные взносы на 1200 руб. Но когда дошло это до попечителя, то дело затормозилось. Однако этим смущаться не следует: ведь капля долбит и камень. И что не прошло тогда, возможно – будет принято теперь¹⁹.

Старообрядческий храм св. Георгия. Фото из книги А.А. Витала «Егорьевский городской глава Никифор Михайлович Бордыгин» (М., 1909)

К 1909 году Георгиевский храм формально считался собственностью одиннадцати лиц. Прежде это было необходимо, дабы власти не могли конфисковать здание в случае очередных гонений и закрытия. Но после 1906 года появилась возможность перевести церковную постройку и землю под ней в общественную собственность. Об этом от имени множества прихожан-старообрядцев просило формальных собственников егорьевское старообрядческое Братство св. Петра и Павла. Наследницы одного из владельцев храма, А.С. Буянова еще в конце 1908 года через своего поверенного М.Ф. Конюшкова подали

заявление о желании передать обществу унаследованное ими право на одиннадцатую часть храма. Подобным образом собирались поступить и сыновья Г.К. Князева. Купец Р.И. Кутаков также обещал передать обществу свою часть храма, но при условии перехода прав общине (приходу) целиком. Условие Кутакова объясняется тем, что в общину на тот момент по бумагам входило менее двухсот человек при значительно большей численности Георгиевского прихода²⁰. В результате процесс формальной передачи храма из собственности ряда лиц в собственность общины удалось завершить только в следующем 1909 году²¹. Любопытно, что после 1907 года в г. Егорьевске, помимо Георгиевского храма-моленной, существовало и еще как минимум одно белокрыницкое молитвенное помещение. Под 1911 годом в журнале «Старообрядческая мысль» была опубликована заметка Никифора Зенина «Неужели нельзя иначе?». В ней рассматривался конфликт между двумя нетрезвыми певчими: Григорием Макшеевым и Прохором Петрушенко, который произошёл 1 января того же года в доме № 10 по Коломенской улице у входа в старообрядческую молельню. Макшеев решил отомстить

Печать общины

оппоненту и нанес ему удар ножом в голову, оставив Петрушенко на лестнице истекающего кровью²². Что это была за молельня, и кто был ее содержателем, Зенин в заметке не уточнил. Скорее всего, речь шла о частной купеческой домашней молельне, которой пользовались преимущественно родственники и знакомые одного семейства. Более о данном молитвенном помещении никаких упоминаний не встречается.

В 1914 году скончался ключевой деятель егорьевского городско-го старообрядчества Петр Григорьевич Брѣхов. На ежегодном собрании общины было решено вновь передать бразды правления представителям семьи Князевых. Председателем был избран купец Владимир Иванович Князев, а товарищем председателя – его родственник Георгий Степанович²³.

В годы Первой мировой войны Егорьевск остался в стороне от фронтов, но несколько изнурительных лет сблизили старообрядцев и представителей официального начальства, прежде всего воинского. 1 и 2 апреля 1916 года в старообрядческом Георгиевском храме испо-

ведовались и приобщались Христовых тайн воины-старообрядцы расквартированного в городе 80-го запасного пехотного полка, коих собралось до пятидесяти человек. Сделано это было по приказу полковника де Лобеля (командира части) по согласованию со старообрядческим начальством²⁴.

Жизни передового Егорьевского старообрядческого общества посвящено немало публикаций старообрядческой прессы начала XX века: журналов «Церковь», «Слово Церкви», «Старообрядческая мысль» и других. Особенно интересны материалы «Старообрядческой мысли», к изданию которой непосредственное отношение имел Н.Д. Зенин. На печатных страницах было принято публиковать и отчеты о хозяйственной деятельности Егорьевского общества. Из отчета 1916 года мы узнаем, что общество наконец-то решило построить церковный дом-училище, вопрос о котором начал обсуждаться сразу после объявления вероисповедных свобод. На третий год первой мировой войны инициативу в свои руки взял сам Зенин, пожертвовав для этого благого дела одну тысячу рублей. Его сразу же поддержал М.Ф. Конюшков, давший на предполагаемую постройку две тысячи. В стороне не осталась и фирма самых богатых егорьевских старообрядцев Князевых, вложившая десять тысяч. Тимофей Ерофеевич Демидов пожертвовал пять тысяч рублей и дом с землей, находящийся в 75-м квартале, с условием использования его под какое-либо благотворительное учреждение. На 1 января 1917 года было собрано 29360 рублей²⁵. Однако за просветительскую деятельность егорьевские старообрядцы взялись слишком поздно. Вскоре начались революционные изменения, а после октября 1917 года ни о какой постройке церковного дома-училища речь уже не шла.

Летом 1917 года, т.е. между двумя революционными потрясениями, здание егорьевского старообрядческого храма было повреждено. Но не во время какого-либо артиллерийского обстрела, которых в Егорьевске никогда не бывало. По невыясненной причине в 4 часа вечера 1 июня загорелся чердак церкви. Огонь проник внутрь деревянного тамбура, на котором возвышались пять глав с крестами. Пожар был настолько силен, что потушить его не смогли. Верх здания выгорел полностью. Благодаря бетонному своду пламя не проникло внутрь храма, и его интерьер не пострадал²⁶. Главы так и не были окончательно восстановлены полностью до закрытия церкви в 1936 году. Завершение (верхнюю часть) храма, правда с менее высокими барабанами и тамбуром, удалось отстроить только к концу 1990-х.

Открытка начала XX века. Вид с колокольни «Белого» собора на Московскую ул., хорошо видны старообрядческий храм великомученика Георгия (слева) и храм Александра Невского (вдалеке) (<http://stanigost.livejournal.com/79327.html>)

После 1917 года большевики начали устанавливать новые порядки, которые коснулись взаимоотношений с религиозными организациями. Первый договор с общиной егорьевского старообрядческого храма местные уездные власти заключили 15 марта 1919 года. Смысл договора заключался в том, что религиозная организация получала от новой власти в пользование собственное имущество. К договору предлагалась опись того, что «передавалось» общине²⁷.

В архиве старообрядческой митрополии на Рогожском кладбище Москвы сохранился «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию на нужды Архиепископии по управлению Московской епархии на время с 1-го июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.». Согласно документу, на территории тогда еще существовавшего Егорьевского уезда находилось всего четыре старообрядческих прихода: Егорьевский, Агрызковский, Поповский и Угорнослободский. Причем только два первых – Егорьевский и Агрызковский – входили в Егорьевское благочиние. (Помимо них из Егорьевска управлялись Хорловский, Осташевский, Воскресенский, Климовский, Чёлоховский, Кладьковский, Панкратовский и Усадищенский приходы.) Два других

уездных прихода, Угорнослободский и Поповский, входили в состав Елкинского благочиния.

На Егорьевском приходе Егорьевского уезда в соответствии с этим документом священствовал отец Иосиф Куликов²⁸. Второго священника, судя по всему, при храме в это время не было. По рассказам старожиллов, чуть позже в егорьевский храм из моленной соседней деревни Русанцево перешел отец Григорий Юдин. Впоследствии отца Иосифа репрессировали, а отец Григорий остался на свободе, что, опять же по рассказам, вызвало подозрения среди паствы. К сожалению, о других подробностях жизни егорьевского старообрядческого общества 1920–1930-х гг. мы знаем очень мало. Общество просуществовало до 1936 года, когда местные власти решили, наконец, разобратся со старообрядческой святыней. Борьбу прихожан егорьевского храма за свое здание иллюстрируют приведенные ниже тексты документов из переписки Стола культов ВЦИК, которая хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФе). (Хронология документов может не соответствовать их последовательности в архивном деле.)

1.

В ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
Группы верующих старообрядцев гор. Егорьевска
Московской области, слобода Русанцево

ЗАЯВЛЕНИЕ

[Сообщение] Председателей Егорьевского райисполкома и горсовета Тарунтаева и Хренова... от 10 июля 1937 года [в адрес] КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТА при Президиуме Мособлсполкома нас поставило в полное недоумение. Они сообщают, что «егорьевская старообрядческая церковь закрыта по требованию и з б и р а т е л е й». Что значит выражение: «з а к р ы т а п о т р е б о в а н и ю и з б р а т е л е й»? Закрыта церковь по требованию рабочих ли, или колхозников, или групп верующих, или еще кого – мы совершенно не п о н и м а е м, а посему, почтительнейше просим подробного разъяснения на эти слова. И если можно, с указанием неопровержимых фактических данных.

Далее, Тарунтаев и Хренов сообщают, что «закрытая старообрядческая церковь вмещала 150-170 человек» – это неправда. Закрытая Егорьевская старообрядческая церковь могла вмещать до 3000 человек. Размер ее следующий: Длина 52 ½ аршина, ширина 14 ¼ аршина внутри. Плюс теплая паперть в 10-12 аршин. Притом нижний храм имел размер в половину

вышеуказанного. Два храма, верхний и нижний, вполне могли вмещать до 3000 человек. И поэтому почтительнейше просим прислать на место и р а с с л е - д о в а т ь такое неправильное сообщение.

Указанные храмы: Нечаевский – маленький [и] Александра Невского – не старообрядческие, а православные – своими верующими переполнены²⁹.

2.

КОПИЯ С КОПИИ.

КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТА

При президиуме Мособлисполкома

КОПИЯ: Жалобщикам группе верующих бывшей старообрядческой церкви.

На Ваш запрос о возврате закрытой старообрядческой церкви группе верующих в гор. Егорьевске. Егорьевский райисполком и городской Совет, рассмотрев жалобу группы верующих бывшей старообрядческой церкви, сообщает Вам:

1. 30-го декабря 1936 года старообрядческая церковь в Егорьевске закрыта по требованию избирателей. Со дня закрытия нами приступлено к приспособлению ее под пионерский клуб. В настоящее время разобрана колокольня, полностью освобождено внутри помещение, составлен проэкт на переоборудование ее под пионерский клуб, ведутся работы в подвальном помещении от изоляции воды, приступлено к перестройке окон нижнего этажа, проведены затраты на переоборудование в размере 12-15 тысяч рублей.

2. В части группы верующих, то таковая со дня закрытия перешла для исполнения религиозных обрядов в существующую Русанцевскую церковь, на расстоянии 1½ км., которая в настоящее время функционирует.

Кроме того, в гор. Егорьевске, кроме Русанцевской церкви, функционируют еще каменные церкви: Нечаевская и так называемая Александра Невского, в которых свободно может группа верующих отправлять религиозные обряды, поэтому райисполком и городской Совет считают жалобу группы верующих неправильной и удовлетворению не подлежащей, так как закрытая старообрядческая церковь вмещала 150-170 человек и существующие в настоящее время 3 церкви в Егорьевске вполне размещают группу верующих.

Председатель Егорьевского райисполкома: /Гарунтаев/

Председатель городского Совета: /Хренов/

10 / VII-37 г.

На одной из копий документа внизу машинописный текст:

Председателей райисполкома и горсовета Тарунтаева и Хренова сообщение в вышеозначенной копии не правильное, так как закрытый Егорьевский старообрядческий храм мог вмещать не 150-170 человек, а до 2000 человек. Указанные каменные храмы Нечаевский и Александро-Невский не старообрядческие, а православные, своими верующими переполненные. Старообрядческий храм закрыт не избирателями³⁰.

3.

В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА

*Уполномоченных группы верующих при старообрядческом храме
в г. Егорьевске Московской области /улица Карла Маркса, № 42/*

ЗАЯВЛЕНИЕ

30 июня 1936 г. члены нашего исполнительного органа группы верующих были вызваны в горсовет гор. Егорьевска, которым было объявлено под расписку, что по ходатайству Егорьевского горсовета Московский областной исполком от 20 мая 1936 г. за № 1246 ПОСТАНОВИЛ наш старообрядческий храм закрыть.

Указанный храм, построенный на народные средства без помощи царской казны в 1884 году, все время своего существования содержался и ремонтировался без всякой посторонней помощи, на добровольные средства прихожан.

Государственные налоги и все повинности по храму – оплачены.

Наше религиозное объединение на основании договора распространяет свою деятельность на семьи старообрядцев гор. Егорьевска с пригородными деревнями: Русанцево, Камариха, Лаптево, Нечаевская, а также и на окружающие деревни: Акатово, Батраки, Пантелеево, Сурово, Федуловскую, Алешино, Кудинск, Ефремовскую, Бузяты, Кукишиво и Тараканово, в общем до 4000 старообрядцев.

Других старообрядческих храмов такой вместимости ни в гор. Егорьевске, ни в пределах его – НЕТ, и поэтому, если будет закрыт наш Храм, мы будем лишены – изолированы, не имея пристанища, где использовать нам право свободного отправления религиозного культа.

Особенно тяжело отразится закрытие нашего храма в сердцах верующих старообрядцев, рабочих и колхозников, когда только что обнаружен

Советским Правительством проект новой КОНСТИТУЦИИ, и с такими широкими правами для всех граждан Советской России, разработанный под председательством всеми любимого, отечески заботящегося о трудящихся Вождя народов ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА.

Будучи гражданами Советской России, неся все обязанности и повинности наравне с другими гражданами, мы полагаем, что мы также вправе пользоваться всеми свободами, дарованными всему населению необъятного нашего отечества.

Ввиду вышеизложенного, мы старообрядцы ходатайствуем и почтительнейше просим ВЦИК об отмене постановления Московского областного исполкома и о приостановлении ходатайства Егорьевского горсовета о закрытии нашего старообрядческого храма, и о продлении договора для осуществления прав свободы совести при совершении религиозного культа в нашем Егорьевском старообрядческом храме.

Уполномоченные: П. Федоров, С. Монахов, И. Шарапов,
(неразборчивая подпись)

И И З

1 июля 1936 года³¹.

4.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Московского областного исполнительного комитета

Советов Р., К. и С. Д.

от 20-го мая 1936 г. № 1246

Ходатайство Егорьевского райисполкома
о закрытии старообрядческой церкви в г. Егорьевске.

Принимая во внимание, что:

- 1.– Здание старообрядческой церкви в г. Егорьевске будет использовано под дом физкультуры, о чем имеется ходатайство рабочих текстильных фабрик и завода «Комсомолец» в количестве 18 тыс. чел.
2. – Необходимые средства для переоборудования здания культа обеспечены полностью.
3. – На расстоянии $\frac{1}{4}$ км. имеется в г. Егорьевске старообрядческая действующая церковь.

Президиум Мособлисполкома, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8. IV – 29 г., ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. – Разрешить Егорьевскому райисполкому старообрядческую церковь в г. Егорьевске закрыть, а здание использовать в указанных целях. С пред-

метами культа поступить согласно того же постановления ВЦИК и СНК от 8. IV – 29 г.

Настоящее постановление объявить группе верующих, разъяснив порядок обжалования в 2-недельный срок в Президиум ВЦИК через Мособлисполком.

2. – Предложить Егорьевскому райисполкому не производить ликвидацию церкви впредь до получения особого извещения от Мособлисполкома о вступлении в силу настоящего постановления.

Зам. Председателя Мособлисполкома – С. Губерман.

Секретарь Мособлисполкома – К. Видинский ³².

5.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ЕГОРЬЕВСКОГО РАЙОННОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
И ГОРОДСКОГО СОВЕТА

От 12-го марта 1936 года

СЛУШАЛИ: О закрытии имеющейся СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ церкви под культурные цели.

тов. ХРЕНОВ

ПОСТАНОВИЛИ:

Учитывая просьбу рабочих, вынесенных собраниями текстильных фабрик и завода «КОМСОМОЛЕЦ» в количестве 18 тысяч, о закрытии старообрядческой церкви вместимостью в 250 человек под культурные цели, а группа верующих может перейти в имеющиеся еще 3 церкви в городе для исполнения религиозных обрядов.

Исходя из этого, старообрядческую церковь закрыть под дом физкультуры и просить комиссию культа МОИКа и ВЦИК санкционировать данное решение о закрытии старообрядческой церкви и использовать ее под дом физкультуры, так как имеющиеся еще три церкви, 2 каменные и одна деревянная, в городе Егорьевске вполне обеспечат группу верующих старообрядческой церкви.

Для переоборудования и приспособления церкви под дом физкультуры требуется согласно проекта и смет в сумме пять тысяч восемьсот сорок три /5843/ руб. Требуемые средства 5843 руб. имеются.

/Проект и сметы прилагаются./

*Председатель Егорьевского
Исполкома /Гарунтаев/
Председатель Егорьевского
Горсовета /Хренов/³³.*

6.

*В П Р Е З И Д И У М В Ц И К
Уполномоченных группы верующих при
старообрядческом храме в г. Егорьевске
Московской области /ул. К. Маркса, № 42/*

З А Я В Л Е Н И Е

Наш старообрядческий храм постановлено закрыть Мособлисполкомом от 20 мая с/г.

Посещаемость нашего Егорьевского старообрядческого храма, в обычное Воскресение 150-200 чел. В двенадцатые праздники 400-500 чел. В праздники Рождество, Крещение и Пасху 700, 800, 1000 чел. и более.

В остающемся единственном старообрядческом Русанцевском молитвенном здании посещаемость: в обычное Воскресение 40-50 чел., в двенадцатые праздники 80-100 чел., в праздники Рождество, Крещение и Пасху 100-150 чел.

Нормальная предельная вместимость Русанцевского молитвенного здания 100 чел.

*П. Федоров, Е. Епифанова
23 августа 1936 г. ³⁴.*

7.

*ВЫСКОКОЧТИМЫЙ
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ*

Твердо уверенные в Вашей отеческой заботе о трудящихся, мы решили послать ВАМ к о п и ю с нашего обращения в Президиум ВЦИК, из которой ВЫ усмотрите наше положение и то, в чем мы ходатайствуем. И поэтому почтительнейше просим ВАС оказать нам ВАШЕ содействие по проведению в жизнь мудрых ВАШИХ слов, изложенных в КОНСТИТУЦИИ о свободе совести и отправлении религиозных культов.

Бьем челом к ВАШЕМУ добродушию и пребываем с глубокой преданностью к В А М.

Уполномоченные от группы верующих старообрядцев:
П. Федоров, С. Монахов, И. Шарапов,
(неразборчивая подпись)
И И З
1 июля 1936 года³⁵.

8.

В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
/КОМИССИЯ КУЛЬТОВ/

Уполномоченных группы верующих при старообрядческом храме
в г. Егорьевске Московской области /улица Карла Маркса, № 42/
Д о п о л н е н и е к заявлению вышеуказанной группы в Президиум
ВЦИК по вопросу закрытия старообрядческого храма в г. Егорьевске
Московской области от 1 июля 1936 года

В дополнение нашего заявления в Президиум ВЦИК от 1 июля 1936 года по ходатайству об отмене постановления Московского областного исполкома от 30 мая с/г о закрытии нашего старообрядческого храма в г. Егорьевске Московской области считаем долгом дополнить следующее. При объявлении уполномоченным нашей группы верующих о представлении к закрытию нашего храма старообрядческого в г. Егорьевске, председатель президиума горсовета г. Егорьевска сделал нам предложение соединиться с группой не одного с нами согласия [из церкви], которая своими переполнена, и с группой другой старообрядцев одного с нами согласия при молитвенных зданиях дер. Агрыzkова и дер. Русанцева, находящихся в пригороде г. Егорьевска.

Такое предложение председателя президиума горсовета г. Егорьевска, поставило нашу группу верующих в недоуменное положение, и это во-первых: потому, что молитвенное здание дер. Агрыzkова обрушилось и закрыто, остается только Русанцевское молитвенное здание. В Русанцеве же имеется своя группа верующих, и притом достаточная по количеству означенного молитвенного здания и, во-вторых: потому, что к Русанцевской группе верующих имеется уже придаток – другой группы верующих, бывшей при молитвенном здании дер. Агрыzkова, ныне по ветхости закрытого, число членов которой исчисляется до одной тысячи человек. Таким образом, при слиянии трех групп верующих старообрядцев: Егорьевской, Агрыzkовской и Русанцевской получится итого солидное количество верующих – до п я т и т ы с я ч членов, каковая для Русанцевского молитвенного здания по его ветхости /это деревянное здание, по свидетельству

старожилов, построено сто лет тому назад/ и его маловместимости будет не под силу, потому что Русанцевское молитвенное здание деревянное и имеет только (неразборчиво) аршин длины и 10 аршин ширины по наружности, а внутри здания, исключая алтарь, клироса и солею с амвоном, чистота площади для молящихся остается в длину 15 аршин, а в ширину – 9 аршин, что представляет против городского нашего храма «миниатюру». И такая миниатюрная площадь Русанцевского молитвенного здания, могущая вместить до ста молящихся, т.е. способна вместить не свыше пятидесяти части верующих старообрядцев г. Егорьевска и причисленных к нашему Храму рабочих и колхозников из окрестных деревень.

Потому такое предложение председателя президиума горсовета г. Егорьевска о соединении трех старообрядческих групп верующих при Русанцевском молитвенном здании – равносильно лишению нас «С в о б о д н о г о о т п р а в л е н и я р е л и г и о з н ы х к у л ь т о в», которые, как очевидно, могут отправляться только в соответствующих храмовых зданиях, достаточных по своей вместимости для известного количества членов данной группы.

И такого по вместимости храма, как наш старообрядческий храм в гор. Егорьевске, – ближе Москвы нет.

Излагая вышеприведенное, мы старообрядцы верим в справедливость Советской Власти, давшей нам, верующим, свободное от правления религиозных культов, и верим, что Она не лишит нас и соответствующего здания для их отправления – здания, которым наша группа по существующему договору пользуется, и пользуется в силу закона Советской Власти.

23/VIII-36 г.

П. Федоров, С. Монахов, И. Шаранов,

И И З,

(неразборчивая подпись) ³⁶.

Дело о закрытии Георгиевского старообрядческого храма закончилось к декабрю 1937 года. Постановлением Президиума ВЦИК от 25 декабря изменялось аналогичное постановление, вышедшее годом ранее, 30 декабря 1936 года, которым храм закрывался под Дом физкультурника. Теперь церковь передавалась законодательно под Дом пионеров³⁷.

Вскоре была закрыта и разрушена вышеупомянутая старообрядческая моленная в деревне Русанцево, об истории которой мы расскажем ниже. Старообрядцы города Егорьевска и его окрестностей почти на целое десятилетие были лишены открытого богослужения и молились тайком по домам.

Егорьевский храм после возвращения общине в 1996 г.

Официальная жизнь егорьевского белокрыницкого старообрядчества возобновилась после окончания Великой Отечественной войны, когда у верующих нашей страны появилась возможность вновь открыть закрытые в 1930-х гг. храмы. Поскольку вернуть Георгиевский храм в самом Егорьевске власти отказались, старообрядцам отдали прежнюю никонианскую церковь пригородного села Алёшина. Этого весьма интересного периода егорьевской старообрядческой истории мы еще коснёмся в дальнейшем.

Здесь нельзя не упомянуть о попытках возродить Георгиевский храм, которые начались с декабря 1944 года. В IV квартале 1945 года уполномоченный Совета по делам культов С. Бешпапошников побывал в Егорьевске, дабы разобраться с ситуацией на месте. Уполномоченный выяснил, что ремонт Дома пионеров заканчивается, и с 15 января следующего 1946 года в здании уже намечены массовые мероприятия. Другого помещения в городе Егорьевский горсовет предоставить верующим не мог, посему ходатайство старообрядцев было отклонено³⁸.

Но прихожане Георгиевского храма не успокоились. Из отчета уполномоченного за III квартал следующего 1946 года мы узнаем, что старообрядцы снова подали прошение об открытии храма: «Ходатайство старообрядцев г. Егорьевска, где имеется большое количество

верующих, было отклонено решением исполкома Мособлсовета. Второе ходатайство было оставлено без рассмотрения из-за отсутствия помещения. Но представители верующих не унимаются и готовят новое ходатайство об открытии молитвенного здания бывшей православной церкви в д. Алёшино в 3-4 км от г. Егорьевска, которое должно обслужить старообрядцев как г. Егорьевска, так и других населенных пунктов района. Действующая в дер. Нареево (пос. Кр. Ткач) в 10 км от г. Егорьевска [церковь] не может удовлетворить потребности всех верующих»³⁹. Однако в следующем отчете уполномоченного за IV квартал того же года, составленном после того, как очередное ходатайство егорьевцев было отклонено, говорится, что открытие взамен прежней старообрядческой церкви молитвенного здания, бывшего ранее у никониан, не встретит однозначной поддержки верующих, потому что основная их масса проживает вне селения Алёшина⁴⁰.

Возрождение егорьевского старообрядческого храма во имя св. мученика Георгия Победоносца произошло только в 1996 году. К тому времени Дом пионеров уже почти не работал, его заброшенная территория заросла лопухами выше человеческого роста, само здание находилось в аварийном состоянии, и городские власти подумывали о его сносе. В начале этого года вместо умершего летом 1995-го о. Сергия Маругина в Алёшино был назначен священник Василий Кадочников. Прихожане, никогда не забывавшие о егорьевском храме, стали поднимать перед новым священником вопрос о его возрождении, тем более, что здание пустовало и его уже собирались сносить. Поэтому с возвращением святых никаких проблем не возникло. Уже в мае 1996 года глава администрации Егорьевского района Михаил Трофимович Лавров подписал первые документы о передаче храма его истинным владельцам – старообрядцам. Первый молебен с водоосвящением великомученику Георгию был отслужен в самом начале июня, в день памяти святого мученика Иустина. Внутри церковных стен во время молебна еще стояли теннисные столы.

С 1997 года начались работы по благоустройству Георгиевского храма и его территории. Из подвала (бывшего нижнего этажа, где находились помещения для служителей храма) выкачали воду. Кроме того, была разобрана старая полусгнившая крыша, которую заменили новыми конструкциями. В 1998 году на храме был установлен новый тамбур с пятью главами. Он оказался ниже того тамбура, который находился на церкви до пожара 1917 года.

С того же 1997 года в возрождаемом храме стали проводиться регулярные богослужения. Они совершались вместе со службами в

Георгиевский храм. Современное фото.

Алёшинском храме. Иногда дело происходило так: вечернее богослужение совершалось в Егорьевске, а утреннее – в Алёшине. Постепенно и утренние службы стали проводиться в Георгиевской церкви. К 2002 году, когда храм отмечал свое 120-летие, основные работы по спасению церкви от разрушения были закончены.

6 мая 2001 года на престольный праздник – день великомученика Георгия Победоносца старообрядческий храм города Егорьевска посетил глава Русской православной старообрядческой церкви митрополит Алимпий (Гусев). В этот день, впервые за долгие десятилетия, Егорьевск увидел архиерейскую старообрядческую службу. В следующем году торжественно отмечался 120-летний юбилей Георгиевского храма. Праздничные богослужения проходили и в начале мая, на Георгия Вешнего, и в начале декабря, на Георгия Зимнего. На зимнюю службу снова прибыл митрополит Алимпий. В настоящее время работы по возрождению бывшего великолепия старообрядческого храма продолжают. У общины и ее настоятеля отца Василия Кадочникова есть планы по восстановлению в недалеком будущем утраченной колокольни.

Говоря о старообрядческом приходе, нельзя не упомянуть и о старообрядческом кладбище. Оно находилось рядом с городской окраиной вблизи основного городского кладбища, возникшего к началу 1790-х гг. Когда появилось отдельное место погребения егорьевских старообрядцев, нам точно неизвестно, но на рубеже XVIII и XIX веков оно, скорее всего, уже существовало. В одном из номеров нижегородского журнала «Старообрядец» за 1906 год, была опубликована путевая заметка Ивана Захарова о Егорьевске и соседней Гуслице, где старообрядческое кладбище описывается так: «В Егорьевске – кладбище старообрядческое расположено на живописном месте и содержится в образцовом порядке...»⁴¹. О том, сколько к этому времени на данном погосте было захоронений и какие замечательные деятели общества здесь были погребены, как выглядели их могилы, никаких сведений не сохранилось. Нам известно, что время от времени, по крайней мере в начале XX века, прихожане егорьевского старообрядческого храма, а также жители деревень Агрызково и Русанцево, совершали сюда крестные ходы.

Единственный документ о месте старообрядческих захоронений, который нам удалось разыскать, представляет собой доклад из отчета общины 1916 г. Приводим этот небольшой доклад полностью:

ДОКЛАД

об упорядочении и расположении могил на кладбище

Переоценивая могилы на кладбище общины, уполномоченные Совета на этот предмет люди нашли, что могильник, учрежденный захватническим путем прихожанином В.А. Трифоновым, занимает линию прохода от западных ворот кладбища к общественной часовне, где, по проекту, должна совершаться общественная вселенская панихида, и пришли к заключению: ввиду того, что могильник занят захватническим путем, а также и того, что семья этого прихожанина совершенно выбыла из Егорьевска, не имея ни одной собственной могилы, снести оградку и расчистить надлежащим образом проход от врат к часовне, что даст вид благоустроенности кладбища и возможность служения вселенских панихид.

При этом придется снести одну могилу неизвестного, вошедшую в оградку В.А. Трифонова, также самовольно кем-то устроенную не на месте. Кроме этого найдено, что за последнее время многие прихожане начали стремиться делать оградки на могилах своих родственников в общих местах погребения и тем начали теснить соседей. Это явление тоже ненормально, и поэтому Совет просит постановления воспретить такое самовольство»⁴².

Георгиевский храм. Вид с улицы Карла Маркса. Современное фото.

Из приведённого текста следует, что на кладбище находилась часовня для совершения панихид, которая, вероятнее всего, была построена после 1906 года. До этого момента старообрядцы вряд ли могли соорудить часовню даже на своем общественном кладбище. Наличие у кладбища «западных» ворот не обязательно означает наличие другого въезда на него. Скорее всего, речь идет об основных воротах некрополя, расположенных напротив дверей кладбищенской часовни, ориентированной на восток. Через эти ворота вносили тела усопших, через них на кладбище попадали крестные ходы и иные процессии.

Кладбище могло иметь еще какие-то входы, вроде калиток, но никакой информации по данному поводу у нас нет. Из публикации в «Старообрядческой мысли» мы узнаем, что здесь приблизительно в 1860-х гг. была построена сторожка для проживания охраняющих кладбище сторожей. К 1910-м годам она, до этого ни разу не ремонтировавшаяся, настолько обветшала, что сторожа отказывались в ней

находиться. В 1915 году ее капитально отремонтировали, затратив на это 339 рублей 18 копеек⁴³. Интересно, что егорьевские старообрядцы в начале XX века постепенно начали огораживать места погребения родственников небольшими оградками. Подобная традиция не только неудобна для общественного кладбища, о чем шла речь в докладе, она вовсе не характерна для старообрядчества.

Если идти от центра города и Троице-Мариинского монастыря по правой стороне, старообрядческое кладбище находилось перед территорией современной автоколонны № 1796 на нынешней Владимирской улице. В советское время оно разделило судьбу соседних старинных православного и еврейского некрополей и было упразднено. Старообрядцев стали хоронить на новом месте погребения, общем для всего города. По рассказам старожилов, остатки прежних старообрядческих захоронений были уничтожены к началу 1950-х гг.

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;
2. Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2026. Л. 5, 5 об., 8, 9, 11, 12, 15;
3. Петр Григорьевич Брехов (некролог) // Старообрядческая мысль. М., 1914. № 3. С. 287;
4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 35;
5. Там же. Л. 36 об. – 37;
6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 585. Л. 1–12;
7. Петр Григорьевич Брехов (некролог)... С. 287;
8. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2026. Л. 4–79;
9. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание г. Егорьевска (Рязанской губ.) с уездом. М., 1901. С. 37;
10. ГАРО. Ф. 4. Оп. 575. Д. 91. Л. 2–3;
11. Там же. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 3543. Л. 1–4;
12. Там же. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 3583. Л. 1–22;
13. Захаров И. Старообрядческая Русь (из путевых заметок): Егорьевск. Гуслица // Старообрядец. Н. Новгород, 1906. № 1. С. 91–92;
14. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 19. Л. 1–11;
15. Там же. Ф. 4. Оп. 577. Д. 33. Л. 2–3;
16. Петр Григорьевич Брехов (некролог)... С. 288–289;
17. Московский листок, 1907. 14 дек. № 303;
18. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 18. Л. 1–19, 30;
19. Церковь. М., 1908. № 28. С. 860;
20. Церковь. М., 1909. № 8. С. 282;

21. Церковь. М., 1909. № 8. С. 282; № 9. С. 320;
22. Старообрядческая мысль. М., 1911. № 10. С. 842;
23. Старообрядческая мысль. М., 1914. № 2. С. 174;
24. Старообрядческая мысль. М., 1916. № 4. С. 283;
25. Старообрядческая мысль. М., 1916. № 11–12. С. 769;
26. Слово Церкви. М., 1917. № 30. С. 544;
27. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО).
Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 460–464 об.;
28. Копию данного документа автору в 2003 году любезно предоставил
пресс-секретарь Рогожской митрополии А.В. Знатнов;
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263.
Оп. 1. Д. 1246. Л. 6;
30. Там же. Л. 7–8;
31. Там же. Л. 11–11 об.;
32. Там же. Л. 13;
33. Там же. Л. 14;
34. Там же. Л. 34;
35. Там же. Л. 35;
36. Там же. Л. 36–36 об.;
37. Там же. Л. 1;
38. Центральный архив г. Москвы (ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–21;
39. Там же. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 42–43;
40. Там же. Л. 54–55;
41. Захаров И. Старообрядческая Русь (из путевых заметок): Егорьевск.
Гуслица // Старообрядец. Н. Новгород, 1906. № 1. С. 91;
42. Старообрядческая мысль. М., 1916. № 11–12. С. 768–769;
43. Старообрядческая мысль. М., 1916. № 5. С. 349.

ГЛАВА V

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ ХРАМ В СЕЛЕ АЛЁШИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Из всех старообрядческих храмов-моленных, находившихся на территории Егорьевского уезда, нам хотелось бы выделить молитвенное здание в селении Алёшине. Поскольку в 1947–1996 гг. при алёшинском храме была сосредоточена вся жизнь белокрыницкого староверия весьма значительного региона на востоке современного Подмосковья, история этого храма рассматривается в специальной главе.

Старинная старообрядческая моленная в деревне Алёшино

О старинной старообрядческой общественной моленной, которая некогда имелась в Алёшине, мы знаем очень мало. Возможно, она существовала и на раннем этапе истории местного староверия. Однако не исключено, что она возникла относительно поздно, и прежде алешинские старообрядцы были ориентированы на общественное молитвенное здание одной из соседних деревень (например, д. Лунинской) или даже самого города Егорьевска. Так или иначе, о существовании алешинского молитвенного здания мы узнаем только в начале XX столетия.

Согласно журналу «Старообрядческая мысль», в начале XX столетия свой дом под моленную сдавал местным старообрядцам алешинский крестьянин Григорий Гонцов. Однажды накануне Пасхи старообрядцы дали Гонцову для покупки иллюминации 25 рублей. Но данная сумма была потрачена Гонцовым на свои нужды, а не на то, на что дали деньги. Когда с него потребовали 25 руб. назад, последовал отказ. Произошла ссора. Гонцов в конце концов выгнал старообрядцев и запер моленную. На Пасху старообрядцы молились «где придется»¹.

В «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», составленном приблизительно в 1926 году, в селе Алёшине Егорьевского уезда показаны два молитвенных здания, православное и старообрядческое². Следовательно, местные старообрядцы в советское время свою моленную зарегистрировали, так как иначе она бы в указанный «Список...» попасть не смогла.

Храм в д. Алёшино, фото нач. 2000-х гг.

На памяти старожилов в 1920–1930-х годах алешинская моленная представляла собой отдельное здание с маленькой главкой на крыше. По словам священника алешинского храма Федора Ворожейкина, здание моленной, посвященной Рождеству Богородицы, было крепким, капитальным и «крупногабаритным». Когда точно оно было построено, мы не знаем, поскольку община здесь никогда до революции не регистрировалась, и моленную могли построить без каких-либо официальных разрешений. Впрочем, ясно, что случилось это либо перед самой революцией, либо сразу после нее. В документах о молитвенных зданиях Егорьевского уезда за 1919 год ее нет. По словам отца Федора, алешинскую моленную строила «Морозиха» (Федосья Ермиловна Морозова), которая часто навещала соседние Гуслицы, прежде всего деревню Абрамовку. После построения моленную опекали братья Исаевы, старшего из которых звали Григорий Григорьевич. (Всё это извлечения из устной народной истории, к которым иногда следует относиться критически.) Закрыли моленную в конце 1930-х гг., но документальных известий об этом нами не обнаружено. Когда моленную закрывали, часть икон, которых было очень много, рубили на дрова. Некоторые большие иконы впоследствии

использовались как перегородки для гороха и прочих хранившихся здесь сельскохозяйственных культур. После войны в здании устроили зернохранилище; снесли его в 1950-х гг.

«Никонианская» история храма в Алёшине

До конца 1880-х годов деревня Алёшино входила в состав егорьевского соборного прихода господствующей церкви. Этот приход изначально был огромным и включал более семи десятков находившихся рядом с городом деревень. Постепенно его дробили, сооружая в приходских деревнях новые церкви и создавая вокруг них новые приходы. Алёшино стало центром одного из таких приходов. В некоторых рязанских изданиях, прежде всего в «Рязанских епархиальных ведомостях», Алёшино часто именуется Алешней. Откуда авторы взяли это название, аналогичное названиям некоторых селений других уголков Рязанского края, мы не знаем. Возможно, что такая форма бытовала ранее, однако, старожилы Алёшина и соседних деревень, с которыми мне удалось пообщаться в начале 2000-х гг., иначе как Алёшино село не именовали.

В одной из книг, которые выпускает настоятель Ликино-Дулёвского прихода протоиерей Олег Пэнэжко (посвященной храмам Егорьевского и Шатурского районов), об Алёшинской церкви, вопреки обыкновению автора, говорится немного. Отметим, что сам храм обозван Пэнэжко Никольским, чего не было ни при «никонианской» эпохе его истории, ни при старообрядцах. Приведем весь материал полностью:

«Церковь построил на свои средства Н.М. Бардыгин в 1880-х гг. В этой местности не было православных храмов, жители часто не бывали в церкви даже по большим праздникам. Но между тем в окрестностях жило много старообрядцев, в каждом селении имела их молельня. В 1880 г. Н.М. Бардыгин построил на свои средства церковь Святителя Николая, а также дома для причта и для церковно-приходской школы.

В с. Алёшино жил крестьянин Василий Максимович Карцов, основавший первое ручное ткацкое производство в г. Егорьевске. Оно развилось в новое дело и положило начало превращению города в фабричный центр»³.

Вопрос о строительстве в селении Алёшине храма официального исповедания был поднят в 1870-х гг. при содействии егорьевского городского головы, фабриканта Н.М. Бардыгина, происходившего из расположенной неподалеку деревни Корниловской. Поскольку Бардыгины имели необходимые денежные средства, дело быстро

перешло от проектов к воплощению. Вначале в Алёшине собирались построить деревянную церковь на каменном фундаменте. Святейший Синод позволил строить таковую своим решением за № 3380 от 17 августа 1878 года. Предполагалось, что церковь будет не самостоятельным приходским центром, а лишь одним из храмов егорьевского соборного прихода. По каким-то причинам деревянное здание построить не удалось, и в 1880 году заговорили о сооружении каменного храма. Пока Бардыгины находились несколько в стороне от дела, возникла извечная проблема отсутствия необходимых денежных средств. Из-за этого подготовка к строительству затянулась до 1885 года. После активного включения в дело егорьевского городского головы строительство наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Уже к концу 1880-х гг. здание каменного храма было готово. Вообще, в Государственном архиве Рязанской области хранится немало документов об устройстве храма и прихода в Алёшине⁴.

Осенью 1889 года два рязанских печатных издания, светские «Рязанские губернские ведомости» и церковные «Рязанские епархиальные ведомости», опубликовали идентичные материалы о торжестве освящения Знаменского храма в Алёшине. Приводим текст полностью:

«В Алешинском приходе Егорьевского уезда 22 минувшего октября совершено небывалое там дотоле – это освящение вновь выстроенного каменного храма. Приход алешинский, состоящий из 13 деревень, отделился от многолюдного прихода егорьевского собора. Побудительными причинами к отделению были для одних деревень отдаленность от приходского храма, а для других – неудобство сообщения с ним в первовесеннее время, когда реки разливаются, а леса наполняются водою. Сколь ни уважительны сии причины, но приход алешинский не мог бы отделиться от соборного прихода, если бы не пришел к нему на помощь боголюбивый житель г. Егорьевска, потомственный почетный гражданин Никифор Михайлович Бардыгин. Жители вышеописанных 13-ти деревень, по своей бедности, не имея сил одними своими средствами построить для себя храм, даже деревянный, обратились к Бардыгину с просьбою о помощи. По любви к строению храмов Божиих, по сердечному желанию доставить просителям возможность беспрепятственно собираться в храм Божий на общественное богослужение во всякое время и для ограждения их от влияния раскольников, в большом количестве между ними живущих, г. Бардыгин сочувственно отнесся к их просьбе и сделал для них более, чем они желали: вместо помощи он принял на себя нелегкий труд выстроить для них на

собственные средства новый каменный храм. Постройка храма продолжалась три года.

Наконец, в настоящем году храм отстроен, снабжен всеми нужными для него принадлежностями и приготовлен к освящению. Желая придать освящению более торжественности, г. Бардыгин пригласил на оное высокопреосвященнейшего Феокиста, архиепископа Рязанского и Зарайского, которым освящение и было, по чину церковному, совершено. С высокопреосвященнейшим архиепископом участвовали в освящении шесть священнослужителей: наместник Радовицкого монастыря архимандрит Нестор, каф. протоиерей Х. Романский, егорьевского собора протоиерей А. Светлов, ключарь каф. собора священник Ф. Скрижалин, егорьевского собора священник Иоанн Покровский и местный священник В. Яковлев. Освящение закончилось провозглашением многолетия Государю Императору, Государыне Императрице, Государю Цесаревичу – Наследнику Престола и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду, высокопреосвященнейшему Феокисту, архиепископу Рязанскому и Зарайскому с богохранимою паствою и боголюбивому строителю храма, рабу Божию Никифору. За освящением его высокопреосвященством совершена была в новом храме первая Божественная Литургия, в сослужении тех же шести священнослужителей. Пред концем Литургии местным священником произнесено было приличное торжеству краткое, но весьма назидательное слово. Как во время освящения, так и вовремя совершения Литургии храм был переполнен молящимися, несмотря на его значительную вместительность. Между ними были и местные прихожане, и прихожане соседних сел, и жители г. Егорьевска. Дай Бог, чтобы храм сей навсегда был полон молящихся. Это будет единственным утешением и самую высокую наградою для создателя его, которому нельзя не пожелать за его святое дело многих лет жизни и душевного спасения»⁵.

Чуть более чем через месяц, 27 ноября (по старому стилю) 1889 года, егорьевским соборным протоиереем Светловым и местным священником Яковлевым было совершено освящение, с крестным ходом из храма, здания алёшинской церковно-приходской школы. Оно было построено на средства все того же Н.М. Бардыгина, а идея открытия школы принадлежала преосвященному Феокисту⁶.

Первоначально предполагалось, что новопостроенный Знаменский храм в Алёшине будет окормлять до тринадцати деревень. Однако фактически сразу жители некоторых населенных пунктов, например Ефремовской и Терebenки, стали просить оставить их в составе прихожан соборного храма. В конце концов, по прошению Н.М. Бардыгина, в сентябре 1899 года при Алёшинском храме, кроме

самого с. Алёшина, оставили следующие деревни: Семеновскую, Исаевскую, Левинскую, Кудиновскую, Федуловскую, Станинскую и Подлужье. Прочие вернулись в состав соборного прихода⁷. Однако через некоторое время жители деревень Ефремовской, Денисовской и Ширяевской стали проситься обратно в Алёшинский приход⁸. Судя по всему, приход первое время не имел полной самостоятельности и зависел от егорьевского собора. Иначе зачем он был открыт как самостоятельный в 1906 году? 30 мая (по старому стилю) 1906 года рязанский преосвященный подал рапорт в Синод за № 1485, в котором о таком открытии и ходатайствовал. 7 августа последовал соответствующий Императорский указ⁹.

Тогда же местное крестьянское общество пожертвовало церкви участок земли в 27,6 десятин¹⁰. В 1896 году Алёшинский храм был расписан на средства того же Н.М. Бардыгина. Кроме того, его же стараниями еще в 1894 году вокруг храма была сооружена ограда. В 1900 году приход получил разрешение епархиальных властей на строительство при храме сторожки, что было сделано на средства церковного старосты Семена Титова Бабкова¹¹.

В 1906 году староста Алёшинского храма, наряду со старостами егорьевского Соборного и егорьевского Александро-Невского приходов, отказался вносить пожертвования на содержание епархиального училища. Старосты мотивировали свой отказ недостаточностью церковных средств; алёшинский староста к тому же писал, что в средствах училища уже не в первый раз наблюдается перерасход средств, в силу чего требуются пожертвования не со всех храмов Рязанской епархии, а лишь выборочно с нескольких церквей¹².

Поскольку Знаменский храм в Алёшине находился среди старообрядческих селений, в нем еще с 1892 года было разрешено местному настоятелю, о. Василию Яковлеву, проводить беседы¹³. В отличие от многих других мест, где подобные миссионерские собеседования сопровождались руганью и взаимными оскорблениями, к чести жителей этого уголка Западной Мещёры, здесь все происходило очень мирно. Ныне покойный егорьевский коллекционер и знаток прошлого края Александр Сергеевич Антонюков, являвшийся к тому же потомком о. Василия Яковлева, рассказывал, ссылаясь на семейные предания, что такие беседы обычно происходили в церковном доме за чашкой чая. Никакого особенного антагонизма между собеседниками разных вер не наблюдалось.

В «Рязанских епархиальных ведомостях» можно найти немало упоминаний о мелких событиях скромной приходской жизни

Алёшинского храма, как-то: назначениях псаломщиков, наградах священнослужителям и т.п. Есть, впрочем, и информация о весьма приметных эпизодах. В конце 1914 года, в ходе поездки по церквям г. Егорьевска и расположенных поблизости сел, Знаменский храм посетил епископ Рязанский и Зарайский Димитрий. Здесь его встречал настоятель о. Василий Яковлев, к тому времени уже четверть века служивший в этой должности¹⁴.

Закрыта Знаменская церковь в селе Алешине была решением Исполкома Мособлсовета за № 976/10 от 23 мая 1940 года. «Учитывая, что церковь в селе Алешино бездействует, и группа верующих распалась, разрешить Исполкому Егорьевского райсовета церковь в селе Алешино закрыть, а здание переоборудовать под клуб»¹⁵. У храма была разрушена колокольня и полностью уничтожен интерьер.

Впоследствии возник миф, что в Алёшинском храме во второй половине XX столетия сохранялся интерьер, оставшийся от православного храма. Но это далеко не так. Новое убранство было создано из икон и утвари, принесенных старообрядцами разных деревень новообразованного алёшинского прихода после 1947 г. Все предметы происходили из деревенских моленных. Иконостас, который хорошо подошел к алтарной стене Алёшинского храма, привезли из закрытой деревянной старообрядческой церкви деревни Абрамовки. Старожилы этой деревни, входящей с 1940-х гг. в Устьяновский приход, еще очень хорошо помнят об этом.

Алёшинский храм после 1947 года. Важная страница истории западно-мещёрского старообрядчества

Когда в годы Великой Отечественной войны отношение советских властей к верующим изменилось, у последних появилась возможность открыть часть отнятых у них в 1930-х – начале 1940-х гг. храмов. В связи с этим старообрядцы города Егорьевска, населенных пунктов Егорьевского, Воскресенского и Куровского районов начали хлопотать о возвращении им некоторых молитвенных зданий, в том числе и Георгиевского храма в самом г. Егорьевске, с 1936 г. занятого Домом пионеров. Внутри Егорьевского района власти вернули лишь здание Троицкой моленной на территории поселка Красный Ткач (бывшей гуслицкой деревни Нареево, входившей ранее в Богородский уезд Московской губернии)¹⁶. Старообрядцы просили ещё моленную в гуслицкой деревне Чёлохово, вошедшей в советское время в Егорьевский район, а также моленную в Акатове¹⁷. Кроме того, прось-

бы поступали из соседнего Воскресенского района, где по официальным данным проживало не менее 1000 верующих старообрядцев¹⁸. На территории Воскресенского района было четыре закрытых молитвенных здания; в 1947 г., к примеру, поступило ходатайство об открытии моленной селения Осташёва¹⁹.

Обо всем, что происходило после войны в официальной жизни местного старообрядчества, можно судить, рассматривая документы уполномоченного Совета по делам культов по г. Москве и Московской области, которые хранятся в Центральном архиве города Москвы (ЦАГМе). Именно отчеты уполномоченного мы и будем использовать при написании данного очерка.

Дабы отвязаться от постоянно подававшихся заявлений, властям было необходимо открыть на востоке Подмосковья хотя бы один старообрядческий храм. Выселять из Георгиевского храма города Егорьевска Дом пионеров власти не хотели, поскольку предоставить юному поколению советских людей равнозначное помещение они не могли. Выбор пал на здание бывшей официальной православной церкви села Алёшина, которое располагалось вблизи города.

Впервые алёшинский храм как вариант взамен просимого Георгиевского в самом г. Егорьевске мы встречаем в отчете уполномоченного за III квартал 1946 года, когда после очередного отклоненного ходатайства становится ясно, что Дом пионеров никто выселять из святыни не собирается²⁰. Церковь в Алёшине снова появляется вновь. Однако уполномоченный считал, что новое ходатайство об открытии этой церкви как старообрядческой не будет поддержано частью прихожан прежнего городского храма, поскольку основная масса верующих проживает вне Алёшина²¹. По словам отца Федора Ворожейкина, наряду с алёшинским храмом в качестве «кандидатуры» для передачи старообрядцам рассматривался и храм погоста Николо-

О. Прокопий Карцев

Крутины, располагавшийся к востоку от Егорьевска, также вблизи города. Но, в отличие от Алёшина, вокруг Николо-Крутины не было столь значительного куста старообрядческих деревень. Открывать здесь белокрыницкое молитвенное здание не имело особого смысла.

Хотя во многих документах годом открытия Алёшинского старообрядческого храма значится 1947-й, «Егорьевское старообрядческое общество» при нем было зарегистрировано только во II квартале следующего 1948 г.²² В том же деле фонда уполномоченного Совета по делам культов за предыдущий I квартал упомянуто лишь ходатайство об открытии алёшинского храма как старообрядческого²³. Следует полагать, что документация, сопровождавшая открытие этой церкви, оформлялись уже задним числом. Настоятелем храма был назначен уроженец этой округи, священник (впоследствии – протоиерей) отец Прокопий Карцев.

Так или иначе, во второй половине 1940-х годов в прежде не примечательном со старообрядческой точки зрения селении Алёшине возник мощный и важный белокрыницкий духовный центр, распространявший свою деятельность на немалое пространство и игравший на протяжении нескольких десятилетий ключевую роль для староверия Западной Мещёры. Это место связано с такими замечательными священниками, как о. Прокопий Карцев, ставший впоследствии настоятелем Покровского храма на Рогожском кладбище в Москве, а также о. Сергей Маругин, являвший собой прекрасный пример настоящего старообрядческого начетчика. Невзирая на отсутствие высшего образования, отец Сергей разбирался в крюковом пении и вообще слыл человеком весьма грамотным, способным вести любые споры о вере.

Новооткрытый старообрядческий приход считал себя преемником Георгиевского в Егорьевске и не «алёшинской», а «егорьевской» старообрядческой общиной. Местный храм посвятили Великому мученику Георгию, а «никонианское» Знаменское посвящение оставили в качестве «запасного». Церковь была освящена 28 апреля 1948 года, и уже на Пасху в ней было 1200 молящихся, а на Георгия Вешнего (6 мая), на один из престольных праздников, – 500-600 человек²⁴. На Вознесение, 10 июня 1948 года, в Алёшино приезжал старообрядческий епископ Геронтий, для общения с которым храм посетило до 1500 человек. В другие праздники этого года посещаемость была следующая: Троица – 1200 человек, Преображение – 1000 чел., Знамение (престольный праздник храма в его «православный» период истории) – 800-1000 человек. Как видим, этот день продолжал почитаться в приходе, не-

взирая на смену конфессии и храмового посвящения. По воскресным дням в церковь приходило от 400 до 600 человек²⁵. Поскольку выходным на ткацких фабриках города Егорьевска, где традиционно работало немало старообрядцев, был четверг, по рекомендации епископа Геронтия настоятель храма о. Прокопий Карцев проводил службы и в этот день. На них присутствовало по 50-60 человек²⁶.

Настоятель алёшинского храма о. Прокопий Карцев (в центре), второй священник о. Фёдор Ворожейкин (справа) и диакон Фёдор Иванович Моржаков с прихожанами алёшинского храма. Фото конца 1950-х гг.

В 1949 году к алёшинскому белокриницкому приходу присоединились многие неокружники деревень Вантино, Столбуново, Давыдовской, Максимовской и др., находящиеся в южной части Гуслиц²⁷.

В III квартале 1949 года, согласно официальной статистике, в Алёшинском приходе было совершено: 56 крещений, 24 бракосочетания и 27 отпеваний²⁸. Для столь многолюдного прихода это слишком малые цифры. Скорее всего, в трех городах и многих десятках селений, составлявших «неформальный» приход, большая часть треб по старинке совершалась вне регистрации. И все равно, согласно мнению уполномоченного, количество треб увеличилось. Это произошло за счет того, что старообрядческие священники о. Глеб Власов (д. Устьяново) и

Иеремия Карпов-Лисин (д. Тураево, Люберецкого района) перестали совершать свои неофициальные наезды в Воскресенский район, и тамошние старообрядцы стали официально обращаться в Алёшино.

В начале 1950 года диакон Г.А. Устинов был переведен из Алёшина в Москву, в Покровский храм Рогожского кладбища. Вместо него здесь был зарегистрирован диакон Никита Борисович Сафронов, 1884 года рождения, «бывший ткацкий помощник мастера текстильного производства», со стажем работы с 1899 по 1940 год, пенсионер²⁹. Из отчета уполномоченного за I квартал 1950 года мы также узнаем, что в алёшинском религиозном обществе произошло некоторое снижение посещаемости храма прихожанами и, как следствие, снижение доходности. «Представители верующих» объясняли это следующими обстоятельствами: 1. Одни прихожане выражали протест против оставления на должностях членов старого состава церковного совета и ревизионной комиссии и после переизбрания 1 сентября 1949 года, невзирая на то, что жалобы верующих на их действия нашли подтверждения в акте ревизии. 2. Другая часть прихожан была недовольна отстранением от служб незарегистрированного священника Г.Г. Юдина, проживающего в г. Егорьевске. Причину этому они находили в нежелании настоятеля храма о. Прокопия Карцева делиться доходами со вторым священником. 3. Еще одна группа верующих стала реже посещать алёшинский храм после ухода диакона Г.А. Устинова, будучи недовольна службой нового диакона Н.Б. Сафронова.

В указанном квартале количество официально зарегистрированных треб было следующим: 21 крещение, 5 браков, 22 погребения. За аналогичный период 1949 года этих треб было 26, 7 и 28 соответственно³⁰. Во втором квартале 1950 года, по данным уполномоченного, больших изменений в жизни алёшинского общества не было. На Пасху в церкви находилось до 1500 молящихся, главным образом в возрасте от 35 до 60 лет. Мужчин было до 20%, а молодежи, исключительно девушек, – 5-8%. На Вознесение храм посетило 700-800 прихожан, на Троицу – до 1000. Во II квартале при храме зарегистрировано 52 крещения, 15 браков и 28 отпеваний. В рассматриваемый период произошло присоединение к приходу еще одной группы старообрядцев-неокружников, которые доукомплектовали убранство храма утварью и иконами. «Неокружники деревень Зевнево, Мосягино, Вангино, Столбуново привезли в церковь иконы, находившиеся у них в домах»³¹. Скорее всего, речь идет о храмовых иконах, которые ранее находились в местных деревенских моленных. Известно, что

небольшое паникадило с паперти алёшинского храма, попало туда из лужканской моленной деревни Зевнево.

Отставленный от храма священник Георгий Юдин, названный в отчете уполномоченного «престарелым», жил в Егорьевске в собственном доме. Он, оставшись за штатом, продолжал нелегально окормлять городских старообрядцев, о чем имел предупреждения от уполномоченного³². Личность этого пастыря весьма загадочна! О нем старожилы рассказывали немало противоречивого. Жители Воскресенского района, которые обслуживались с 1940-х гг. алёшинской церковью, сообщили нам об одном характерном случае. Однажды, когда в конце Литургии настало время подходить ко Кресту и о. Прокопий и Георгий вышли из алтаря к народу, к о. Прокопию выстроилась очередь прихожан, а к Юдину не подошел ни один человек. Многие намекали на какую-то роль о. Г. Юдина в закрытии храмов в Русанцеве и Егорьевске и судьбе настоятеля последнего – отца Иосифа. Обращали внимание на то, что, несмотря на длительную «противозаконную» деятельность, Юдин не был арестован даже в 1930-х гг., а получал лишь «предупреждения».

В отчете уполномоченного за четвертый квартал 1950 года говорилось, что старообрядческий храм в Алёшине обслуживает лишь 10 000 прихожан, из которых 40% составляют жители Егорьевска. Отмечалось, что в целом посещаемость храма в 1950 году была ниже, чем в предыдущем 1949-м. (Верующие объясняли это «плохой погодой», мешавшей пешей дороге в храм.)³³.

На самом деле священники Алёшинского прихода окормляли огромную территорию, куда, помимо Егорьевска, входили еще города Коломна и Воскресенск, а также более восьми десятков сельских населенных пунктов Егорьевского, Куровского, Воскресенского, Коломенского (с 1959 года – части Орехово-Зуевского) районов Подмосковья. До последнего времени на паперти храма висела табличка, где были обозначены все обслуживаемые селения. По словам отца Федора Ворожейкина, в храм приезжали также старообрядцы из Шатуры и Шатурского района (на табличке их нет).

В I квартале следующего 1951 года Алёшинский храм на Рождество посетило 1000 верующих, на Крещение – 1200, на Пасху – 1500, на Троицу – 1000 чел. По «другим двенадцатым» праздникам в храме присутствовало по 600-800 человек. В воскресные дни в церкви было от 200 до 500 прихожан, «в зависимости от погоды, т.к. основная масса верующих проживает от церкви не ближе 3-4 км». Действительно, несмотря на наличие в то время развитой сети грунтовых дорог,

при распутице из многих селений в Алёшино было крайне сложно добраться даже пешком. Ниже приведена небольшая статистика выполненных за первые несколько лет при храме обрядов³⁴:

	1948 г. (за 9 месяцев)	1949 г.	1950 г.	1951 г. (1-е полугодие)
<i>Крещений</i>	136	150	143	73
<i>Браков</i>	49	62	70	35
<i>Отпеваний</i>	82	102	87	55
<i>Исповедников</i>	–	1500	1000	1200

Во II квартале 1951 года на Преображение в храме было 900 верующих, на Успение – 950, на Рождество Богородицы – 600. На Воздвижение в храм пришло более 1000 человек. Уполномоченный объяснял это тем, что последний праздник пришелся на четверг – выходной день для текстильных предприятий г. Егорьевска. На Георгия Зимнего (9 декабря) – престольный праздник Егорьевского старообрядческого храма и его алёшинского преемника – церковь посетило 500 молящихся. На Николу Зимнего в Алёшине молилось более 1000 человек. По воскресным дня и «малым праздникам» в этом квартале церковь посещало от 200 до 400 человек. Согласно данным уполномоченного, мужчины составляли 10-15 % от общего числа посещающих церковь. Молодежи до 25 лет было не больше 10%³⁵.

До 1953 года центром старообрядческого благочиния, которое объединяло белокриницкие приходы Московской области, считалось Шувое-Нарево, где служил отец Петр Михеев. После его смерти, благочинным был назначен отец Прокопий Карцев и, следовательно, центр благочиния переместился в Алёшино.

В «Сведениях, подлежащих внесению в картотеку зарегистрированных религиозных обществ г. Москвы и области» на 1 января 1955 года, говорится, что Алёшинское старообрядческое общество попрежнему обслуживает до 12 000 верующих. В состав церковной «двадцатки» входит 22 члена, а в состав исполнительного органа – 3 человека³⁶. Впоследствии число прихожан храма постепенно уменьшалось. На это были разные причины, одна из которых – постепенный уход из жизни верующих поколений.

В 1958 году вторым священником к алёшинскому храму был рукоположен уроженец соседней деревни Федуловской – отец Федор Ворожейкин. Он находился при храме с самого его открытия и с 1948 года

О. Прокопий Карцев (в центре) и о. Фёдор Ворожейкин с матушками и прихожанами, фото конца 1950-х гг.

исполнял обязанности псаломщика. После перевода в 1963 году отца Прокопия Карцева в Москву, на Рогожское кладбище, о. Федор стал настоятелем и служил им до 1977 года – времени назначения сюда отца Сергия Маругина. В начале 1970-х гг., во время поездки на мотоцикле, отец Федор попал в аварию и получил серьезную травму позвоночника. В результате он был вскоре выведен за штат, где пребывает и поныне. До последнего момента существования алёшинского храма как старообрядческого, пока здесь еще продолжались богослужения, отец Федор принимал в них участие.

В 1963–1964 гг. ситуация с посещаемостью храма и требами в Алёшинском старообрядческом обществе была следующая³⁷:

	<u>Рождество</u>	<u>Пасха</u>	<u>Престол (Георгий Муч.)</u>	<u>Воскресные дни</u>	
1963 г.	1100	1000	1000	200	
1964 г.	1200	1000	1000	150	
	<u>Крещения</u>	<u>Браки</u>	<u>Погребения</u>	<u>Исповеди</u>	<u>Причастия</u>
1963 г.	211	60	109	1151	1350
1964 г.	186	43	121	1180	1400

Но это лишь официальная статистика. На деле число треб, которые были отслужены в алёшинском приходе, намного больше. В советское время, особенно в годы хрущёвских гонений на веру, многие семьи старались крестить ребенка, обвенчать молодых и отпеть умершего родственника тайком, дабы не вызвать репрессивных мер со стороны партийной, комсомольской и прочих организаций по месту работы и т.д. Особенно таились члены партии, комсомола, рабочие и колхозные активисты. В семьях еще руководили жизнью представители старого «кондового» поколения старообрядцев, и партийная и прочая молодежь, чтобы не идти с ними на конфликт, да и ради соблюдения традиций, крестили, венчались и отпевали тайком. При наличии в деревнях большого числа читалок и уставщиков, проблем с исполнением обрядов не возникало.

Если верить «Списку православных и старообрядческих церквей, действующих на территории Московской области» на 1970 год, численность прихожан Алёшинского храма составляла уже только 1300 человек³⁸. Как видим, всего за полтора десятилетия число «активно» верующих старообрядцев сократилось почти в десять раз.

В 1960–1980-х гг. священники храма в Алёшине, как отец Федор Ворожейкин, так и сменивший его отец Сергей Маругин, помимо своего прихода были вынуждены окормлять и соседние старообрядческие храмы, где какое-то время не было своих священников. Алёшинские пастыри совершали службы в Устьянове, Шувое (Нарееве), Загрязской, Губине и других местах. Вызвано это было тем, что алёшинский храм вначале имел статус главного в подмосковном благочинии. И даже после утраты статуса, он все равно оставался ведущим, то есть церковью, в которой всегда имелся свой священник. Периодов, когда приход оставался без настоятеля, здесь не было.

Летом 1995 года умер отец Сергей Маругин. Через полгода, в феврале 1996-го, в Алёшино глава Русской православной старообрядческой церкви митрополит Алимпий (Гусев) назначил молодого священника Василия Кадочникова. Прихожане рассказали ему о закрытом здании храма Георгия Победоносца в самом городе Егорьевске. Находившийся в нем Дом пионеров к тому времени уже фактически прекратил свое существование, и вскоре после того, как отец Василий начал хлопотать о возвращении храма, он был передан общине старообрядцев.

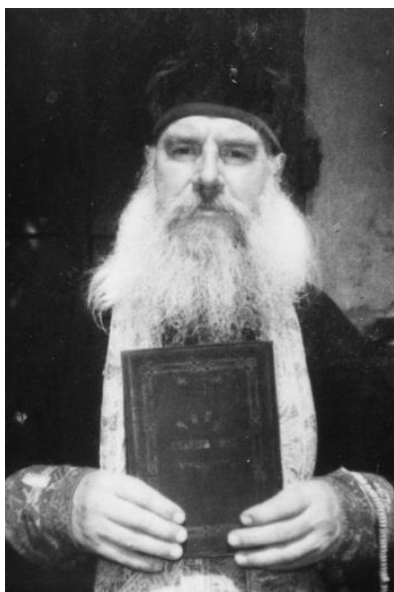
По мере приведения Георгиевского храма в порядок, богослужбная жизнь перемещалась в Егорьевск. Со временем в Алёшино стали приезжать только тогда, когда здесь служил отец Василий. Без него

службы мирским чином вел заштатный о. Федор Ворожейкин, но на них приходили, в лучшем случае, единицы. Летом 2002 года мне довелось зайти в алёшинский храм во время Всенощной под один из малых праздников. В помещении храма находился один отец Федор, который пел и молился за уставщика, за церковный хор и за народ. На утреннем богослужении присутствовала еще одна женщина.

История не любит сослагательного наклонения, но если бы параллельно с открытием и возрождением храма в Егорьевске церковные власти поддержали самостоятельный алёшинский приход со своим священником, то печального финала, скорее всего, удалось бы избежать. После весьма коммуникабельного и душевного отца Сергия Маругина, молодого и резкого отца Василия приняли далеко не все. Специфика старообрядчества состоит и в том, что его адепты, в противоположность прихожанам церковью господствующего исповедания, свободны в духовном плане. Старообрядец может принимать или не принимать духовное лицо, следовать или не следовать его указаниям. Негативно восприняв молодого новичка, от его прихода сразу же отпали целые деревни. Большинство отпавших переориентировалось на приходы в деревнях Слободищи, Устьяново и др. А ведь недовольные, число которых со временем выросло, могли бы остаться в Алёшине, у другого священника!

Но, так или иначе, намоленное место в результате непродуманной политики собственных духовных властей старообрядчеством было утрачено.

Добыла старообрядческое Алёшино попытка организовать здесь мужской старообрядческий монастырь. Решением Освященного Собора Русской православной старообрядческой церкви 24 октября 2004 года, во времена краткого управления РПСЦ митрополитом Андрианом (Четверговым), в Алёшине, при местном старообрядческом храме, этот монастырь и был открыт. Казалось бы, вот прекрасный выход из положения! Но в качестве настоятеля и немногочисленной

О. Сергей Маругин

братии сюда оказались направлены лица, которые только-только перешли в старообрядчество. Во главе обители был поставлен игумен Александр (Тимофеев), православный иеромонах-перебежчик. Причем, принятые в сущем сане, настоятель и его братия даже толком не прошли испытательного срока и необходимого старообрядческого воцерковления для интеграции в среду. Для старообрядчества это были совершенно случайные люди.

Оказавшись в Алёшине, новый настоятель попытался развить кипучую деятельность по хозяйственному обустройству вверенной ему обители. Он завел знакомства с некоторыми егорьевскими предпринимателями, которые подарили ему кое-какую технику, машину угля и т.п. Данная деятельность выдавала в игумене чистого никонианского попа, а никак не старообрядческого священноинока. У обители появились какие-то прихожане, хотя в целом, и рядовое старообрядческое население, и окрестное духовенство отнеслись к монастырю и его братии настороженно. Получилось, что монастырь жил своей (неопределенной) жизнью, а староверие всего окрестного большого региона – своей. О новой обители помалкивала официальная старообрядческая белокриницкая периодика. Видимо, даже те, кто допустил организацию этого монастыря и какое-то время смотрел на его существование сквозь пальцы, понимали, что до беды недалеко. Да и поведение настоятеля с братией не соответствовало не только старообрядческим, но и общечеловеческим нормам. И это – в деревне, где все на виду, особенно если человек имеет отношение к церкви.

В начале правления митрополита Корнилия (Титова) монастырь еще какое-то время продолжал свое существование. Но в конце концов о. Александр, которому видимо надоело старообрядчество, бросил

Могилы о. Сергея Маругина на кладбище д. Устьяново Орехово-Зуевского района

со своими монахами и послушниками многострадальное Алёшино, в храме которого снова воцарилась пустота.

Храм в начале 2000-х гг.

Сразу после ухода из старообрядчества о. Александр, насколько нам известно, вернулся в РПЦ, где вскоре был назначен настоятелем сельского прихода одной из областей Центральной России.

В самый последний «старообрядческий» период своего существования церковь в Алёшине была приписана к приходу Никольского храма гуслицкого селения Устьянова (Орехово-Зуевского района). Однако после вышеописанных событий сделать что-либо позитивное его настоятель отец Алексей Михеев уже не мог. Среди жителей Алёшина нашлась небольшая инициативная группа, которая якобы от имени местных старообрядцев вышла непосредственно на главу РПЦ – патриарха Алексия II – с просьбой принять их вместе с алёшинским храмом. Произошло это в начале 2007 года. На этом яркий период истории местного старообрядчества закончился, и храм, теперь снова Знаменский, «вернулся» в лоно официальной церкви.

Остатки убранства Алёшинского храма, перед переходом его здания в руки представителей господствующей церкви, были вывезены настоятелем старообрядческой церкви в Устьяново. Возможно,

иконостас и другие элементы интерьера предназначались для предполагаемого к возрождению храма деревни Абрамовки, однако, по крайней мере иконостас, к настоящему времени находится в восстанавливаемом старообрядческом храме св. Анны Кашинской селения Кузнецы Павлово-Посадского района. Новые владельцы храма, мечтавшие заполучить его со всем готовеньким, т.е. с предметами интерьера и утварью из прежних окрестных моленных, пытались доказать, что все внутреннее убранство храма – его неотъемлемая часть. Но, слава Богу, здесь у них ничего не вышло.

1. Старообрядческая мысль. М., 1911. № 5–6. С. 575;
2. Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 1215. Оп. 2. Д. 201. Л. 58;
3. Пэнэжко О., протоиерей. Егорьевский уезд. Храмы Егорьевского и Шатурского районов. Ликино-Дулёво, 2001. С. 21–22;
4. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 627. Оп. 136. Д. 15. Л. 1–257;
5. Рязанские губернские ведомости. Рязань, 1889. 29 нояб. № 91 (ч. неофиц.); Ряз. епархиальные ведомости (далее – РЕВ). Рязань, 1889. № 22. С. 1032–1033;
6. Рязанские губернские ведомости, 1890. № 2 (ч. неофиц.);
7. ГАРО. Ф. 627. Оп. 136. Д. 15. Л. 155;
8. Там же. Л. 200;
9. Там же. Л. 254; Рязанские губернские ведомости, 1906. № 18 (ч. офиц.);
10. Рязанские губернские ведомости, 1906. № 20 (ч. офиц.);
11. РЕВ, 1894. № 14; РЕВ, 1896. № 11; РЕВ, 1900. № 18;
12. РЕВ, 1907. № 2;
13. РЕВ, 1892. № 5;
14. РЕВ, 1915. № 2;
15. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2050. Л. 177;
16. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–31; Михайлов С.С. История старообрядческого прихода в Шувое. М., 2010. С. 60–74;
17. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 7. Л. 2, 15, 43;
18. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 11;
19. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 69;
20. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 43;
21. Там же. Л. 55;
22. ЦАГМ. Ф. 3004, Оп. 1. Д. 11. Л. 53;
23. Там же. Л. 1;
24. Там же. Л. 58;
25. Там же. Л. 75;

26. Там же;
27. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 47;
28. Там же. Л. 48;
29. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 42;
30. Там же. Л. 2;
31. Там же. Л. 48;
32. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 27;
33. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 128;
34. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 48;
35. Там же. Л. 144;
36. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 51. Л. 3;
37. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 84. Л. 47–48, 49;
38. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 67. Л. 10 об.

ГЛАВА VI

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ И ОБЩЕСТВА ЕГОРЬЕВСКОГО УЕЗДА В XIX-XX ВЕКАХ

1. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ АКАТОВО

Мы не знаем, когда и как появилось старообрядчество в Акатове. Известно лишь, что жители находящегося неподалеку селения Соколова сохранили память о переезде предков местных староверов из гуслицкого села Шувое. Не исключено, что и в Акатово первые сторонники древлеправославия пришли из Гуслиц, распространив впоследствии свое учение на всех акатовских аборигенов. Переезд (переход) Гуслицы – Акатово мог произойти примерно в XVIII столетии или даже раньше; впрочем, это предположение – не более чем гипотеза.

Неизвестно и то, когда в Акатове впервые была построена старообрядческая общественная моленная. По логике вещей, она должна была возникнуть несколько веков назад, то есть функционировать со времени появления здесь первых «раскольников». Но и это предположение – из области догадок. Здание «поздней» акатовской моленной, которое в значительно перестроенном виде сохранилось до сих пор, было сооружено примерно в 1821–1822 гг. За долгий срок существования его, конечно же, неоднократно перебирали, заменяя пришедшие в негодность венцы сруба на новые (подобному обновлению подвергалась, наверное, каждая стоящая длительное время деревянная постройка). Ниже мы расскажем о двух официально дозволенных ремонтах молитвенного здания.

Под 1844 годом акатовская моленная упомянута в числе восьми других не имеющих престола моленных Егорьевского уезда¹. Отсутствие престола может свидетельствовать как о беспоповской принадлежности молитвенного здания, так и о том, что акатовцы, будучи поповцами, являлись прихожанами другой моленной, – скорее всего, находившейся на территории Егорьевска. Вероятнее последнее: в Акатове середины XIX в. согласно официальным данным проживали 99 старообрядцев (53 мужского пола и 46 женского), которые значились «приемлющими священство». Никаких беспоповцев в это время в деревне отмечено не было².

И все же, поскольку, как мы выяснили, белокриницкое поповское старообрядчество в Егорьевске и его окрестностях – явление

сравнительно позднее, скорее всего, ранняя история акатовской моленной — беспоповская, а учитывая все то, что характерно для древнего егорьевского староверия, — спасовская.

Моленная старообрядцев в Акатове была посвящена Великому ченику Георгию. Это не случайно. Селение исстари входило в приход Георгиевского храма села Высокого, позднее города Егорьевска. Подобно своим городским одноверцам акатовцы как бы оспаривали у сторонников официального исповедания преемство от древнего дониконовского храма.

В течение большей части XIX столетия здешняя моленная не привлекала особого внимания властей, хотя последние знали об этой культовой постройке и регулярно отмечали ее в своих отчетах. Помимо уже приведенного нами упоминания за 1844 год, то же самое молитвенное здание фигурирует в 1847-м³, 1848-м⁴ и в 1857 году, когда в его приходе значится 91 душа (50 муж. пола и 41 женского)⁵. Как видим, за тринадцать лет, если верить губернской статистике, численность акатовских старообрядцев сократилась на восемь человек, — возможно, сыграли свою роль притеснения, которым они подвергались в 40-е годы. Но времена шли, и отношение властей к староверию менялось. Если прежде «дозволенными» считались лишь те сооружения, которые возникли в период до 1828 года (но и для них любой ремонт или переделка были запрещены), то, начиная с 1883 года, не только на ремонт, но и на постройку новой моленной старообрядцы могли исхлопотать вполне законное разрешение. Соответственно, информация о молитвенных зданиях — теперь уже новых — стала чаще отражаться в делах духовного и светских ведомств.

В апреле 1891 года старообрядцы деревни Акатово обратились с просьбой о перестройке пришедшего в ветхость молитвенного дома. Прошение от имени акатовцев подписали уполномоченные — егорьевский мещанин Гаврила Тимофеев Кажокин и акатовский крестьянин Елисей Тимофеев. В прошении было сказано: «как кровля, так равно и нижние деревья от земли сгнили, и мы почти становимся не в безопасности по случаю ветхости». Для перестройки дома нужно было «кровлю покрыть железом, нижние деревья подрубить, а вместо их поставить на каменные столбы в том же размере не прибавляя размера величины». К прошению прилагался приговор от 8 апреля 1891 года об избрании двух уполномоченных для подачи ходатайства властям. По официальным данным, в деревне на тот момент проживало 130 человек православных и 169 старообрядцев.

Осмотреть место, о котором шла речь, поручили егорьевскому уездному исправнику (на которого обычно и возлагались подобные дела). Рапорт об осмотре он направил в Рязанское губернское правление. В этом документе имеется довольно обстоятельное описание акатовской моленной:

«...В центре селения за огородами стоит деревянное бревенчатое здание, крытое деревом, мерою в длину – 15 аршин, в ширину 10 ½ аршин, и в вышину – 7 аршин. Внутри представляет одну большую комнату, оклеенную обоями. Восточная стена обставлена образами на подобие иконостаса. Эта же часть комнаты несколько возвышена, как бы открытый алтарь, причем впереди стоит престол без напестольных однако предметов; по бокам имеются клиросы с хоругвями. Потолок внутри гладкий, а с восточной стороны над престолом – в виде купола четырехугольной формы. Здание это холодное и потому хорошо сохранившееся. Выстроено оно без фундамента, так что от времени оно опустилось в землю вследствие чего нижние венцы предалась гниению, перерубы осадились и пол зыбится рыша хороша; по мнению подрядчика, егорьевского купца Федора Силантьева – здание это хотя и может простоять еще до 10 лет без опасности для молящихся, тем не менее ремонт этого здания в будущем необходим...» Как видно из рапорта исправника, община уже наняла подрядчика для проведения работ.

Согласно еще одному рапорту того же исправника – из другого дела, заведенного по тому же поводу, молитвенный дом, состоящий в деревне Акатовой, находится за деревенскими усадьбами в расстоянии от крестьянских домов в пятидесяти одной сажени, а от усадеб в тридцати одной сажени. По словам опрошенных исправником акатовских стариков, моленная была выстроена где-то в 1821–1822 годах. В документах дела есть имена этих свидетелей: Григорий Кожокин, 72 лет, и Евдоким Астафьев, 71 года.

Вначале чертежи обветшавшей моленной были отправлены на доработку, согласно определению Строительного отделения Рязанского губернского правления от января следующего 1892 года, поскольку по ним «неизвестно на каком фундаменте основан молитвенный дом и какие именно исправления предполагаются в нем произвести», а также не видно, «какого рода показаны на нем постройки ближайšie к молитвенному дому». Также исполнителями не было представлено необходимого второго экземпляра плана.

Впрочем (и это характерно!), ни уездный исправник, ни кто-либо другой из администрации ничего плохого в ремонте старообрядческой моленной не усмотрел. Заявленные работы были выполнены в 1892 году⁶.

1904 годом датировано дело о новом ремонте акатовской моленной. В Рязанское губернское правление 7 июня обратились уполномоченные от местных крестьян–старообрядцев Ермил Евдокимович Николаев и Илларион Афанасьевич Красиков с просьбой разрешить:

1. Обшить тесом всю наружную часть моленной;
2. Произвести его наружную покраску;
3. Расширить существующие, «весьма малые» окна до размеров: в высоту на два с половиной вершка и в ширину до 20 вершков «с защитой их железными решетками от посягательств неблагонадежных людей», причем разрешить «прорубить второе окно с северной стороны где имеется такое только одно окно». К прошению был приложен чертеж молитвенного здания.

Власти, рассмотрев дело, дали положительный ответ, и на моленной были проведены указанные работы⁷.

Отметим, что загеристрированная в 1907 году в соседнем Егорьевске «Егорьевская старообрядческая община Св. Великомученика и Победоносца Георгия» должна была распространять свою деятельность не только на сам город, но и на ряд окрестных селений. В их списке Акатова нет, что позволяет сделать вывод о наличии здесь вполне самостоятельного прихода⁸.

В старообрядческом журнале «Церковь» за 1908 год опубликована небольшая заметка из деревни Акатово. Она посвящена крестному ходу 15 апреля по старому стилю. Крестный ход вышел из акатовского старообрядческого храма во имя Великомученика Георгия и обошел вокруг селения. Затем были отслужены молебны по домам местных старообрядцев, которые продолжались до пяти часов вечера. На ночь участвовавшие в крестном ходе иконы оставили в доме крестьянина П. Шурупова, а на следующий день, при колокольном звоне, крестный ход двинулся назад, к храму, навстречу же ему из храма вышел другой крестный ход. Перед самым храмом состоялся молебен с провозглашением многолетия архиепископу Иоанну, епископу Александру и — что вошло после 1906 года в обычай и для староверов — императору с наследником и всему царствующему дому⁹.

В Центральном государственном архиве Московской области сохранились документы о первой советской регистрации общины старообрядцев в Акатове, когда был заключен договор об использовании общиной имеющегося в деревне молитвенного здания. Это произошло в 1919 году. Егорьевский уезд тогда еще входил в Рязанскую губернию, однако соответствующие бумаги впоследствии попали

в Московский областной архив. Договор датирован 13 июля 1919 года¹⁰. К нему приложена и опись скромного имущества акатовского храма с его оценочной стоимостью.

Общине принадлежал деревянный, крытый железом храм (оценен в 500 рублей). Отдельным пунктом показана глава с крестом (50 рублей). При храме имелась деревянная колокольня, на которой висел один колокол, весом 1 пуд 20 фунтов (все это оценили в 300 рублей). Здание в длину было 20 аршин, в ширину 11 аршин и в высоту 15 аршин. Внутри помещение отапливалось двумя изразцовыми печами. Имелась одна входная дверь и восемь окон. Никакой ограды вокруг не было. Само сооружение было застраховано всего в 15 рублей 75 копеек¹¹. В документах того же дела назван и настоятель храма — священник Тимофей Рязанов¹².

На протяжении 1920-х годов приходским центром Акатово не являлось. Об этом можно судить по весьма важному для нас документу, сохранившемуся в архиве Старообрядческой Митрополии в Москве. Он называется «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию на нужды Архиепископии по управлению Московской епархии на время с 1-го июня 1928 г. по 1 июня 1929 г.» и содержит перечень всех старообрядческих приходов Егорьевского благочиния. В перечне среди одиннадцати приходов акатовского мы не видим¹³.

Очевидно, акатовские старообрядцы окормлялись в 1940-е гг. священниками соседних с ними города Егорьевска и деревни Агрызово. Отец Тимофей здесь, понятно, уже не обретался. Какова его судьба после 1919 года, был ли он переведен на другой приход или же умер, — нам неизвестно. О жизни местного общества старообрядцев или о моленной в Акатово за 1920–1930-е годы мы, к сожалению, также не можем сообщить никаких подробностей

Закрyto закатовское молитвенное здание было постановлением президиума Мособлисполкома за № 28/50 от 8 июля 1937 года. «Принимая во внимание, что: 1) в с. Акатово здание старообрядческого мол. дома необходимо использовать под клуб-читальню, о чем ходатайствуют колхозники; 2) на переоборудование здания молитвенного дома под клуб средства в наличии имеются; 3) на расстоянии 5-ти километров в гор. Егорьевск имеется другой действующий мол. дом такого же толка... разрешить Егорьевскому райисполкому закрыть в с. Акатово молитвенный дом, а здание использовать в указанных целях»¹⁴.

В фонде уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области, хранящемся в Центральном архиве города Москвы,

Современный вид прежней моленной в д. Акатово. Фото Д.П. Барскова, 2011 г.

сохранились сведения о недействующих старообрядческих зданиях на территории Московской области. Здесь встречается и моленная в Акатове Егорьевского района, где, согласно документам, должно было находиться зернохранилище¹⁵. Его, скорее всего, устроили в годы войны, в связи с обострившейся продовольственной проблемой.

Дальнейшая судьба здания оказалась следующей. Уже во второй половине 1940-х годов в бывшей моленной расположился заявленный при ее закрытии клуб. В декабре 1945 года старообрядцы попытались вернуть моленную, подав ходатайство уполномоченному, но безуспешно¹⁶. (В 1947 году, вместо просимых храмов в Чёлохове, Акатове и Егорьевске, старообрядцам отдали здание никонианской Знаменской церкви села Алёшина.) Клуб занимал прежнюю акатовскую моленную еще очень долго; правда, в последнее время он, за постепенным сокращением населения деревни, не работал. В 1990-х годах здание было кем-то выкуплено, но до сих пор продолжает стоять на своем прежнем месте.

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;

2. Там же. Л. 34;
3. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об. – 27;
4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л.30 об. – 31;
5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 51 об. – 52;
6. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 3234. Л. 1–46;
7. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 3587. Л. 1–6;
8. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 18. Л. 2;
9. Церковь, 1908. № 21. С. 716;
10. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 331;
11. Там же. Л. 333–333а;
12. Там же. Л. 333 об.;
13. Копию данного документа, хранящегося в архиве Старообрядческой Митрополии на Рогожском кладбище в Москве, в 2003 году мне любезно предоставил пресс-секретарь А.В. Знатнов;
14. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1604. Л. 81;
15. Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11;
16. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

2. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ АГРЫЗКОВО

Теперь населенного пункта Агрызково на административной карте не найти. Бывшая деревня поглощена городом Егорьевском, и память о ней ее сохраняется лишь в названии расположенного на ее месте городского района за железнодорожной станцией Егорьевск. История агрызковского старообрядчества тесно связана с прошлым ближайших окрестностей города — Акатова, Алёшина и прочих. Община староверов сформировалась здесь не позднее XVIII столетия и, скорее всего, изначально была беспоповской, а именно спасовской. В поповщину, а затем и в белокрыницкое согласие жители Агрызкова могли перейти либо под влиянием поповцев самого Егорьевска, либо в результате проповедей «чёлоховских беглых попов», под окормлением которых деревня явно побывала¹.

Время устройства первой старообрядческой общественной моленной в деревне Агрызкове неизвестно. На страницах архивных документов мы впервые встречаем ее в XIX столетии. В 1844 году она, без престола, упоминается в числе других восьми моленных Егорьевского уезда². Отсутствие престола говорит то ли о вхождении Агрызкова в состав более крупного, Егорьевского старообрядческого (поповского) прихода, то ли является отголоском более раннего «беспоповского» периода истории.

В 1855 году моленная в Агрызкове (Огрызкове) упомянута в докладной записке чиновника особых поручений при рязанском гражданском губернаторе на имя начальника, т. е. самого губернатора — в связи с делом удельного крестьянина гуслицкой деревни Яковлевской Гаврилы Семенова Юлина, задержанного в Егорьевске при отправке тридцати писем разным лицам. Эти письма, как выяснилось, были написаны старообрядческим иноком Трифилием. Вскоре после задержания Юлина произошло нападение на егорьевского почтмейстера, с покушением на его жизнь. По этому случаю началось расследование, но для нас важнее то, что в докладной записке, принадлежащей делу, упомянут петербургский купец Иван Андреев Ступин (возможно — Стужин или Стулов), живший «по временам» в Агрызкове и бывший будто бы настоятелем местной моленной. При этом, проведя в Агрызкове время с весны 1854 года, он уже в декабре месяце отбыл в Санкт-Петербург³.

Итак, купец И.А. Ступин назван «настоятелем» моленной, — однако, скорее всего, чиновник неправильно использовал этот термин, и помянутый купец был попечителем молитвенного здания. В том

же документе фигурирует беглый священник из Пронского (в других источниках – Раненбургского) уезда Рязанской губернии Спиридон Иванов. Он, судя по всему, устроился в деревне Зевнево, Богородского уезда Московской губернии, где служил при местной старообрядческой молельной. Поскольку в то время священников у старообрядцев катастрофически не хватало, на Спиридона был спрос: он окормлял другие поповские общества сопредельных территорий, в том числе и Гуслиц. У нас не вызывает сомнений, что этот священник бывал и в Агрызкове, совершая там службы⁴.

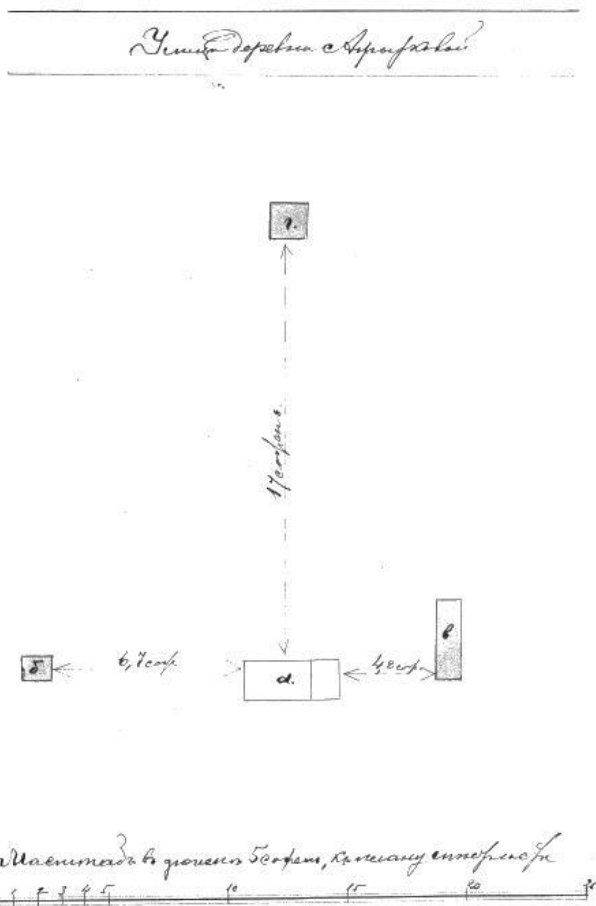

Чертёж местности д. Агрызково со старообрядческой молельной.

ГАРО. Ф. 5. Оп. 577. Д. 83. Л. 5

Кстати, уставщиком при агрызковском молитвенном доме назван крестьянин Киприян Гусев. Из дела также следует, что в доме для молитвы собиралось немало егорьевских горожан.

Согласно сведениям о старообрядцах по Рязанской губернии за 1857 год, в деревне Агрызково Егорьевского уезда по-прежнему находилась моленная без престола. «Раскольническое» население деревни составляло тогда 302 человека (152 мужчины и 150 женщин)⁵, – число весьма заметное для окрестностей Егорьевска.

В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 год» мы также находим упоминание о деревянной «раскольнической» часовне, стоящей в деревне Агрызково⁶.

Следующее известие о часовне-моленной относится к 16 июля 1892 года. Крестьяне-старообрядцы обратились к губернатору с просьбой разрешить перестройку имеющегося в деревне молитвенного дома. Последний «пришел в ветхость», и на нем требовалось провести следующие работы: 1) заменить деревянные столбы под нижними венцами кирпичным фундаментом; 2) «нижние деревья подрубить и ветхие деревья заменить новыми»; 3) кровлю покрыть железом и 4) перенести здание моленной с крестьянской усадебной земли на землю общественную.

По приказу губернских властей 25 июля агрызковскую моленную осмотрел егорьевский уездный исправник. Им был составлен протокол, из которого следует: «...Здание расположено по правую сторону дороги, идущей из гор. Егорьевска чрез эту деревню, на усадебной огороженной земле крестьянина-старообрядца Маркела Яковлева Козлова в расстоянии от его дома 25 саж.; по одну сторону молитвенного дома в 7 саж. стоит баня крестьянина Козлова, которая имеет быть по безнадобности снесена, а по другую – в 6 саж. холодный сарай крестьянина Ширяева и более вблизи никаких строений не имеется. Здание это рубленое, крыто железом, имеет в длину 13 арш., 12 верш., в ширину 8 ½ арш. и в высоту до крыши 5 ½ арш. с одинарным полом, без печей, тремя окнами: на южной стороне два и на противоположной одно. С западной стороны к дому примыкает пристройка в виде крыльца, имеющего в длину 3 ½ арш., ширину 8 ½ арш. и в высоту до крыши 4 арш. С северной стороны в это крыльцо есть вход, а затем уже из него идет дверь собственно в моленную. По наружному осмотру все здание представляется в следующем виде: крыша очень ветхая, в стенах имеются полусгнившие деревья, нижние венцы и деревянные под ними столбы тоже почти совсем сгнили, и вообще все здание это в настоящее время пришло в ветхость и действительно требует ремонта. Внутри дома на поперечной стене против входной двери установлены сверху донизу

образа старинной иконописи в виде иконостаса, перед ними стоит четырехугольный небольшой стол, изображающий как бы престол с подобными ему одеждами, а по бокам есть клиросы. Эта часть дома устроена на небольшом около $\frac{1}{4}$ арш. от пола возвышении наподобие амвона, а над нею в потолке под крышею устроено в виде купола».

Исправник осмотрел также и место, куда предполагалось перенести молитвенное здание; оно стояло в 30 сажнях от ближайшего жилища и в 10 сажнях от старой моленной. По данным исправника, в Агрызкове проживало 240 жителей, из которых старообрядцев было 166 человек. В ответ на предложение пользоваться для их нужд моленной в соседнем Русанцеве, жители Агрызкова 27 октября пояснили исправнику, что в селениях проживают старообрядцы разных вер: агрызковцы были окружниками, а старообрядцы в Русанцеве – неокружниками, «поэтому у нас и разные моленные».

В ходе рассмотрения дела оказалось, что свою моленную в Агрызкове старoverы желают не только отремонтировать, но и расширить. Габариты строения намечали изменить в таких пределах:

длину – с $13 \frac{3}{4}$ аршин до 15 аршин;

ширину – с $8 \frac{1}{2}$ аршин до 10 аршин;

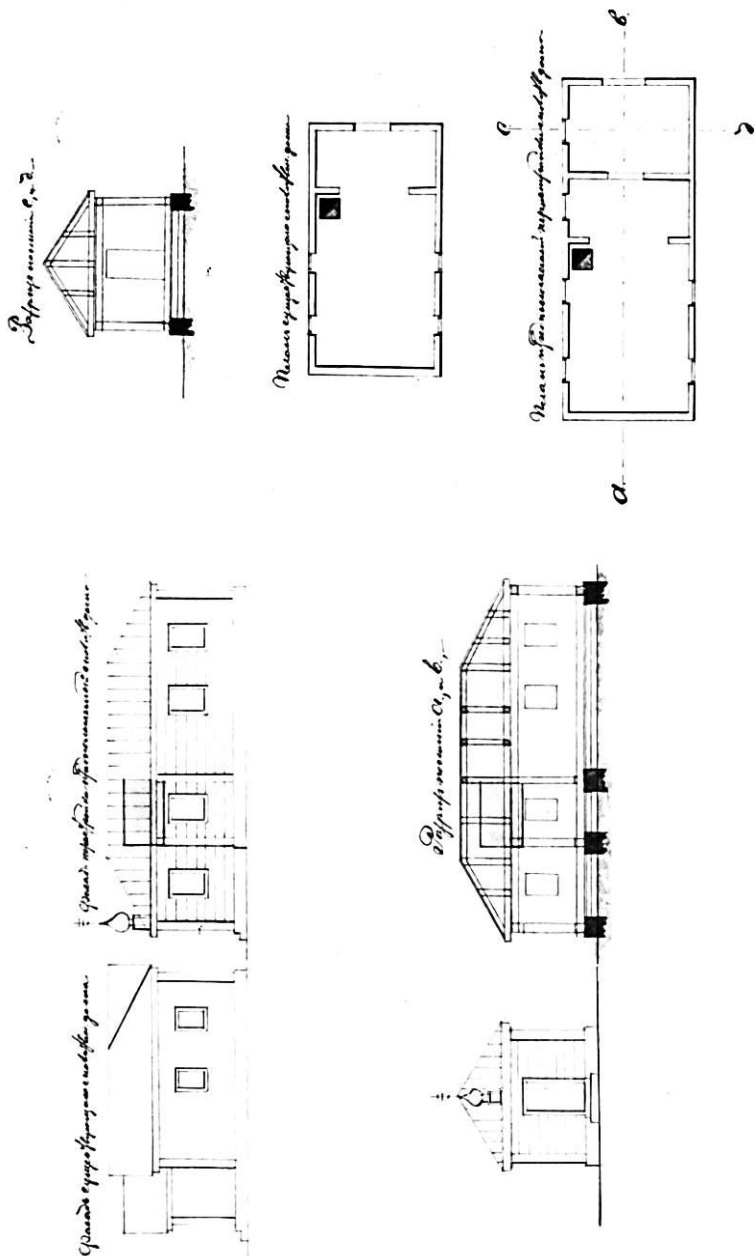
крыльцо здания предполагалось увеличить с $3 \frac{1}{2}$ аршин до 5 аршин, а в северной стене моленной прорубить еще одно окно.

В октябре того же 1892 года старообрядцы селения Агрызкова подали на имя рязанского губернатора еще одно прошение, в котором писали, что если уж нельзя расширить молитвенное здание, то дали бы отремонтировать его в нынешних размерах. Обращение подписали 56 человек.

10 декабря 1892 года исполняющий дела рязанского губернатора дал знать жителям деревни, что препятствий к разрешению заявленных работ он не видит⁷.

Расширить моленную в Агрызкове пристройкой старообрядцам разрешили только в 1904 году, после подачи ими очередного прошения. Моленная по-прежнему находилась на усадьбе крестьян Козловых – упоминавшегося в 1892 году Маркела и Павла. Строительное отделение Рязанского губернского правления утвердило представленный проект своим протоколом № 130 от 29 апреля 1906 года⁸.

В 1919 году, наряду с другими подобными зданиями Егорьевского уезда, старообрядческая церковь селения Агрызкова была зарегистрирована новой властью, и с общиной 1 июля был подписан договор на пользование ее же молитвенным зданием⁹. К договору приложена небольшая, составленная в тот же день, опись имущества.

Проект расширения молельной в д. Агрязково, 1904 г.
 ГАРО. Ф. 5. Оп. 577. Д. 35. Л. 2-1 об.

Согласно этому документу: 1) денежных сумм у храма не было, причта также не имелось; 2) при храме имелась земля, длиной 95, шириной 5 сажень, на которой он и был построен; 3) сам храм был одноэтажный, деревянный, длиной 22 и шириной 9 аршин, крытый железом, окрашенный, с одной главой, застрахованный в Обществе взаимного страхования на сумму 1500 рублей; 4) внутри находился деревянный иконостас в три яруса с 25 иконами без риз, общей стоимостью 125 рублей, и, кроме того, 5) клиросы с 26 иконами разных размеров, стоимостью 50 рублей; 6) деревянный крест в ризе и при нем иконы в ризах (30 рублей); 7) деревянный крест с двумя при нем иконами без риз (15 рублей); 8) 30 деревянных икон разного размера, без риз (90 рублей); 9) «медно-бронзовое» паникадило, стоимостью 300 рублей; 10) 4 хоругви с иконами в ризах (150 рублей); 11) 12 медных, покрытых никелем подсвечников (120 рублей); 12) два железных выкрашенных краской креста, стоявших на главе и при входе в моленную на крыльце (30 рублей)¹⁰. Как видим, церковь в Агрызкове из ряда других деревенских моленных особым богатством не выделялась, причем на малую состоятельность прихода не повлияло и близкое соседство Егорьевска с его небедным старообрядческим храмом.

Мы уже указывали в числе наших источников «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев с 1-го июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.», сохранившийся в архиве Митрополии на Рогожском кладбище, где в Егорьевском старообрядческом благочинии обозначен и «Огрызковский» приход со священником отцом Георгием Юдиным¹¹. Впоследствии этот священник служил в соседней деревне Русанцево, а потом и в Георгиевском храме г. Егорьевска. Когда именно его назначили на агрызковский приход, мы не знаем. Но можем утверждать, что это произошло уже в 1920-х годах, учитывая, что в 1919 году при моленной не было никакого причта.

Из архивного дела о закрытии старообрядческого храма в самом Егорьевске, которое датировано 1936–1937 годами, выясняется, что в это же самое время известное нам молитвенное сооружение деревни Агрызково «обрушилось и закрыто»¹². Местные прихожане перешли в оставшуюся открытой моленную деревню Русанцево.

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, хранящихся в фонде уполномоченного Совета по делам культов Центрального архива города Москвы (ЦАГМ), мы встречаем и упоминание о моленной в деревне Агрызково Егорьевского района,

которая к тому времени уже была разобрана¹³. В свете этого довольно странным кажется тот факт, что в III квартале (июль–сентябрь) того же года уполномоченный рассматривал прошение об открытии храма, поданное старообрядцами Агрызкова¹⁴. Возможно, однако, что просители из этой деревни пытались зарегистрироваться при купленном для молитвенных целей частновладельческом доме или же намеревались строить новый храм. Материалы дела этот эпизод не проясняют. Старожилов, которые могли бы что-то помнить, тоже давно нет. Так или иначе, на данное прошение последовал отрицательный ответ. В отчете уполномоченного за II квартал 1946 г. сказано, что просьба об открытии старообрядческого молитвенного здания в деревне Агрызково отклонена ввиду «отсутствия помещения»¹⁵. Но трудно поверить, что местные старообрядцы собирались зарегистрировать свое общество, не имея никакого определенного сооружения для отправления религиозных нужд. Должно быть, им просто не предоставили того, на что они рассчитывали.

1. Раскол в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник. Рязань, 1899. № 1. С. 7–8;

2. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;

3. Муравьева Г.П. О старообрядцах г. Егорьевска (из материалов, переданных П.И. Мельниковым Шуйскому уездному суду) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2000. Вып. 8. С. 27;

4. Там же;

5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 52 об. – 53;

6. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 390–391;

7. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 9. Л. 1–18;

8. ГАРО. Ф. 4. Оп. 577. Д. 35. Л. 1–3;

9. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 348;

10. Там же. Л. 350;

11. Копию данного документа автору любезно предоставил в 2003 году пресс-секретарь Рогожской Митрополии А.В. Знатнов;

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1246. Л. 41;

13. Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11;

14. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 3. Л. 16;

15. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

3. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ РУСАНЦЕВО

Время построения в деревне Русанцево первой старообрядческой общественной моленной неизвестно. На протяжении второй половины XIX в. здесь имелось одно молитвенное здание, которое к 1930-м гг. стояло, по данным старожилов, не менее ста лет. В 1844 году оно, как «запечатанная» моленная, фигурирует среди восьми моленных без престолов, находящихся в Егорьевском уезде¹. Поскольку деревня исстари находилась в приходе села Высокого, местная старообрядческая моленная была посвящена Георгию Победоносцу. Ранняя конфессиональная принадлежность старообрядческого населения Русанцево непонятна. Известно, что белокриницкие поповцы, да и поповцы вообще, появились в Егорьевском крае сравнительно поздно. До этого здесь доминировали беспоповцы: спасовцы и брачные поморцы; несколько позже, после 1812 года, здесь стали появляться филипповцы и федосеевцы. В первой половине XIX века, до оформления Белокриницкой иерархии, поповский мир юга Гуслиц и сопредельных территорий Егорьевского уезда был лужканским. Жители Русанцева, равно как и других селений края, могли принадлежать и к беспоповским согласиям, и к лужканам. Моленная без престола могла быть храмом любого из этих согласий.

Согласно сведениям о старообрядцах Рязанской губернии за 1857 год, в деревне Русанцево Егорьевского уезда также фигурирует моленная без престола. Старообрядческого населения в Русанцеве показано 50 мужчин и 52 женщины².

В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 год» есть упоминание о деревянной «раскольничьей» часовне, находящейся в деревне Русанцево³.

Важный момент – конфессиональная принадлежность старообрядцев Русанцева во второй половине XIX столетия. Когда в 1892 г. рассматривался вопрос о разрешении ремонта моленной расположенной неподалеку от Русанцева деревни Агрызково, и жителям последней предложили посещать моленную в Русанцеве, агрызковцы ответили, что в Русанцеве живут неокружники, «поэтому у нас и разные моленные»⁴. К какому именно направлению неокружничества русанцевцы относились в период противостояния епископов Иова и Иосифа в 1880-х гг., неизвестно. (В это время неокружники часто меняли одного лидера на другого. По крайней мере, для соседних Гуслиц это было в порядке вещей.) В начале XX века они уже были последователями епископа Даниила Богородского

(«даниловцами»), а к 1910-м гг. перешли в стан адептов окружнического Рогожского кладбища.

Моленная в д. Русанцево. Фото из журнала «Церковь»

На своем сходе 30 августа 1903 года крестьяне-старообрядцы деревни Русанцево дали «полномочие» односельным крестьянам Поликарпу Федоровичу Федорову и Иллариону Панфиловичу Мануйлову хлопотать от имени общества для получения разрешения отремонтировать пришедший в ветхость деревенский молитвенный дом. Старообрядцы предполагали обшить здание снаружи тесом, покрыть крышу железом, вместо прежнего тесового крыльца пристроить бревенчатые сени размером 6 x 9,5 аршин. Последнее было необходимо ввиду невозможности вместить всех молящихся.

Уполномоченные с прошением обратились в Рязанское губернское правление. Последнее распорядилось, чтобы моленная на месте была осмотрена егорьевским уездным исправником, как это делалось в таких случаях. В рапорте исправника говорилось: *«молитвенный дом в виду многочисленности в означенной деревне старообрядческого населения, не вмещающегося во время отправления служб, действительно требует просимого старообрядцами ремонта крыши и стен и, кроме того, настолько в снаружи обветшал, что имеется необходимость в замене существующего тесового крыльца помянутым в прошении бревенчатыми*

снями длиною в 6 и шириною в 9 ½ аршин...». Исправник писал, что в селении из 32 дворов только 4 православные. К тому же кроме «собственных» русанцевских старообрядцев, в 28 старообрядческих домах жили рабочие с городских фабрик Егорьевска – Хлудовской и др. Моленная в это время еще могла быть неокружнической, иначе почему при наличии большого храма в Егорьевске рабочие с городских фабрик ходили молиться в Русанцево? А среди рабочих-гусяков из селений юга Гуслиц неокружников было очень много.

Согласно рапорту того же исправника, внутри моленная имела такое же убранство, что и православный храм: в ней был устроен амвон, иконостас с царскими и боковыми дверями, в алтаре – престол и жертвенник.

Рассмотрение дела о ремонте моленной в Русанцево дошло до Санкт-Петербурга. Последнее слово здесь было за Министерством внутренних дел. Оно своим отношением от 13 декабря 1903 года № 1019 на имя рязанского губернатора дало знать, что ремонт молитвенного здания разрешает⁵.

В 1908 году русанцевская моленная была уже окружнической, поскольку в этом году ее посетил глава местной старообрядческой епархии епископ Рязанский и Егорьевский Александр. Он, в сослужении егорьевского духовенства, 16 марта провел молебен св. Великомученику Георгию, по окончании которого сказал «краткую, но отрадную» речь собравшимся. По окончании торжества владыка-епископ проследовал в дом одного из попечителей храма – И.Ф. Федорова, где духовенству и гостям была предложена трапеза. После нее епископ Александр вместе с егорьевскими духовными лицами при колокольном звоне отбыл в Егорьевск⁶.

В том же году, в понедельник 29 сентября по старому стилю, моленную посетил старообрядческий архиепископ Московский Иоанн. О его визите сохранилась небольшая заметка в журнале «Церковь». Как только архиепископ и его свита показались со стороны Егорьевска, в Русанцево начался колокольный звон, который продолжался до самого входа владыки в храм. Вход в храм и выход из него сопровождался пением положенных стихир, исполненным местным любительским хором. Несмотря на будничность рабочего дня, встретить архиепископа собрались все местные жители. Выступив перед паствой, владыка Иоанн зашел в дом одного из попечителей храма И.П. Мануйлова, где ему была предложена трапеза. Затем архиепископ, также при торжественном колокольном звоне, отбыл в Егорьевск⁷.

Следующий архиерейский визит в Русанцево, по данным того же журнала «Церковь», состоялся через четыре года на престольный праздник Георгия Зимнего, 25 ноября (по старому стилю) 1912 года. Деревню снова посетил старообрядческий епископ Рязанский и Егорьевский Александр. Владыка отслужил литургию в русанцевском храме, по окончании которой сказал проповедь о нравственном воспитании детей. После была трапеза в доме одного из попечителей моленной, на этот раз П.Ф. Федорова. Затем в сослужении местного русанцевского священника о. Ф.И. Белоусова владыка совершил чин освящения дома И.У. Капустина.

После освящения епископ Александр отбыл при колокольном звоне в Егорьевск, где на следующий день служил в храме Георгия Мученика⁸. Такое внимание к скромной старообрядческой моленной окологородней деревни можно объяснить отсутствием в прочих селениях неокружнического разделения. К примеру, Акатову или Агрызкову, которые также были расположены недалеко от Егорьевска, особого внимания не уделялось: ни архиепископ Иоанн, ни епископ Александр туда служить не направлялись. В Русанцево же еще в 1908 году упоминаются неокружники-даниловцы. Им необходимо было достойно, со всей Рогожской архиерейской помпой, противостоять. Епископ же Даниил Богородский, к пастве которого относились русанцевские неокружники, эту деревню, равно как и большинство других селений, где жили его пасомые, не посещал. А тут и епархиальный епископ, и даже целый глава церковной юрисдикции, с самой Рогожки, из самой Москвы!

Среди прочих мы упомянули имя русанцевского священника отца Федора Белоусова. Известно, что он был ревностным поборником дела старообрядческого просвещения в Егорьевске. О нем опубликован относительно большой материал в журнале «Слово Церкви» за 1914 год. Дальнейшая его судьба нами пока не выяснена⁹. В связи с русанцевским приходом он больше нигде не упоминается.

Отец Ф.И. Белоусов, служивший в начале 1910-х гг. в Русанцевской моленной. Фото из журнала «Церковь»

В том же 1914 году другой старообрядческий журнал – «Старообрядческая мысль» – сообщил, что епископ Рязанский и Егорьевский Александр снова посетил Русанцевский приход, проверив его содержание и благоустройство. «Приход этот, – писал анонимный автор заметки, – благодаря случайности находится в весьма благоприятных материальных условиях... но не организован в общину. Из-за этого наличные деньги прихода находятся на руках у нескольких лиц», что чревато неприятными последствиями¹⁰.

На фотографии русанцевской моленной, опубликованной в журнале «Церковь», мы видим венчающий купол. Эту архитектурную деталь молитвенное сооружение могло получить не ранее 1906 года. Купол появился уже в тот период, когда жители деревни были окружниками, поскольку неокружники-даниловцы даже после объявления вероисповедных свобод подобных изысков не признавали и молились в «старотипных» моленных. Епископу Даниилу Богородскому приписывают слова о том, что, мол, наши отцы и деды молились спокойно без куполов и колоколен, так и мы будем молиться.

В 1919 году, 13 июля, Русанцевское старообрядческое общество заключило договор на пользование своим храмом с новой властью¹¹. 20 марта датирована составленная в связи с этим опись имущества церкви. Сам храм был выстроен из дерева; согласно официальной оценке он стоил 2000 рублей. На нем была выкрашенная глава с позолоченным крестом. При храме имелась обшитая тесом звонница на деревянных столбах, которая была оценена всего в 50 рублей. Звонницу также венчала выкрашенная глава с позолоченным крестом. Колоколов было пять: 20 пудов 15 фунтов, 2 пуда 19 фунтов, 1 пуд 8 фунтов, 28 фунтов, 22 фунта. Длина храма была 20 аршин, ширина – 10 аршин, высота – 8 аршин. Звонница высотой 10 аршин достигала в длину и ширину по 6 аршин. Внутри моленной стояли две кирпичные печи. Здание, обнесённое деревянной оградой, имело одну входную и одну внутреннюю двери и восемь окон; храм был застрахован в том же 1919 году в совете бывшего Земского общества на 4000 рублей¹².

Нам известна судьба предпоследнего настоятеля русанцевской моленной. Священник Иосиф Георгиевич Куликов, родившийся в 1869 году в селе Яблонный Гай Самарской губернии, был расстрелян 10 марта 1938 года на печально известном Бутовском полигоне. После него здесь священствовал отец Георгий Юдин, бывший прежде настоятелем моленной в соседней деревне Агрызково. После ареста отца Иосифа он окормлял оба прихода одновременно.

Старообрядческая моленная в деревне Русанцево была закрыта самой последней из действовавших официально на территории прежнего Егорьевского уезда. В деле о закрытии егорьевского Георгиевского храма мы встречаем и упоминание о русанцевском молитвенном здании, куда власти предлагали перейти многолюдному городскому приходу. Из материалов следует, что незадолго до этого обрушился ветхий храм в ближайшей старообрядческой деревне Агрызково и его общество было вынуждено перейти в Русанцево. Егорьевские старообрядцы были не в восторге от идеи присоединения к русанцевскому обществу, поскольку его храм был весьма ветхим (стоял, по свидетельству старожилов не менее ста лет) и к тому же маленьким. Храм в Егорьевске мог спокойно вместить до 3000 молящихся, тогда как русанцевская моленная, имевшая внутренние габариты 15 на 9 аршин, едва вмещала сто человек. Снаружи, по материалам дела, моленная имела размеры 20 на 10 аршин, но немалая часть этой площади приходилась на алтарь, клиросы и солею¹³.

Кроме того, по состоянию на 1936 год, когда жители Русанцева уже молились вместе с старообрядцами Агрызкова, в обычные воскресные дни храм посещало по 40-50 человек. В двенадцатые праздники число молящихся доходило до 80-100 человек, а на Рождество, Крещение и Пасху в храме было 100-150 молящихся. Составителями дела также отмечалось, что «нормальная предельная вместимость» Русанцевского молитвенного здания была всего 100 человек¹⁴.

Вскоре, однако, в Русанцево на моление стали ходить и прихожане егорьевского храма, которым все же не удалось отстоять свою святыню¹⁵. Как маленькое храмовое здание даже в обычные воскресные дни вмещало увеличившееся в десятки раз число верующих, непонятно.

Закрыта старообрядческая церковь в Русанцеве была решением исполкома Мособлсовета «О закрытии б. Русанцевской церкви в г. Егорьевске» № 1104/16 от 13 сентября 1940 года. «Учитывая, что б. Русанцевская церковь бездействует, здание пришло в ветхость и согласно заключения технической комиссии подлежит сносу... разрешить исполкому Егорьевского горсовета б. Русанцевскую церковь закрыть, а здание снести...»¹⁶. Власти не желали признавать, что у моленной в то время фактически был священник, пусть даже и служащий на две моленные. Весьма странно, что храм, при котором окормлялись старообрядцы Русанцева, Агрызкова, Егорьевска, да еще и огромной округи, назывался «бездействующим»!

В сведениях о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года здание моленной в Русанцево уже не фигурирует¹⁷.

О дальнейшей судьбе последнего русанцевского старообрядческого священника, отца Георгия Юдина известно следующее. Арестован он не был. После войны были попытки Рогожской архиепископии пристроить его вторым священником храма в Алешине, но часть прихожан его не приняла. Как уже говорилось выше, однажды, в конце воскресного утреннего богослужения к отцу Прокопию прикладываться ко кресту выстроилась большая очередь прихожан, а к Юдину не подошло ни одного человека. Он был вынужден покинуть приход. В то же самое время некоторые прихожане, наоборот, Юдина признали и после его ухода из Алешина отказались посещать местный храм.

Интересно, что вплоть до своей смерти в 1970-х годах отец Георгий Юдин вел подпольную деятельность, которая, однако, не привлекала внимания уполномоченного и иных властей. В то же время аналогичная деятельность по нелегальному окормлению паствы других старообрядческих священников регулярно пресекалась. Мы не будем приводить различные версии, которые по этому поводу выдвигали знавшие отца Юдина уважаемые старообрядцы. Живущие в Егорьевске его потомки отказались мне что-либо рассказывать о своем отце и деде вообще. Возможно, какие-то документы вскоре будут обнаружены в архивах.

После войны отец Георгий приобрел небольшой дом в Егорьевске, на берегу речки Гуслиянки. Здесь он совершал тайные богослужения, которые посещали некоторые жители города и окрестных селений. По свидетельствам этих жителей на Пасху народу бывало так много, что многие молящиеся стояли на улице. Юдин, кроме того, совершал требы: крестил, венчал, молился за упокой. Поскольку в то время крестить своих детей в церкви было небезопасно (особенно для людей партийных), многие егорьевские районные чины тайком крестили своих детей у отца Георгия. Приходили к Юдину не только

Печать
Русанцевской общины

выходцы из старообрядческой среды, но и никониане: «самое главное – ребенок будет крещеный, а в какой уж вере, старой или новой, не суть важно». Впрочем, по воспоминаниям, воспитанные в духе советской атеистической пропаганды егорьевские дети, которые видели священника в последние годы его жизни, очень боялись идущего по улице старика Юдина с седой бородой: он наводил на них мистический страх.

-
1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;
 2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 52 об. – 53;
 3. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 382–383;
 4. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 9. Л. 12;
 5. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 16. Л. 1–7;
 6. Церковь, 1908. № 13. С. 460;
 7. Церковь, 1908. № 43. С. 1321;
 8. Церковь, 1912. № 52. С. 1259;
 9. Слово Церкви. М., 1914. № 23. С. 549;
 10. Старообрядческая мысль. М., 1914. № 7. С. 685;
 11. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 339;
 12. Там же. Л. 341–341 об.;
 13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1246. Л. 41–41 об.;
 14. Там же. Л. 37;
 15. Там же. Л. 6;
 16. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2073. Л. 203;
 17. ЦГАМО. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

4. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ СОКОЛОВО

Деревня Соколово Поминовской волости к началу XX столетия являлась центром старообрядческого белокрыницкого прихода, в который, помимо самого селения, входили село Рыжево и деревни Поминово, Клеменово, Бурцево, Овчагино, Степановская, Филинская, Дранниково. В 1900 году, согласно дневнику егорьевского окружного миссионера о. Виноградова, соколовский старообрядческий священник Петр Иванов наезжал в расположенную значительно восточнее деревню Ново-Ворово Егорьевского уезда¹. Кроме относительно крупных старообрядческих обществ собственного прихода, Соколово обслуживало отдельные семейства белокрынишников из других селений северной части Егорьевского уезда.

Когда впервые в Соколове появилась старообрядческая общественная моленная, неизвестно. Упомянутое в конце 1890-х гг. соколовское молитвенное здание было построено приблизительно в середине 1810-х гг. В 1844 году моленная деревни Соколово встречается среди восьми моленных Егорьевского уезда, которые не имели престола². Согласно архивным делам более позднего периода, новый престол был устроен в Соколовской моленной в 1895 году. Впрочем, был ли это первый престол данной моленной, или же он заменил прежний пришедший в ветхость, непонятно. Также сложно сказать, изначально ли в Соколове и составлявших с данной деревней один старообрядческий приход селениях жили поповцы, ставшие после 1840-х гг. белокрынишниками, или же когда-то моленная имела иную конфессиональную принадлежность. На протяжении длительного периода в местных селениях сохранялись филипповцы (Овчагино, Бурцево) и спасовцы (окрестности Рыжева, Поминово и др.), поэтому отсутствие в 1840-х гг. в Соколове престола может свидетельствовать о ранней «беспоповщине» Соколова и соколовского прихода.

В мае 1849 года рязанскими губернскими судебными органами было начато дело о старообрядческой «часовне» в деревне Соколово Егорьевского уезда, по которому проходило целых 17 подсудимых³. Вскоре после этого моленная была опечатана, и ее здание ликвидировано путем разборки и продажи с торгов материала. Но, как это обычно бывало в подобных случаях, вскоре была устроена новая моленная, возможно даже из материала старой, купленного на вышеупомянутых торгах через подставное лицо.

«Сведения о старообрядцах Рязанской губернии за 1857 год» упоминаний о соколовской моленной не содержат, хотя по сведениям

документов другого периода, которые мы процитируем ниже, моленая в Соколове в это время должна была стоять⁴. Составители «Сведений...» только в самой деревне насчитывали 50 мужчин и 44 женщины старообрядческого населения, коих было вполне достаточно для функционирования места общественного богомоления.

Следующий раз моленную старообрядцев в селении Соколове мы встречаем на страницах архивных документов через несколько десятилетий. В 1882 году соколовскую церковь «обнаружил» епископ Рязанский и Зарайский Феоктист. Своим отношением от 19 ноября за № 7882 на имя рязанского губернатора он доносил, что местные старообрядцы устроили молитвенное здание с алтарем, в котором служит «австрийский священник», крестьянин деревни Соколово Иван Петров. Новообрядческий владыка просил светскую власть принять меры⁵.

В ГАРО сохранилось дело 1897 года по поводу обращения старообрядцев о строительстве здесь нового молитвенного дома. На имя рязанского губернатора было подано прошение 450 человек из селений Поминовской волости Егорьевского уезда: деревень Овчагино, Бурцево, Дранниково, Клеменово, Поминово, Степановской, Соколово, Филинской и села Рыжева. Простения подали уполномоченные старообрядческого общества деревни Соколово крестьяне Никита Филатов Куликов и Алексей Ермилов Медведев. Доверители просили разрешить сооружение в Соколове деревянного, «крытого деревом» молитвенного дома длиной 11,5 аршин, шириной 7,5 аршин и высотой 5,5 аршин. О старом молитвенном здании в прошении говорилось, что оно пришло в ветхость и угрожает обвалом. В год подачи прошения ему уже исполнилось более 80 лет. Последнее обстоятельство является прямым подтверждением того, что проходившее по суду 1849 года молитвенное здание соколовскими старообрядцами было быстро восстановлено. Хотя возможно, что речь в прошении шла и о более «молодом» сооружении. А 80-летний срок существования моленной был заявлен с целью показать ее «законное» почти вековое существование.

Рязанское губернское правление на своем заседании 10 марта 1897 года рассмотрело указанное прошение и решило оставить его «без последствий», т.к. «раскольникам дозволяется лишь исправлять имеющиеся у них молитвенные здания», а не строить новые.

Старообрядцы – соколовские прихожане через некоторое время подали новую бумагу, где просили дозволения исправить моленную и перенести ее на усадьбу крестьянина Григория Семенова Юдина.

Просителями отмечалось, что старообрядцев в упомянутых деревнях имеется до 200 дворов и до 500 человек только поповцев. Остальные жители Соколова, согласно документам дела, против ремонта моленной не возражали.

По сведениям уездного исправника, в вышеупомянутых деревнях проживало в 1897 г. 2310 человек, из которых старообрядцев было 942. Исправник доносил начальству, что за два года до подачи прошений, старообрядцы устроили в моленной новый иконостас и престол. По его мнению, моленная не требовала капитального ремонта, а старообрядцы просто нашли предлог для постройки нового молитвенного здания. В целом исправник высказывался за то, чтобы строительство или ремонт моленной не разрешать.

Дело закончилось для просителей неудачно. Министерство внутренних дел, до которого после всяких запросов дошло прошение, 14 ноября уже следующего, 1898 года утвердило отказ⁶. Никаких чертежей молитвенного здания в архивном деле не осталось, хотя они к нему явно когда-то прилагались.

К сожалению, нам неизвестно, была ли построена моленная тайком, как это зачастую случалось в те времена после подобных официальных отказов, или же прежнее молитвенное здание оказалось довольно крепким и смогло простоять до первой половины XX столетия. К моменту наших полевых изысканий в Соколове не осталось старожилов, которые могли бы, мобилизовав коллективную историческую память, прояснить ситуацию.

Старообрядческую моленную деревни Соколово Егорьевского уезда мы находим и в «Календаре Рязанской губернии на 1905 год»⁷. После объявления вероисповедных свобод 1906 года никакой официальной общины при соколовской моленной зарегистрировано не было.

В 1919 году новая власть провела первую регистрацию молитвенных зданий и заключила договоры на их использование религиозными обществами. 17 июля 1919 года был заключен договор и с Соколовской старообрядческой общиной⁸. В составленной 13 апреля описи имущества общины говорится о деревянном храме, размером 10 x 7 аршин с тесовой папертью 5 аршин. Здание храма с одной входной дверью и четырьмя окнами было оценено всего в 300 руб., для его обогрева служила чугунная печь. Рядом с моленной висел колокол весом 1 пуд 30 фунтов и стоимостью 80 рублей. В моленной, кроме того, был устроен престол и жертвенник. В алтаре находилось шесть икон, а вне его – еще 43 образа разных размеров. Под куполом храма, в «небесах», помещалось изображение Саваофа. У общины

имелось пятнадцать богослужебных книг плюс напрестольное Евангелие. Судя по описи, общество соколовских старообрядцев не было богатым⁹.

В 1930-х гг. старообрядческую моленную деревни Соколово закрыли, а ее ветхое здание вскоре разрушили. Среди недействующих старообрядческих молитвенных зданий по списку 1945 года его уже нет.

В 2003 году автору довелось услышать последний рассказ о соколовской церкви. Собиравший здесь полевой этнографический материал А.А. Трифонов поведал мне, что место, где стояла старообрядческая моленная, считается у жителей Соколова «проклятым». Причина этого «проклятия» не ясна, но странное поверье, вероятнее всего, исходит от прежних никонианских недоброжелателей староверия.

-
1. Миссионерский сборник. Рязань, 1900. № 1. С. 69–71;
 2. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;
 3. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 400. Л. 192;
 4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 52 об. – 53;
 5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2026. Л. 72;
 6. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 12. Св. 249. Л. 1–34;
 7. Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 386;
 8. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 389;
 9. Там же. Л. 391–394;

5. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ ТИМШИНО

Об этом молитвенном здании мы знаем намного меньше, чем о других белокрыницких моленных Егорьевского уезда. Следует полагать, что имевшая свой приход общественная моленная деревни Тимшино появилась относительно поздно и являлась преемницей моленной соседней деревни (потом – села) Дмитриевцы. После того, как в Дмитриевцах появился храм господствующей церкви, причт последнего взялся за борьбу с местной моленной, и ее, по всей видимости, пришлось перенести в Тимшино. Возможно, в Тимшине ранее существовала деревенская моленная, дочерняя дмитриевецкой, но в нее собирались только свои, тимшинские жители. Возможно, также, что эта моленная до переноса не занимала отдельного здания, а находилась при жилом доме одного из наиболее активных старообрядцев.

В Государственном архиве Рязанской области сохранилась обложка дела по прошению старообрядцев Селюхова и Фомина о разрешении постройки в деревне Тимшино Нечаевской волости Егорьевского уезда нового старообрядческого молитвенного дома. Дело датировано 17 мая – 15 июля 1907 года и когда-то имело пять листов¹. К нашему величайшему разочарованию, при знакомстве с делом оказалось, что внутри обложки подшиты документы совсем иного рода, о продаже с торгов имущества «неисправных заемщиков». Никакого намека на моленную в Тимшине и каких-либо упоминаний о старообрядцах под обложкой найти не удалось. Единственная связь между обложкой и подлинными листами, это дата – 1907 год. (По всей видимости, обложки перепутали, когда приводили дела Рязанского архива в порядок.) Нам остается заключить, что моленная, которая простояла в Тимшине до середины 30-х гг. XX века, вероятнее всего, была построена в середине 1907 года. Никакой иной информации о ней самой и о судьбе ее предшественницы мы не имеем.

На страницах одного из номеров «Миссионерского сборника» (Рязань, 1915. № 7) был опубликован «Отчет о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год». В отчете среди нескольких других молитвенных домов Егорьевского уезда упоминается и моленная, находящаяся в деревне Тимшино прихода села Ивановское-Сергиевское. Любопытно, что здесь же фигурирует старообрядческая церковь села Дмитриевцы².

Закрыта моленная деревни Тимшино была постановлением исполкома Мособлсовета за № 2782 от 21 сентября 1935 года: «Принимая

во внимание, что: 1. Здание старообрядческой моленной в Тимчине (так в документе – С.М.) имеет изношенность на 90% и к использованию в дальнейшем непригодна; 2. На расстоянии 7 клм, в с. Ново-Поселках, имеется другая действующая моленная одного и того же толка», моленную решили закрыть, а ее здание передать в распоряжение Егорьевского райисполкома, который, собственно, и ходатайствовал о прекращении работы этого старообрядческого здания³. Разумеется, здесь возникает вопрос о том, как, пусть даже и деревянное сооружение, построенное в 1907 году, менее чем за три десятка лет столь сильно обветшало (на 90%!)? Не идет ли здесь речь о более ранней постройке, возведенной задолго до 1907 года? Интересно также, что тимшинская моленная фактически «легализовалась» лишь в момент своего закрытия. Никаких более ранних договоров о регистрации и т.п., касающихся ее официального существования, нами не обнаружено. Более о тимшинской моленной ничего не известно. В 2010 году старожилы деревни Тимшино уже с трудом могли показать место, где прежде находилось общественное старообрядческое молитвенное здание.

Возле Тимшина на Ширковой горе сохранилось старообрядческое кладбище. Оно находится вблизи самой высокой точки Егорьевского края. Рассказывают, что прежде кладбище это было довольно богатым, но к 2010 году на нем оставалось всего несколько старых могил с белокаменными надгробиями. Остальные могилы этого некрополя относятся ко второй половине XX столетия.

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 25;

2. Отчет о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год // Миссионерский сборник. Рязань, 1915. № 7. С. 6;

3. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1315. Л. 14.

6. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ НОВОПОСЕЛКИ (НОВЫЕ ПОСЕЛКИ)

Время постройки первой общественной старообрядческой моленной в селении Новопоселки (Новые Поселки) неизвестно. Но в XIX столетии она здесь уже существовала, причем ее основание относили ко времени до 1812 года. (Типичный пример датировки старообрядцами своих молитвенных зданий в тех случаях, когда приходилось подавать какие-либо сведения властям.) Согласно одному из дел конца 1850-х гг., в 1812 году в Новопоселках общественная крестьянская старообрядческая моленная сгорела. Вместо нее власти разрешили построить новую¹. Однако из-за вынужденной скрытности старообрядцев и отрывочности сведений об их, пусть даже и разрешенных молитвенных зданиях, обстоятельства устройства новых моленных крайне запутаны. В одном из более поздних документов говорится, что после 1812 года жители Новых Поселков соорудили то здание моленной, которое было цело еще в 1890-х гг. Однако в 1833 году в Новопоселках случился очередной сильный пожар, уничтоживший восемь крестьянских домов и общественное молитвенное здание². В 1844 году возродившаяся моленная зафиксирована среди других восьми моленных без престолов на территории Егорьевского уезда³, но в 1847 году среди восьми молитвенных старообрядческих зданий ее уже почему-то нет. Удивительно, что в следующем, 1848 году, эта моленная снова упоминается в документах губернских властей⁴. Моленную без престола, расположенную в деревне Новопоселки, можно найти и в «сведениях о старообрядцах по Рязанской губернии за 1857 год»⁵.

В 1859 году священник официальной церкви села Раменок донес своему начальству, что в его приходе государственный крестьянин деревни Родионовой Егор Иванов Большчев, «недавно уклонившийся в раскол», «сделался для живущих близ него раскольников руководителем <...> ходит впереди их при отправлении их обрядов с кадилом в руке, отпевает усопших, служит в раскольнической часовне и по домам их в качестве попа». Большчев был старообрядцем «по Рогожскому кладбищу», 70 лет отроду. За свою раскольническую деятельность в 1856 году он попал на нары рязанской тюрьмы. В старообрядчество сей муж, согласно документам, перешел еще лет за десять до начала рассмотрения дела.

В селении Новопоселки, где осуществлял свою деятельность Большчев, на тот момент насчитывалось около сорока крестьянских дворов, из которых только десять были православными. На расспросы

со стороны полиции местные крестьяне говорили о Большеве как о человеке, служившем в их общественном молитвенном здании. Однако сам он утверждал, что в моленной читает только часы; вообще же в здании «служит кто вздумается», т.е. моления проводят поочередно все деревенские уставщики и грамотеи. Большев отрицал и факт отправления каких-либо обрядов, включая чтение по усопшим, на стороне. Рассмотрение указанного дела закончилось в следующем 1860 году, когда главный его фигурант, крестьянин Егор Большев умер. Еще одна фигурантка расследования, «девка» Артемьева, перешла в официальное православие.

Относительно моленной в деле поначалу говорится, что она «выстроена около сорока лет» назад, неизвестно с чьего разрешения. Далее выясняется, что прежнее молитвенное здание, которое имело официальное разрешение, сгорело в 1833 году. Новую моленную в Новопоселках старообрядцы выстроили тайком. Тем не менее, поскольку это молитвенное здание значилось в списке существовавших до запретительного закона времен Николая I, решение было вынесено следующее: «Моленную в деревне Новопоселках как выстроенную до 17 сентября 1826 года оставить в том же положении». То есть старообрядцам, вопреки драконовским правилам, сурово каравшим все исправления «раскольнических» молитвенных зданий, а тем более их строительство, удалось отстоять свою святыню⁶.

Следующий раз общественная моленная Новопоселок упоминается под 1869 годом. Благодичинный села Вражского, Лелечи тож, о. Иосиф Вишневский, писал своему духовному начальству, что, по словам священника села Раменки, в указанной деревне «раскольниками» был отремонтирован молитвенный дом. Дом находился в весьма ветхом состоянии и был близок к разрушению, поэтому старообрядцы, без разрешения властей, заменили одну из стен и перекрыли кровлю. Православных священников также беспокоило, что местные старoverы позволяют себе «полную свободу» в отпращивании своего богослужения, «вводя в соблазн» православных. В результате этого за последние десять лет в Новопоселках было два случая уклонения в «раскол». Кроме того, представителей духовенства господствующей церкви беспокоило, что в моленной нарушались законы, и происходило венчание молодых людей 17 лет.

Рязанский Преосвященный, в свою очередь, обратился с отношением об обстоятельствах ремонта новопоселковской моленной и действиях ее прихожан на имя начальника Рязанской губернии.

Он потребовал закрытия старообрядческого молитвенного здания и «прекращения других соблазнительных действий раскольников одного села». Дело было передано Рязанскому окружному прокурору для проведения следствия⁷.

В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 год» мы также обнаруживаем упоминание деревянной «раскольничьей» часовни, находящейся в деревне Новопоселки⁸.

В марте 1892 года на имя рязанского губернатора Дмитрия Петровича Кладищева старообрядцы деревни Новые Поселки подали прошение с просьбой разрешить им отремонтировать пришедшую в ветхость сельскую моленную. От общества прошение подали уполномоченные – крестьяне Герасим Иванов и Селиверст Васильев. В моленной особенно ветха была кровля, которую планировалось вместо деревянной сделать железной. Молитвенное здание находилось на усадебной огородной земле крестьянина Игната Цыркина, в 25-50 саженьях от ближайших построек. Отмечалось, что моленная была построена с разрешения правительства, но документы были утеряны. До пожара 1812 года на этом месте стояла другая, предыдущая моленная. Время, когда было построено существующее сооружение, в деле не указано. Однако если бы уполномоченные от старообрядческого общества и назвали дату постройки, она не обязательно была бы верной. Новое здание могли построить и несколько лет назад, а в официальных документах указать год (например, один из 1820-х), когда молитвенные старообрядческие здания еще дозволялось возводить.

Просимый ремонт старообрядческой церкви в конце концов был разрешен⁹. В Новопоселках в это время проживало 256 человек старообрядческого населения (119 мужчин и 137 женщин) и 87 православных (45 мужчин и 42 женщины). Все местные старообрядцы указаны как молящихся «по Рогожскому кладбищу».

Старообрядческое молитвенное здание в деревне Новые Поселки упоминается и в «Календаре Рязанской губернии на 1905 год»¹⁰. Отметим, что после 1906 года никакой официальной общины при этом здании зарегистрировано не было.

20 июня 1919 года егорьевские уездные власти заключили со старообрядческим обществом деревни Новопоселки договор о пользовании молитвенным зданием¹¹. К договору была приложена скромная опись имущества, в которую входило и сама постройка, деревянная на каменном фундаменте, крытая железом, 13 аршин длиной, 11 аршин шириной и 5 аршин высотой, внешние стены которой были

обшиты тесом. К моленной была пристроена паперть, также обшитая тесом. Внутри помещение отапливалось одной печью.

Моленная имела одну дверь и четыре окна, а также 3 яруса икон, но при этом составители описи указывали, что «иконостаса нет». Не было внутри церкви и дарохранильницы с сосудами и прочими атрибутами, про которые говорилось: «священные предметы не имеются»¹². Составители, скорее всего, ипод иконостасом имели в виду определенное сооружение, а висящие на стене в три ряда иконы иконостасом признаны не были. Что касается «священных предметов», то их мог привозить с собой на службы приходящий священник, и постоянно они в моленной не хранились. Во время же служб, которые совершались без священника, «мужицким» образом, дарохранильницы, сосуды и пр. нужны не были. Кацеи, для мирского каждения, также могли приносить с собой из дома только на службы, хотя в подавляющем большинстве других моленных эти кацеи (кадильницы с ручкой) хранились внутри помещения. Впрочем, по причине незначительности, кадильницы могли не включаться составителями описи в число «священных предметов». Последнее и наиболее вероятное предположение состоит в том, что представители новопоселковой общины, учитывая «текущую ситуацию» и зная о приезде переписчиков, прятали имущество по домам.

Моленная старообрядцев деревни Новопоселки (Новые Поселки) была закрыта во второй половине 1930-х гг. В сведениях о недействующих старообрядческих зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, хранящихся в фонде уполномоченного Совета по делам культов Центрального архива города Москвы (ЦАГМа), фигурирует и моленная деревни Новые Поселки Егорьевского района, где в 1945 г. размещалось зернохранилище¹³.

В середине 1950-х гг. здание моленной в Новопоселках было за ветхостью разобрано. Никаких изображений последней, как-то: чертежей или фотографий, нами обнаружено не было. К началу 2000-х годов, по рассказам жителей деревни, в Новопоселках и некоторых окрестных селениях проживали последние верующие старообрядцы, главным образом пожилые женщины. Интересно, что в Егорьевской старообрядческой общине о них ничего не знали.

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 723. Оп. 1. Т. 3. Д. 1793. Л. 91;

2. Там же. Л. 73 об., 93;

3. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;
4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об. – 27; Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л. 30 об. – 31;
5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 52 об. – 53;
6. ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 3. Д. 1793. Л. 1-162;
7. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 8. Д. 4885б. Л. 1-20 об;
8. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 386-387;
9. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 8. Л. 1-27;
10. Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 386;
11. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 327-328;
12. Там же. Л. 329-329 об.;
13. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

7. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ В ДЕРЕВНЯХ УГОРНОЙ СЛОБОДЕ И КОМЛЕВО

Селения Угорная Слобода и Комлево расположены рядом друг с другом. Поскольку проживавшие в них старообрядцы исстари составляли одну общину и пользовались одними общественными молитвенными зданиями, мы решили объединить их в одном очерке.

Изначально местное старообрядческое общество, включавшее жителей Угорной слободы, Комлева, Сурина и Надеева, входило в состав большого Чёлоховского старообрядческого прихода, под влиянием которого оно на каком-то этапе оказалось лужжанским, а затем рогожским. Через некоторое время здесь образовался собственный старообрядческий приход, куда вошли старообрядческие селения, разбросанные на территории официальных Макшеевского, Маливского, Раменского, Дмитриевского и Сергиевского приходов Егорьевского уезда¹.

Точное время появления первой старообрядческой общественной моленной в деревне Угорной Слободе неизвестно. Скорее всего, она существовала здесь исстари. Моленная была посвящена Святителю Николае. Угорнослободская моленная считалась главным старообрядческим молитвенным зданием этого уголка Егорьевского уезда. Однако, несмотря на значительный авторитет Угорнослободской моленной, в 1844 году, в числе восьми моленных без престолов, одновременно с ней упомянута и моленная соседнего Комлева, причем угорнослободская значится запечатанной². Согласно другим архивным документам, моленная в Угорной слободе была опечатана «за ветхостью» указом Рязанской духовной консистории еще 30 мая 1842 года³. Понятно, что молитвенное здание в Комлеве заменило местным старообрядцам запечатанное в самой Угорной слободе, но с другой стороны весьма странно, как могли в одну чиновничью ведомость попасть сразу обе моленные. Если бы комлевская моленная появилась сразу после опечатания соседней, то, попав в отчеты чиновников, она, как устроенная с точки зрения властей «незаконно», сама была бы опечатана и вскоре разобрана. Получается, что моленные какое-то время существовали параллельно. Но моленная в Комлеве могла быть как дочерней при угорнослободской, разгружая ее при большом стечении прихожан, так и молитвенным зданием для старообрядцев, которые находились в оппозиции тем, кто молился в Угорной слободе. Мы знаем, что до принятия местными поповцами под влиянием «челоховских попов» Белокриницкой

иерархии, здесь, в официальном Макшеевском приходе, доминировало лужжанство. В 1842 и 1844 гг. в моленной Угорной слободы еще молились лужжаны. Но до лужжан здесь господствовали беспоповцы, скорее всего филипповцы или федосеевцы (судя по сохранившимся до XX столетия в соседней Поповке общинам, именно этих согласий). Полицейские и консисторские документы, когда речь идет о старообрядцах, зачастую неточны. Поэтому, несмотря на то, что в ведомости 1844 года в Комлеве, Угорной слободе и других соседних селениях фигурируют только поповцы, сохранение в этих, а также в ряде других соседних деревень групп беспоповцев (которым и принадлежала комлевская моленная) не выглядит чем-то невероятным.

Интересно, что в одном из дел Рязанского архива за 1847 год, мы опять видим моленную в Угорной слободе, действующую одновременно с моленной в Комлеве⁴. Та же информация датирована следующим 1848 годом⁵.

В 1864 году Рязанское губернское правление рассматривало дело по отношению Рязанской духовной консистории о возобновлении старообрядческой моленной в деревне Угорной Слободе. Все началось с доноса благочинного Егорьевского уезда села Вражского Лелечи тож священника Даниила Богданова. Священник доносил, что в конце 1863 года при обозрении подведомственных ему церквей и причтов он «лично усмотрел» в приходе села Макшеева в деревне Угорной Слободе неурядок. Местные старообрядцы без какого-либо дозволения начальства перестроили и перенесли на новое место обветшавшую моленную, которая была закрыта еще по указу консистории в мае 1842 года.

6 февраля 1865 года моленную осмотрел егорьевский судебный следователь, который составил ее небольшое описание. Здание, крытое новым тесом, находилось на заднем дворе избы солдатки Марьи Пантелеевой. Тесом же было покрыто и крыльцо. Повсюду на моленной обнаруживались следы поправок, старые сгнившие бревна были заменены новыми. Внутри помещения из досок старообрядцы устроили новый полукруглый потолок «над тем местом, где сделаны полки для образов». В моленной судебный следователь зафиксировал всего две иконы: «Всевидящее око», висевшую напротив входа, а также образ Спаса Нерукотворного, находившийся «с передней стороны», над входной дверью. Остальные иконы либо успели вынести и спрятать, либо еще не внесли внутрь. Здание имело один вход и три окна с решетками.

Согласно опросу местных крестьян, работы по ремонту и переносу моленной выполнялись весной 1863 года. Опрошенные объяснили также, почему молитвенное здание было поставлено именно на участке Марьи Пантелеевой – «потому, что она не особенно стеснена хозяйством». Причина переноса заключалась якобы в том, что закрытая моленная стояла у дороги и регулярно подвергалась порче со стороны неизвестных людей. Разрешения на перенос и ремонтные работы угорнослободские старообрядцы ни у кого не спрашивали.

Губернское начальство предписало здание моленной «подвергнуть сломке», а материалы продать с торгов. Вырученные средства поступили в Приказ общественного призрения⁶.

Более подробно о судьбе угорнослободской моленной рассказывают «Рязанские епархиальные ведомости»: «Сообщение рязанского губернского правления от 25 сентября за № 10882 дало знать консистории, что раскольнический молитвенный дом, находившийся в деревне Угорной (так в источнике – С.М.) Слободе Егорьевского уезда, за самовольную перестройку его, продан с аукционного торга, и вырученные за него деньги отосланы в рязанское отделение Государственного банка, в доход оног»⁷.

В «Памятной книжке Рязанской губернии на 1868 год» мы видим уже только деревянную «раскольничью» часовню в деревне Комлево⁸.

Во время служения в Макшеевской церкви господствующего исповедания священника С. Иникова (1871–1877), со стороны последнего последовал донос об открытом отпращивании «раскольниками» своих обрядов. После этого комлевская моленная, располагавшаяся в овраге, подверглась нашествию полиции, конфисковавшей всю утварь и богослужебные книги. Разгром прекратил старообрядческий священник Кирилл Трифонов, о котором пойдёт речь чуть ниже. Он перенес комлевскую моленную на свою усадьбу, где поставил в виде амбара, сохранив в неприкосновенности весь интерьер.

Далее мы увидим, что молитвенное здание в Комлеве не сразу прекратило свое существование и упоминается в архивных документах первой половины 1880-х гг., причем как занявшее место пришедшей в ветхость моленной Угорной слободы.

Следующий раз моленная Угорной слободы на страницах архивных документов встречается через почти три десятка лет, в 1883–1884 годах. На этот раз староверы решили пойти легальным путем, тем более что новое законодательство это позволяло. В августе 1883 года на имя рязанского губернатора Николая Александровича

Троицкого поступило прошение от старообрядцев слободы Угорной, деревни Надево Маливской волости, а также деревень Сурино, Комлево и Выселки Раменской волости. Просители заявляли, что в Угорной слободе издавна, с разрешения правительства, существовал молитвенный дом. После его закрытия за ветхостью старообрядцы стали собираться на молитву по частным избам. (О случае ремонта и переноса моленной в 1863 году просители в прошении умолчали.) На основании нового закона от 3 мая 1883 года старообрядцы решили ходатайствовать об устройстве нового молитвенного здания «и поставить оное по указанию Вашего Превосходительства вне жилых строений в уединенном месте для безопасности в пожарном отношении».

Согласно отношению прокурора Рязанского окружного суда на имя рязанского губернатора от 5 сентября 1883 года за № 8074, 22 августа к нему обратились чиновники Рязанской духовной консистории и сообщили, что в соседней с Угорной слободой деревне Комлево открыт старообрядческий молитвенный дом, с алтарем и престолом, в котором «совершает все церковные службы посвященный во священника крестьянин дер. Суриной Кирилл Трифонов». Никакого разрешения на устройство этой моленной, разумеется, не было.

Егорьевский уездный исправник, которому было поручено разобраться с моленными, рапортовал губернатору 2 декабря 1883 года, что молитвенный дом в Комлеве для окрестных староверов занял место уничтоженного за ветхостью в Угорной слободе. Размеры комлевской моленной были 14,5 на 10 аршин. Согласно материалам дела, она также уже пришла в ветхость, поскольку была построена около 90 лет назад. Этот молитвенный дом, следует из рапорта, имел особое значение для старообрядцев в силу своего давнего существования. Но, скорее всего, такое положение он получил после закрытия угорнослободской моленной, переняв ее славу. В комлевской моленной наиболее чтимыми праздниками были Пасха, Троица, Рождество Христово, Богоявление, а также оба дня святителя Николы (Зимний и Вешний). На эти праздники сюда стекались старообрядцы со всей округи: селений Поповка, Новопоселки и др.

После окончательного рассмотрения прошения, которое дошло и до Министерства внутренних дел, последнее 21 января 1884 года уведомило рязанского губернатора, что препятствий к устройству в Угорной слободе новой старообрядческой моленной не видит⁹.

Старообрядческую общественную моленную в деревне Комлево мы более нигде в документах или публикациях не встречаем. Видимо, она вскоре прекратила свое существование, уступив место угорно-слободской церкви.

В одном из миссионерских отчетов за 1890 год сообщается о беседах в селе Макшееве и упоминается «лжеиерей» Феодот Александров, «из местных крестьян», который служил в моленной в Угорной слободе. Он назван человеком «довольно сведущим», что достойно внимания, поскольку миссионеры редко положительно характеризуют своих оппонентов¹⁰.

Вышеупомянутый старообрядческий пастырь – не единственное духовное лицо, которое получило известность в связи с угорно-слободской моленной. На страницах «Миссионерского сборника» за 1899 год опубликован очерк священника господствующей церкви М. Рябцева «Раскол в Макшеевском приходе». Из публикации следует, что в конце 1860-х гг., примерно через два десятка лет после возникновения Белокриницкой иерархии, в Угорной слободе появился свой первый священник – крестьянин деревни Сурино Кирилл Трифонов. Последний, по словам о. Рябцева, злоупотреблял алкоголем, но тем не менее прослужил на угорно-слободском старообрядческом приходе до 1880–1881 гг. После этого он перешел в моленную г. Егорьевска, которую ему пришлось оставить по причине пьянства. Затем его перевели в г. Бронницы Московской губернии, где он священствовал еще в год написания очерка, т.е. в 1898–1899 гг. Именно на место Кирилла Трифонова был рукоположен московским старообрядческим архиепископом Савватием Феодот Александров Репин, крестьянин деревни Комлево. Последний служил здесь до своей кончины в октябре 1898 года. Он умер на шестидесятом году жизни, по мнению о. Рябцева, также от отравления организма алкоголем¹¹. Вскоре вместо него был прислан священник Андрей Иванов, происходивший из крестьян Владимирской губернии. Иванов до Угорной слободы священствовал одно время «по найму» у богача Бутикова в селе Мячкове Коломенского уезда Московской губернии¹². Отцу Андрею довелось служить в Угорной слободе недолго. В декабре 1900 года на дороге замерз пьяным местный старообрядческий уставщик Сергей Горин. Священник, как это было положено у старообрядцев, «опойцу» отпевать отказался. Этим он настроил против себя все общество, которое 1 января следующего 1901 года собрало целый «собор». («Собором» руководил коломенский старообрядческий священник, исполнявший в округе обязанности благочинного.) Андрея

Иванова убрали из Угорной слободы, и вместо него на приход был назначен настоятелем Карп Кириллов, происходивший из местной деревни Сурино¹³.

В рязанском «Миссионерском сборнике» за 1894 год приводится описание моленной Угорной слободы, сделанное в тот самый период, когда она являлась главным храмом белокриницких старообрядцев довольно обширного региона. «Во главе... группы деревень стоит и пользуется влиянием Угорная слобода. В конце деревни на обширной и открытой площади выстроена часовня; обширное, далеко вверх уходящее здание ее, обширные окна, покрытое навесом крыльцо с западной стороны, напоминающее собою церковную паперть, – все это дает разуметь, что это не обычное жилое помещение, но особое общественное здание; выстроенная же вокруг этого здания ограда с маленькими калитками и обширными воротами, над которыми находятся разной величины старинные иконы, – ограда, ничем не отличающаяся от оград православных церквей, притом же обсаженная со всех сторон березами, объясняет значение этого общественного здания»¹⁴.

В 1899 году священник господствующей церкви Матфей Рябцев описывал ее так: «Это сравнительно большой деревянный пятистенный дом, увенчанный крестом над входом. Кругом часовня обнесена легкой железной оградой, внутри которой красиво разрослись деревья. Вблизи часовни течет небольшая река. Местоположение и наружный вид часовни напоминает собою городскую домовую церковь, часто встречающуюся при небольших учебных заведениях. Внутри ее престол во имя святителя Николая»¹⁵.

Вскоре после Высочайшего объявления вероисповедных свобод, последовавшего в октябре 1906 года, старообрядцы Угорной слободы и соседних населенных пунктов решили легализовать своё общество. Прошение в рязанское Губернское правление с просьбой зарегистрировать общину при храме-моленной святителя Николы было составлено 8 января 1908 года. Его от имени старообрядцев подал уполномоченный, житель Угорной слободы Абрам Семенов Дроздов. Община именовалась «Угорнослободская старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, святителя Николы Мирликийского Чудотворца община». Ее деятельность, согласно прошению, должна была распространяться на деревни Угорная Слобода, Поповка, Новые Поселки Маливской волости, Сурино и Комлево Раменской волости Егорьевского уезда. Интересно, что в Новых Поселках и Поповке находились свои собственные общественные

О. Карп Гулин, фото начала XX века

моленные, а в последнем случае вскоре была зарегистрирована белокриницкая община. Аномально широкое распространение деятельности Никольского общества свидетельствует о том, что Угорная слобода занимала важное место в иерархии егорьевского белокриницкого старообрядчества.

Однако первая попытка учреждения угорнослободской общины потерпела неудачу. Отказ последовал в конце февраля 1908 года ввиду того, что среди 50 необходимых лиц, подписавших прошение об учреждении, двое жителей деревни, Коршунов и Зайцев, не достигли необходимого 25-летнего возраста, требуемого законодательством¹⁶.

Вторая попытка учредить общину последовала 26 марта того же года. Новое прошение мало отличалось от прежнего. Разумеется, были устранены прежние ошибки и, кроме того, к списку населенных пунктов, на которые община должна была распространять свою деятельность, добавились деревни Надеево Маливской волости и Тимшино Нечаевской волости. (Отметим, что в Тимшине также имелась своя общественная моленная.) Среди оставивших подписи учредителей общины мы встречаем и угорнослободского священника Карпа Гулина. Это прошение было принято Рязанским губернским правлением без каких-либо проблем, и 21 мая 1908 года община была зарегистрирована и внесена в реестр.

Уже 13 июля 1908 года состоялось первое общее собрание Угорнослободской общины. На нем состоялись выборы председателя и других членов совета. Председателем избрали мещанина г. Егорьевска, жившего в деревне Комлево, Андроника (Андрона) Петровича Иванова. Товарищем председателя стал крестьянин Угорной слободы Григорий Игнатьевич Горин. Казначеем – угорнослободский крестьянин Абрам Семенович Дроздов, которого мы помним по первому проше-

нию. Делопроизводителем выбрали крестьянина деревни Сурино Киприана Алексеевича Зайцева. Рядовыми членами совета общины стали: Федор Сидорович Маклидов, Федор Игнатьевич Горин, Михаил Петрович Волков, Василий Иванович Евстифеев, Семен Макарович Дроздов (все – крестьяне Угорной слободы), Максим Илларионович Зайцев, Иван Максимович Дроздов (оба – крестьяне д. Сурино) и Макар Тимофеевич Зайцев (из д. Комлево). Членами ревизионной комиссии избраны: Макар Козмич Светлов, Иван Поликарпович Федоров (оба – Угорная слобода) и Дмитрий Кириллович Зайцев (Сурино)¹⁷. В дальнейшем состав совета Угорнослободской общины неоднократно корректировался. По закону он должен был переизбираться каждые три года, но, как правило, его члены выбирались заново гораздо чаще. Предусмотрев случай прекращения деятельности старообрядческой общины Угорной слободы, собрание постановило: «Имущество общины, по уплате долгов, если таковые окажутся, поступает в собственность старообрядцев, приемлющих священство, Белокриницкой иерархии, населяющих Угорную слободу, Надево, Поповку, Новые Поселки, Сурино, Комлево и Тимшино». Перед закрытием общего собрания, последнее единогласно приняло в члены общины известного егорьевского деятеля Никифора Дмитриевича Зенина, «много потрудившегося на пользу старообрядчества»¹⁸.

В одном из номеров журнала «Церковь» была опубликована заметка об общем собрании старообрядческой общины при храме святителя Николы селения Угорная Слобода, которое состоялось 4 апреля 1909 года. На нем присутствовало 47 членов общины и «до 90 чел. прихожан». На собрании председательствовал А.П. Иванов, который предложил собравшимся утвердить годовой отчет. Отчет был признан правильным. Собрание, кроме того, постановило нанять сроком на один год певчих Е.В. Тюрина и Г.И. Горина, прежний срок службы которых закончился на Пасху. Был также решен вопрос об обучении детей местных прихожан церковному чтению и пению под руководством того же Е.В. Тюрина. Занятия в школе должны были начаться через несколько дней, 7 апреля. Наконец члены общины обсудили на собрании благодарственное письмо петербургским меценатам Ф.П. и Е.П. Федоровым за их щедрые пожертвования на угорнослободский храм и школу при нем¹⁹.

Школа в Угорной слободе была открыта в конце 1908 года. В ней обучалось до 40 мальчиков и девочек из старообрядческих семейств. Заведение содержалось, помимо единовременных субсидий

частных лиц, вроде «лепты» Федоровых, на средства общины и учащих. Помимо Е. Тюрина, учителем школы состоял и другой певчий Никольского храма-моленной – Г. Горин²⁰. Через два года, судя по следующей заметке журнала «Церковь», при угорнослободской общине открылась новая школа грамоты и церковного пения. Правда, скорее всего, речь об открытии нового здания для прежней школы. Тем более, что среди прочего был упомянут все тот же учитель Г.И. Горин²¹.

В том же 1909 году «Церковь» напечатала небольшую статью о миссионерском диспуте, который должен был состояться в Угорной слободе 14 июня. Его назначил окружной антистарообрядческий миссионер о. Михаил Шебалин. Он позвал на мероприятие местную власть в лице полицейского, оповестил самих старообрядцев и подготовил место для беседы. Угорнослободские староверы пригласили на эту беседу начетчика А.П. Иванова, который находился в Егорьевске. Тот в спешном порядке собрал необходимые для диспута книги, нашел лошадей и, к нужному времени преодолев 30-верстное расстояние, добрался до Угорной слободы. Беседа была назначена на два часа дня. К трем часам прибыла власть, а за ней и священник из соседнего села. Собравшиеся участники при большом стечении народа прождали до шести часов вечера, после чего приходской священник объявил, что отец миссионер не приедет. Начетчик Иванов подождал еще немного, но все же и ему пришлось отбыть в сторону Егорьевска. Как выяснилось, о. Шебалин любил проводить беседы только там, где не мог встретить достойного оппонента. Подобные «ускользания» от диспутов происходили с ним неоднократно²².

Старообрядческий журнал «Церковь» в одном из номеров за 1911 год рассказал об общем собрании угорнослободской старообрядческой общины и о решении строить храм. Здесь же был помещён и рисунок фасада будущей постройки по проекту архитектора Цеханского. На строительство храма община испросила благословения у старообрядческого архиепископа Рязанского и Егорьевского Александра²³.

Согласно документам дела о регистрации общины, в уездном центре – Егорьевске – ее интересы представляли купцы братья Князевы; на адрес фабричной конторы Князевых направлялась вся корреспонденция. Оттуда ее забирал председатель общины А.П. Иванов.

В общине, как и в любом обществе, случались разногласия. В 1912 году возник конфликт некоторых членов общины с ее председателем. Результатом стал следующий подшитый в дело документ.

В Совет Угорнослободской св. Николы общины

*Председателя вышепомянутой
общины Андрона Петрова Иванова*

Заявление

В следствии распространяющих слухов нелепых со стороны членов общины и членов Совета являющихся к недоверию Председателя и поношение честного имени, я слагаю с себя звание Председателя Совета общины и прошу принять мое заявление к сведению.

Экс-председатель Совета общины

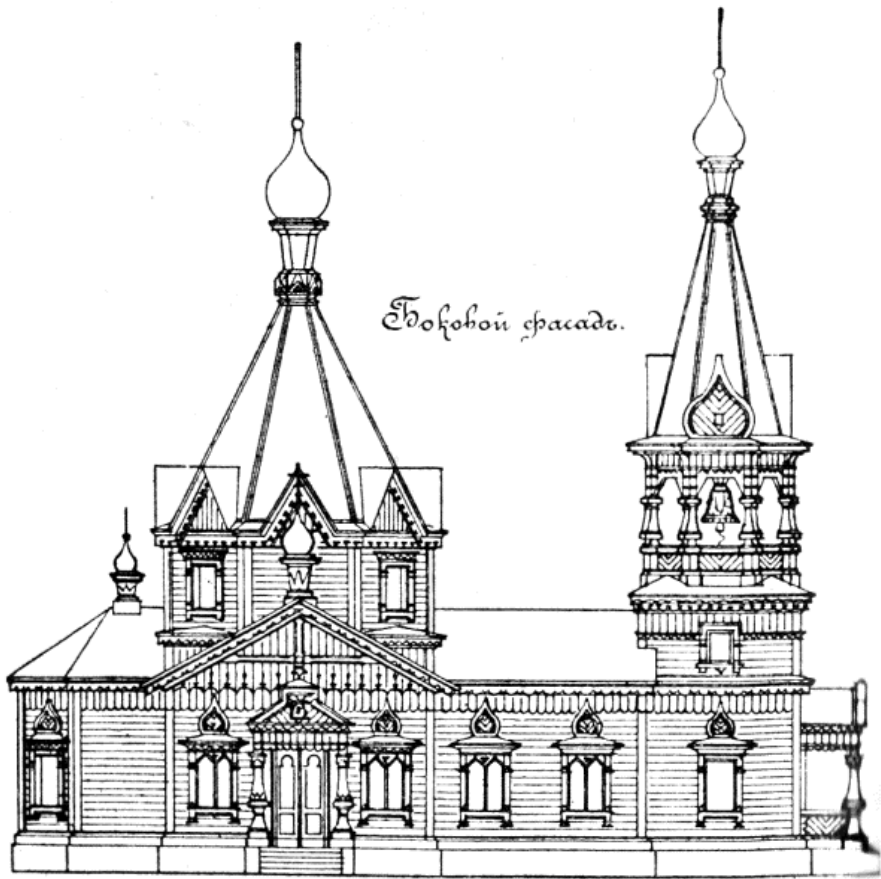
(подпись)

1912 года ноября 14 дня²⁴.

С новым председателем, вернее с его избранием, а также и с избранием его товарища, возникли некоторые проблемы. Причиной стали шесть человек, которые на собрании 25 декабря 1912 года во время очередных выборов проголосовали против. Они написали жалобу в Губернское правление, где объявляли избранных председателя и товарища председателя недостойными личностями, ведущими предосудительный и нетрезвый образ жизни и т.п. Однако Губернское правление все же утвердило председателем крестьянина Дмитрия Зайцева. Товарищ же председателя Галкин утвержден не был, ввиду неправильной процедуры его избрания²⁵.

21 ноября 1914 года председателем Угорнослободской общины был избран Федор Игнатьевич Горин²⁶.

28 июля 1919 года был заключен договор между старообрядческим обществом деревни Угорная Слобода и советскими властями Егорьевского уезда о пользовании верующими их прежним молитвенным зданием²⁷. В приложенной к договору описи имущества Угорнослободской старообрядческой общины значится «выстроенный из дерева на кирпичном фундаменте» обитый тесом храм святителя Николы. Его верх согласно описи имел одну главу, крыша его была обита железом. Весь верх, включая главу, был выкрашен зеленой краской. Длина храма с алтарем составляла 20 аршин, ширина – 12 аршин. Высота внутри – 6 аршин в части без купола и 10 аршин под куполом. Снаружи вместе с куполом и крестом храм достигал высоты 20 аршин. Внутри здания находились две печи-голландки. Окон имелось по три на каждой стене и два в алтаре. Входная дверь у здания была всего одна. Церковь окружала ограда с кирпичными столбами и деревянным «барьером», обитым железом. «Барьер» был покрашен зеленой краской, а столбы – белой. Оценочная стоимость храмового здания составила 2000 рублей. При храме значились

Проект храма въ сл. Угорной, Рязанской губ.

Проект храма в д. Угорная Слобода. Рисунок из журнала «Церковь»

деревянные паперть и колокольня высотой 18 аршин (с крестом). На колокольне висели колокола: 1-й – 42 пуда 14 фунтов, 2-й – 2 пуда, 3-й – 1 пуд, 4-й – 31 фунт, 5-й – 20 фунтов.²⁸

В архиве старообрядческой Митрополии на Рогожском кладбище в Москве сохранился «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, на нужды Архиепископии по управле-

нию Московской епархии на время с 1-го июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.». Согласно этому документу, в Елкинском старообрядческом благочинии фигурирует и Угорнослободский приход, где священствует отец Евстигней Тюрин²⁹.

Судьба последнего настоятеля угорнослободской старообрядческой церкви Поликарпа Васильевича Тарасова, «колхозника, бывшего старообрядческого священника» 1872 года рождения оказалась трагической. 20 марта 1938 года его расстреляли на печально известном Буттовском полигоне.

Тогда же, в начале 1938 года, власти закрыли и Никольский старообрядческий храм. В нем, согласно официальным сведениям, был устроен сельский клуб.

В сведениях о старообрядческих молитвенных зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, хранящихся в фонде уполномоченного Совета по делам культов Центрального архива города Москвы (ЦАГМа), в деревне Угорная Слобода, входившей уже в состав Коломенского района, значится моленная, помещение которой занимает клуб³⁰.

Однако, по рассказам старожилов, старообрядческая церковь прекратила свое существование задолго до этого. Перед началом Великой Отечественной войны ее в Угорной Слободе уже не было.

1. Рябцев М., священник. Раскол в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник. Рязань, 1899. № 1. С. 2–3, 7–8; № 2. С. 115;

2. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;

3. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 4. Д. 3507. Л. 2;

4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об. – 27;

5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л. 30 об. – 31;

6. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 4. Д. 3507. Л. 1–20 об.;

7. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1867. № 4. С. 90;

8. Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868;

9. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2285. Л. 1–13 об.;

10. Прибавления к «Рязанским епархиальным ведомостям», 1890. № 21. С. 132;

11. Рябцев М. К летописи раскола в Макшеевском приходе... С. 271;

12. Рябцев М. Раскол в Макшеевском приходе... № 2. С. 113–114; Рябцев М. К летописи раскола в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник, 1902. № 3. С. 271–272;

13. Там же. С. 273–274;

14. Миссионерский сборник, 1894. № 5. С. 445;

15. Рябцев М. Раскол в Макшеевском приходе // Миссионерский сборник, 1899. № 2. С. 115;
16. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 20. Л. 1–9 об.;
17. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 29. Л. 5–12;
18. Церковь, 1908. № 33. С. 1049;
19. Церковь, 1909. № 20. С. 668;
20. Церковь, 1909. № 10. С. 351;
21. Церковь, 1910. № 45. С. 1123;
22. Церковь, 1909. № 30. С. 911;
23. Церковь, 1911. № 28. С. 684; ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 29. Л. 53;
24. Там же. Л. 95;
25. Там же. Л. 99;
26. Там же. Л. 133;
27. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 414;
28. Там же. Л. 416–416 об.;
29. Копию данного документа в 2003 году любезно предоставил автору пресс-секретарь старообрядческой митрополии А.В. Знатнов;
30. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

8. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ В ДЕРЕВНЕ ПОПОВКЕ (ныне поселке Октябрьское Коломенского района)

Большая деревня Поповка, располагавшаяся в юго-западном углу Егорьевского уезда Рязанской губернии недалеко от границы с Коломенским уездом Московской губернии, считалась прежде одним из локальных центров староверия. Судя по всему, изначально староверие попало сюда из относительно близких Коломны и Гуслиц. Мы склонны полагать, что старообрядчество Маливского (д. Поповки и Зарудни) и Макшеевского официально-православных приходов Егорьевского уезда имело в целом сходную историю.

Старообрядцы всегда составляли большой процент населения Поповки, так что здесь, скорее всего, довольно рано возникла общественная моленная. Можно представить себе — очень приблизительно, — когда было возведено первое ее здание: вероятно, это произошло не позднее середины XVIII столетия. Мы не знаем, к какому согласию принадлежали молившиеся в нем староверы. В начале XX века здесь имелись представители трех толков (не считая единоверцев), да и раньше, как это следует, например, из материалов за 1840-е годы, конфессиональный состав населения Поповки и окрестностей был весьма неоднородным.

В списке старообрядческих моленных Егорьевского уезда на 1844 год Поповка не упоминается. Из ближайших к ней фигурируют только моленная в Угорной слободе (к тому времени запечатанная) и другая — в Новопоселках¹. По тем же сведениям в Поповке жили тогда старообрядцы следующих согласий:

– «раскольников, не приемлющих священство, поклоняющихся иконам»: 16 мужчин, 13 женщин;

– «старообрядцев, приемлющих священство»: 16 мужчин, 15 женщин;

кроме того «раскольников, приемлющих священство», — 18 мужчин и 26 женщин;

– «беспоповщинской секты»: 38 мужчин, 24 женщины;

– «раскольников перекрещенной секты»: 23 мужчины, 20 женщин².

Как видим, в селении Поповка на протяжении 1840-х годов проживали старообрядцы четырех или пяти согласий. Разобраться в их чиновничьей классификации непросто. То, что поповцы («приемлющие священство») разделены на две категории, может означать наличие здесь как обычных поповцев, так и лужкан (лужковцев).

Ведь последние проживали в соседнем Макшеевском приходе, что известно по другим источникам. С беспоповцами дело обстоит сложнее. «Перекрещенцами» могли быть обозначены как сами представители перекрещенского согласия, так и другие беспоповцы, которых чиновники к ним приписали. Подобные «приписки» случались довольно часто, например, в Западной Мещёре чиновники духовного и полицейского ведомств (как московские, так и рязанские), которые вели дела по старообрядцам, постоянно записывали в «перекрещенцы» или федосеевцев, или филипповцев. Последние группы нередко оказывались в роли других категорий беспоповцев, которых малосведущие бюрократы не различали. Что касается беспоповцев, населявших Поповку, то среди них могли быть как федосеевцы и филипповцы, так и спасовцы, которые известны в окрестностях Егорьевска и сопредельных местностях.

Впоследствии конфессиональная картина местного старообрядчества менялась в сторону преобладания обычных поповцев. Суммируя приведенные числа, видим, что в 1844 году в деревне Поповке жило 75 старообрядцев-поповцев и 134 представителя беспоповского мира. С численностью и идентификацией согласий, конечно же, происходила путаница, однако, судя по немалому числу представителей любого из согласий, у каждого из них должна была быть своя моленная, по крайней мере домовая. Скорее всего, чиновники просто не заметили этого.

До 1879 года место погребения усопших старообрядцев Поповки находилось там же, где было никонианское кладбище, — рядом с приходской церковью села Малива, что от Поповки в четырех верстах. По пути туда были две речки — при деревне Мостки и при самом Маливе, которые весной разливались, создавая трудности с переносом тел усопших. Кроме того, старый некрополь со временем переполнился. Эти обстоятельства, а также изданный 21 февраля 1879 года циркуляр рязанского губернатора о переводе всех кладбищ, расположенных в центре и вблизи селений, на новые места, заставило поповских старообрядцев просить об отводе для их захоронений нового участка, который был уже присмотрен в одной версте от деревни.

Приговор о выделении земли под новое старообрядческое кладбище крестьяне Поповки составили еще 21 марта 1878 года. Их инициатива не встретила препятствий ни со стороны уездного исправника, ни в Рязанской духовной консистории. Таким образом у поповских староверов появилось новое место погребения³. Относительно размещения могил поповцев и беспоповцев как на прежнем,

так и на новом кладбище, стоит отметить, что повсюду согласия располагали своими собственными площадками. При этом «поповскую» и «беспоповскую» части кладбища в первой половине XX века разделяла лишь простая изгородь.

Не подлежит сомнению, что, по крайней мере к началу XX столетия, в селении Поповка Егорьевского уезда имелось несколько старообрядческих моленных; вскоре здесь появился также и единоверческий храм.

Троицкая моленная Белокриницкого согласия

У нас нет прямых документальных свидетельств существования старообрядческих моленных деревни Поповки в ранний период. На протяжении большей части XIX столетия моленные деревни не отмечались в официальных бумагах. (Однако есть косвенные основания полагать, что они здесь были; об этом подробно говорилось выше.)

В сведениях о старообрядцах Егорьевского уезда за 1847 и 1848 годы, которые мы нашли в архиве, названы восемь моленных мест, но деревни Поповки среди них нет⁴. Нет ее и среди данных за 1857 год⁵. Возможно, жители Поповки и соседней с ней Зарудни были ориентированы на моленные в ближайших Угорной слободе и Комлеве; возможно также, что местной моленной долгое время удавалось существовать, не привлекая к себе внимания властей. По состоянию на 1899 год, как следует из опубликованной в «Календаре Рязанской губернии на 1905 год» заметки И. Проходцова, в деревне Поповке Егорьевского уезда находились две моленные, в одной из которых мы без труда узнаем молитвенное здание «старообрядцев, приемлющих священство»⁶. Таким образом, первое упоминание об этой моленной датируется рубежом XIX–XX столетий.

16 марта 1908 года старообрядцы белокриницкого согласия – прихожане Троицкой моленной, что тогда уже была в Поповке, составили прошение в Рязанское губернское правление с просьбой зарегистрировать общество под наименованием «Троицкая старообрядческая община». Простение было подано уполномоченным крестьянином той же деревни Тимофеем Сергеевым Брысиным.

Общество было зарегистрировано, и уже 26 декабря 1908 года собралось на свой первый сход. Из 59 учредителей явились 26 человек. Председательствовал Т.С. Брысин. Собравшиеся приняли в общину еще двенадцать человек и, что самое важное, избрали свой совет. Приведем здесь состав этого совета.

Председателем общины избран Андрон Петрович Иванов;
товарищем председателя — Никон Иванович Евстигнеев;
казначеем и церковным старостой — Тимофей Сергеевич Брысин;
делопроизводителем — Парфен Васильевич Брысин;
членами совета: Павел Иванович Волков;
Алексей Федосеевич Ерофеев;
Федор Алексеевич Матушкин;
Ефим Иванович Евстигнеев;
Наум Егорович Брысин;
Тимофей Григорьевич Ерофеев;
Иван Кузьмич Птицын;
Зиновий Иванович Волков;
Антон Васильевич Брысин;
Филат Михайлович Чернов.

Для проверки отчетности совета общины (т.е. членами ревизионной комиссии) были выбраны:

Тимофей Савельевич Брысин;
Иван Иванович Лавров;
Петр Сергеевич Брысин.

В случае закрытия общины ее имущество должно было поступить в собственность всех старообрядцев белокриницкого согласия деревни Поповки.

Кроме того, было решено построить в деревне вместо прежней моленной старообрядческий храм во имя Святой Троицы. Обязанности, связанные со строительством, изыскание средств и пр. возложили на избранный совет⁷.

Решение о строительстве храма было принято на собрании общины 28 июля следующего 1909 года. Еще через несколько месяцев, 5 октября совет поповской белокриницкой общины составил надлежащее прошение в Рязанское губернское правление, с приложением плана. Храм собирались возводить деревянный, размерами 12x15 аршин, высотой 16 аршин (это размеры «без алтаря и паперти»). Алтарь же предполагалось пристроить «выпуклый, полукруглый». Паперть также намечалось пристроить, основав ее на прочном фундаменте, дабы можно было на нем позже соорудить колокольню. Впрочем, каменный фундамент закладывался для всего храма. Строительное отделение Рязанского губернского правления утвердило представленные чертежи 5 декабря 1909 года⁸.

Участок под строительство был выделен приговором крестьян деревни Поповки еще 11 марта 1909 года. Но это решение не про-

шло в жизнь, и в итоге для храма определили другое место. По сведениям Рязанской духовной консистории, в Поповке возник спор из-за общественной земли, предназначенной старообрядцами под их храм. Местные православные не захотели, чтобы столп староверия утвердился посреди их общей деревни. Епископ Рязанский Димитрий (никонианской конфессии) также забеспокоился, что немногочисленные поповские никонианские будут подвергаться притеснению со стороны старообрядческого большинства. В конце концов, храм был построен на окраине селения. Произошло это уже после 1912 года⁹.

Вновь зарегистрированная община, согласно законодательству, должна была вести метрические книги, и вскоре власти потребовали их предъявления. При этом возникло некое недоразумение: совет заявил, что представить собственные метрики не может, так как по традиции они велись в Угорной слободе¹⁰. Очевидно, поповские старообрядцы по-прежнему смотрели на тамошний храм, как на свой духовный центр. В самой же Поповке в это время еще не было священника, вместо которого имелся «наставник» Карп Гулин. Возможно, что длительное наличие здесь наставника, при отсутствии попа, говорит о сохранении беспоповских традиций у местных белокришников.

Священник для Троицкой общины Поповки был выбран на общем собрании только 17 ноября 1913 года. Им стал уроженец деревни Агрызково Федор Марков Ширяев, 39 лет от роду, рукоположенный в сан епископом Рязанским и Егорьевским Александром. До посвящения он работал прядильщиком на фабрике Хлудовых в Егорьевске. Рязанское губернское правление утвердило Ширяева настоятелем Поповской общины 11 января 1914 года¹¹.

В 1919 году в Егорьевском уезде советская власть провела регистрацию религиозных обществ, заключив с ними договоры. С Троицкой старообрядческой общиной белокришницкого согласия (в деле – просто «старообрядческой») договор был составлен 26 июля того же года. К документу прилагалась опись имущества общины, составленная 1 марта 1919 года. Троицкая старообрядческая община деревни Поповка, судя по этой описи, имела: храм деревянный, с одним алтарем, без приделов, длиной 21 аршин, высотой (с главой) 19 ½ аршин, шириной 12 аршин, с 8 окнами, из которых 2 – в алтаре, да двумя дверями: входной и внутренней. При храме имелась паперть. На сооружении возвышалась одна глава, колокольня и колокола отсутствовали. Внешние стены были окрашены краской. Внутри (в храме и в алтаре)

находились две печи. Никакой ограды составители переписи не отметили. Храм была оценен в 3000 рублей¹².

Как мы уже сообщали прежде, в старообрядческой Митрополии на Рогожском кладбище сохранился «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию на нужды Архиепископии по управлению Московской епархией на время с 1-го июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.». В этом документе в Елкинском старообрядческом благочинии назван Поповский приход, где священствовал отец Иоанн, фамилия которого вначале была написана Баусин, а затем зачеркнута и переправлена на Мокеев¹³.

Старожилы деревни Поповка рассказывали, что белокриницкий храм находился в конце селения, через дорогу от единоверческой церкви. Он был, как мы уже выяснили по архивным документам, деревянным. При нем находился домик для священника, в котором часто оставались на ночь дети, говея перед причастием. Жители деревни в начале 2000-х годов еще помнили, что до 1925 года здесь служил отец Георгий, в том году умерший. Но Иоанна Мокеева (Баусина), чье имя известно из «Подписного листа», старожилы не помнят. По их словам, после (отца Георгия) приезжали к ним священники, но их сразу же арестовывали. Из старообрядческих священников в памяти народной сохранился еще о. Федор Илюхин; он был родом из Саратова, куда после и уехал.

Старожилы сообщили также, что у о. Георгия была дочь, которая в последнее время проживала в г. Коломне. Умирая, она пожертвовала полдома старообрядческой церкви. Сейчас эту половину занимает нынешний настоятель церкви Николы на Посаде (первого старообрядческого храма Коломны, что был закрыт в начале 1930-х годов и вновь открылся в начале 1990-х).

В сведениях о недействующих старообрядческих храмах Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года из фонда уполномоченного Совета по делам культов Центрального архива города

Печать священника
Фёдора Ширяева из д. Поповка

Москвы (ЦАГМа), фигурирует и старообрядческая (надо понимать — белокриницкого согласия) моленная в Октябрьском, как стала называться Поповка, вошедшая в состав Коломенского района. Летом 1945 г. моленная в культовых целях не использовалась¹⁴. Вскоре здание было разобрано; сейчас на этом месте стоит одинокий частный дом.

Троицкая моленная федосеевского согласия

Разобраться с конфессиональными различиями как самих беспоповцев, так и их моленных нелегко, поскольку в документах конца XIX — начала XX веков все они именуются просто «беспоповцами». То, что беспоповцы д. Поповки не были единым согласием, следует из источника 1844 года. В предыдущих главах уже доказывалось, что федосеевцы появились на егорьевской земле сравнительно поздно, начиная с 1820-х годов. Поэтому возникновение здесь их общественной моленной нужно датировать, самое раннее, 1820 годом. Впрочем, долгое присутствие в Поповке федосеевцев отразилось в официальных документах чрезвычайно слабо.

Две старообрядческие моленные д. Поповки в известных нам источниках появляются лишь к концу XIX века. О том, что в 1899 г. в Поповке находились два старообрядческих молитвенных дома, говорится в цитированной выше статье И. Проходцова, опубликованной на страницах «Календаря Рязанской губернии на 1905 год». Одной из моленных была та, что принадлежала белокриницкой общине (о ней мы только что рассказали). Другая моленная, очевидно, принадлежала беспоповцам, а точнее — верующим федосеевского согласия¹⁵.

У нас есть данные, позволяющие уверенно предполагать большее старшинство второй моленной. В одном из миссионерских отчетов о делах в Поповке за 1890 год встречается имя «уважаемого всеми наставника и начетчика» Максима Ермолаева Ермакова, представителя беспоповцев «по Преображенскому кладбищу»¹⁶. Если местная община федосеевцев имела в его лице своего наставника, то, без сомнений, должна была пользоваться и собственной моленной. В целом неудивительно, что оба старообрядческих учреждения долгое время оставались для внешних наблюдателей в тени. Мрак неизвестности легко объясняется повседневной скрытностью и замкнутостью, особенно характерной для беспоповцев дальних углов.

В 1907 году в Рязанское губернское правление обратился уполномоченный от «крестьян-старообрядцев старо-поморского согласия»

Андрей Иванович Брысин. (Он не был близким родственником того Брысина, что был упомянут выше как представитель белокрыницкой общины. В Поповке Брысины — одна из самых распространенных фамилий.) Андрей Иванович представил в строительное отделение Губернского правления проект пристроек к молитвенному дому. Проект был вроде бы утвержден, но с его воплощением возникли проблемы. Согласно резолюции канцелярии губернатора от 15 декабря 1907 года, через Егорьевское уездное полицейское правление было предписано объявить Брысину, что «настоящее ходатайство Губернатор может разрешить лично, согласно п. 4 отдела 1-го Именного Высочайшего Указа от 17 октября 1906 года, в том только случае, если оно будет исходить от общины, порядок учреждения которой изложен в п. 7 и 8 приведенного Указа, а так как ходатайство это возбуждено не от общины, то таковое должно быть представлено на рассмотрение Министра внутренних дел...»¹⁷. К сожалению, в деле отсутствуют чертежи, но, судя по всему, храм проектировался обычного вида, с главой и колокольней. После закона 17 октября 1906 года старообрядцы получили право возвести подобное сооружение. И, похоже, необходимые для этого бюрократические процедуры были ими в конце концов успешно пройдены.

Так или иначе, в начале XX века федосеевцы деревни Поповка уже имели полноценное церковное здание. Внешние стены его были оштукатурены, что известно как по рассказам старожилов, так и по документам. В 1919 году беспоповская (т.е. федосеевская) община была зарегистрирована новыми властями, и 26 июля заключен договор об использовании этой общиной её молитвенного дома¹⁸. Наряду с договором, в архивном деле имеется опись имущества федосеевской общины от 26 февраля 1919 года, где подробно рассматривается и само сооружение, и то, что в нем находилось:

1. Храм деревянный, оштукатуренный с наружной и внутренней стороны, разделенный внутри капитальной стеной на два отделения, с тремя окнами, двумя наружными и тремя внутренними дверями, двумя простыми кирпичными печами. Размер храма — 18 аршин в длину и 10 аршин в ширину, высота 15 аршин (с главой). При нем колокольня, надстроенная на задней части храма, высотой 20 аршин (от земли, с главой), и паперть, длиной и шириной 4 аршина, высотой 7 аршин. Главы храма [их было две — над самим храмом и колокольней] выкрашены, кресты на них вызолочены. Ограда при храме простая, деревянная. Храм застрахован в Петроградском страховом обществе в 1913 году на сумму 5000 рублей.

2. На передней наружной стене здания — икона Спасителя, которую составители описи оценили в 150 рублей.

3. На колокольне храма колокола: первый весом 53 пуда, второй — 20 пудов, третий — 4 пуда 28 фунтов, четвертый — 2 пуда, 14 фунтов, пятый — 1 пуд 12 фунтов, шестой — 29 фунтов, седьмой — 25 фунтов. Весь звон ценой 1503 рубля.

4. При храме деревянная сторожка с одним окном и одной дверью, размером 5 х 5 аршин ценой 200 рублей.

При Троицком беспоповском храме ни алтаря, ни приделов не было. По двум отделениям здания в описи перечислен целый ряд икон и других предметов.

В 1-м (главном) отделении был иконостас в три яруса, общей стоимостью 600 рублей. В нижнем его ярусе располагались иконы Спасителя, Воскресения Христова, Св. Троицы, Николы Чудотворца, Преп. Варлаама Хутынского. Второй ярус заполняли еще 10 икон (не указано, какие именно), третий — 9 икон. По сторонам от иконостаса было устроено два клироса, где висели еще 8 икон. Здесь же хранились две хоругви, каждая со своей иконой (итого еще две). Упомянуты и деревянный крест «на тамбуре», помещавшийся, скорее всего, перед иконостасом, и два металлических аналоя, на которых лежали еще две иконы. Помимо того, в описи учтены и пять деревянных аналоев. В первом отделении висело также двухъярусное медное позолоченное паникадило, и было десять медных подсвечников. Также не забыты: свечной ящик, стенные часы в футляре, «ручное медное кадило», три стенные лавки, деревянная лестница.

Иконостас второго отделения храма был двухъярусным. В описи поименованы иконы первого яруса: Благовещение, Богоявление, св. Апостола Петра, св. Апостола Павла. Во втором ярусе находились девять не перечисленных в документе икон. У прохода через капитальную стену стоял деревянный крест. Прочую утварь второго отделения составляли пять металлических подсвечников, деревянный аналой, четыре деревянные стенные лавки и выносной фонарь. Наконец, на паперти висела икона с лампадой, стояли деревянная скамья и два деревянных столика.

По мнению составителей описи, ничто из находившегося в Троицком беспоповском храме художественной ценности не имело¹⁹.

Поповские старожилы запомнили, что федосеевская моленная находилась в очень низком и сыром месте. Во время сильных дождей и паводка, чтобы к ней пробраться, приходилось пользоваться настилом из досок. Никого из посторонних беспоповцы в свой священный дом

не пускали. Закрыт он был в начале 1930-х годов, почти одновременно с белокрыницким и единоверческим храмами той же деревни.

Среди недействующих старообрядческих молитвенных зданий по состоянию на 1 июля 1945 года в поселке Октябрьское Коломенского района фигурирует и (бывшая) беспоповская моленная, где размещалось зернохранилище²⁰. Колокольня церкви какое-то время использовалась как пожарная вышка. Но находившаяся в низине деревянная конструкция без должного ухода настолько быстро пришла в негодность, что вскоре развалилась. Видя ветхость сооружения, местные жители предчувствовали падение. Детей, которые бегали гулять в низину, родители ругали за это: мол, смотрите, обвалится колокольня! По воспоминаниям старожилов, в 1948 году у здания рухнула западная часть с колокольней; обрушению способствовал сильный ветер. Развалины сразу же были разобраны, а материал использован для постройки скотного двора (в настоящее время не существует).

Беспоповская Троицкая моленная находилась на задах, за нынешними домами № 60 и 62 (по словам старожилов — за домом Ю.И. Скачковой-Губановой) поселка Октябрьское. После ее закрытия оставшиеся в Поповке федосеевцы ездили молиться в Москву на Преображенку, в «рядом с рынком церковь».

Моленная филипповского согласия

Относительно этой моленной сведения крайне скудны и отчасти противоречивы. Ее посвящение, скорее всего, было таким же, как и у других моленных Поповки — Троицким. Определить время ее возникновения весьма затруднительно.

Источники первой половины XIX века, которые мы уже цитировали выше, говоря о беспоповцах этого селения, не разделяют последних на федосеевцев и филипповцев. Возможно, до какого-то времени беспоповская община была единой и раскололась позже. Тогда-то (не ранее второй половины XIX в.) и могла появиться филипповская моленная. В связи с тем, что филипповцы даже в начале XX века по-прежнему не шли на регистрацию, в архивах документов об их моленной не найти. Сведения о самих филипповцах в Поповке получены нами от их одноверцев из деревни Кладьково, находившейся до 1980-х годов в нынешнем Воскресенском районе (ранее — относившейся к Бронницкому уезду). По их словам, в Поповке жили всего несколько семей «христиан» (т.е. филипповцев), и при этом у них была каменная (!) моленная. Наши информаторы не поясняли, пред-

ставляла ли она собой отдельное здание или же была частью жилого дома. У федосеевцев, т. е. основной части местных беспоповцев, а также у белокринишников на протяжении XX столетия имелись моленные только из дерева. В 1915 году в Поповке выстроили каменную (кирпичную) церковь для единоверцев, но спутать их с филипповцами невозможно.

Столь кратким свидетельством исчерпывается наше знание о предмете. Дальнейшая судьба моленной также неизвестна. Поскольку она функционировала подпольно, никаких данных о ее закрытии нет, и проследить ее судьбу невозможно. Старожилов, которые могли бы еще что-то рассказать, в Октябрьском не осталось.

Троицкая единоверческая церковь

В начале XX столетия в Поповке появилась община единоверцев, возникшая в результате признания некоторой частью местных староверов господствующей иерархии. Известно, что первые поповские единоверцы были поначалу прикреплены к Спасо-единоверческой церкви соседнего уездного центра – г. Зарайска, оказавшись в ее приходе согласно распоряжению епархиального начальства в 1903 году²¹. Единоверческая церковь в Зарайске, существовавшая с 1850-х годов*, долгое время являлась единственным приходским центром данного исповедания на всю Рязанскую епархию. Впрочем прежде, чем в Поповке построили новый храм (1915), ситуация изменилась: было решено устроить здесь единоверческую миссионерскую церковь-школу, быстро преобразованную в самостоятельный приход.

18 ноября 1911 года Святейший Правительствующий Синод, согласно указу Его Императорского Величества, заслушал рапорт бывшего Преосвященного епископа Рязанского Никодима от 29 июля того же года за № 4 526, где тот ходатайствовал об открытии самостоятельного прихода при новоустроенной единоверческой церкви-школе в деревне Поповке Егорьевского уезда. Указом на имя преемника епископа Никодима, епископа Рязанского и Зарайского Димитрия за № 16 004 было постановлено: «В удовлетворение настоящего ходатайства рязанского епархиального начальства, Святейший Синод определяет: 1) при новоустроенной единоверческой

* Церковь Спаса Нерукотворного Образа в Зарайске – изначально единоверческая церковь, была построена в 1856 г., до нашего времени не сохранилась.

церкви-школе в деревне Поповка Егорьевского уезда открыть самостоятельный приход и штатную вакансию священника и 2) назначить на содержание священника новооткрываемого прихода по триста рублей в год, с отнесением сего расхода со дня замещения вакансии, но не ранее 1912 года, на счет кредита, ассигнуемого из казны на содержание городского и сельского духовенства...»²².

Место священника при единоверческом приходе в Поповке оставалось вакантно до середины следующего 1912 года, когда на него был рукоположен крестьянин села Явлей Алатырского уезда Симбирской губернии Григорий Безукладнов²³.

Новый приход не обошли стороной некоторые неприятные события. 4 декабря 1912 года со звонницы Троицкой церкви был похищен колокол весом в 10 пудов и стоимостью 200 рублей²⁴. Преступники так и не были пойманы, но похоже на то, что этот самый колокол впоследствии оказался у одной из старообрядческих общин в не столь уж далеких Гуслицах. В продолжение криминальной темы приведём еще один пример, позаимствованный из статьи в «Рязанских епархиальных ведомостях» за 1913 год. В ночь на 13 ноября неизвестные злоумышленники покушались на кражу из летней церкви села Ивановского, того же Егорьевского уезда, но вовремя были замечены церковным сторожем, который заставил их бежать, бросив орудие преступления — лом. На первый взгляд взломщики старались зря: на дворе стояло уже холодное время, и служба велась в зимнем храме, так что из летнего были вынесены все предметы утвари и прочие ценности. Впрочем, золото и серебро, возможно, злоумышленников не интересовали. Скорее всего, похитить хотели либо антиминс, либо частицу мощей мученика Космы в иконе, которая была пожертвована архиепископом Волынским Антонием как раз для единоверческой церкви в Поповке²⁵. И здесь возникает вопрос: что делала означенная икона с частицей мощей в Ивановском (кстати, не рядом с Поповкой), в то время как Троицкий единоверческий приход уже более года имел своего постоянного священника, и в нем регулярно проводились службы? Одна из возможных догадок состоит в следующем: поповские единоверцы хранили предназначенную для них святыню в Ивановском, пока еще не был окончательно обустроен их храм, и на момент несостоявшейся кражи не успели ее забрать. Также может быть, что, памятуя случай с колоколом, единоверцы боялись за судьбу остального церковного имущества, и потому скрыли свою главную святыню в другом храме, где она, по их мнению, находилась в безопасности. Последняя версия кажется более вероятной, поскольку единоверче-

ская община Поповки была малочисленной, находилась фактически во враждебном окружении старообрядцев, и в случае серьёзного покушения не могла оказать достойного отпора.

В издававшемся в Рязани журнале «Миссионерский сборник» за 1915 год мы нашли небольшое упоминание о единоверческой церкви в Поповке. Она была (наряду с зарайской Спасо-единоверческой) одной из двух церквей этой конфессии, имевшихся в Рязанской епархии. Священником здесь по-прежнему значился о. Григорий Никитин Безукладнов. В его приходе числилось всего 32 души прихожан. Автор сообщения, епархиальный миссионер священник Григорий Страхов, оптимистично замечал, что дело единоверия в этом глухом углу только начинается, «но по некоторым неблагоприятным обстоятельствам обстоит не так, как бы нужно»²⁶.

1917 год, судя по всему, Троицкий единоверческий приход Поповки встретил спокойно. 26 июля 1919 года, в один день с другими согласиями той же деревни, община Троицкого единоверческого храма заключила с Егорьевским Советом договор на пользование своим же культовым зданием²⁷.

Но вскоре у единоверцев начались трудности. В 1923 году Троицкий храм оказался на грани закрытия. В Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) сохранилось несколько документов переписки, касающейся притязаний заведующего поповской сельской школой, просившего передать подведомственному ему учреждению здания самого храма и церковного дома. Из церковного дома следовало при этом выселить сына священника Терентия Васильевича Птицына, который должен был перебраться к своему отцу. Дело рассматривалось, судя по датам на бумагах, в октябре-ноябре 1923 года. Заведующий школой претендовал также и на церковное имущество, которое он планировал употребить на нужды учебного заведения. Свое ходатайство он подкрепил протоколом общего собрания жителей соседней деревни Мостищи от 4 ноября. Вообще, бороться с единоверцами Поповки было, по видимому, довольно легко, поскольку они оставались чужаками как для старообрядцев, так и для представителей господствующей православной веры, с которыми, казалось бы, пребывали в одной юрисдикции. Именно поэтому даже в 1923 году, когда притеснять церковь в сельской глубинке все еще могло быть опасно, собрать антиединоверческий сход и необходимые подписи было не так уж сложно. И тем не менее, заведующему школой не удалось достичь своей цели и закрыть храм. В этот раз единоверческие прихожане, во главе со своим

священником о. Василием Птицыным, смогли отстоять то, что им принадлежало²⁸.

Согласно рассказам старожилов деревни Поповки, Троицкую единоверческую церковь закрыли «с началом колхозного времени», т.е. где-то к началу 1930-х годов. Каких бы то ни было подробностей этого события потомки старообрядцев, равно как и выходцы из православных семей, не запомнили. Но есть другой источник информации. В книге игумена Дамаскина (Орловского), посвященной исповедникам РПЦ XX столетия, приводятся данные о последнем настоятеле Троицкого храма — игумене Иоасафе (Шахове). Он был будто бы назначен главой прихода в 1928 году, взамен уже знакомого нам о. Василия Птицына. Что произошло с последним — мы так и не смогли выяснить; возможно, он умер своей смертью, а может быть, его репрессировали. Вероятно, ему на смену в Поповку и был направлен тогда еще иеромонах Иоасаф, который не имел никакого — ни старообрядческого, ни единоверческого — прошлого. Почему столь неопытного пастыря направили на столь специфический приход, неясно. Скорее всего — за недостатком кадров им просто пытались заткнуть образовавшуюся «дыру». Согласно игумену Дамаскину, в приход Троицкого единоверческого храма входило до 30 деревень. Указанное число кажется фантастическим, поскольку даже в приходах с центрами в Маливе и Макшееве не набиралось столько населенных пунктов. Не исключено, что Иоасаф окормлял территорию нескольких приходов, где на тот момент свои священники отсутствовали. «Ревностный пастырь сразу увидел, что дела в приходе находятся в самом плачевном состоянии, в районе проживает много сектантов, которым не оказывается никакого противодействия со стороны православных. Иеромонах Иоасаф энергично взялся за миссионерскую деятельность, стараясь просветить заблудших, и на этом поприще достиг немалых успехов. Люди стали отходить от сект и возвращаться в православную церковь», — пишет Дамаскин. В 1930 году иеромонах Иоасаф (Шахов) был возведен в сан игумена. 8 марта 1938 года он был арестован и уже 22 марта расстрелян²⁹.

Рассказ о. Дамаскина (Орловского) заслуживает некоторых комментариев. Нет никакого сомнения в том, что под «сектантами» в его тексте подразумеваются старообрядцы. Иных «неправославных» в Поповке и ближних к ней селениях не было. Таким образом, Иоасаф мог оказаться обычным воинствующим мракобесом, для которого было все едино — что баптист или пятидесятник, что хранитель древней русской православной традиции. Причем, надо полагать, с появлени-

ем в Поповке о. Иоасафа единоверие в этом приходе закончилось, так как вряд ли он стал служить по старому обряду, будучи настроен против «сектантства». Не забудем и такое обстоятельство: на протяжении 1920–1930-х годов, в период чудовищного давления со стороны безбожных властей, было множество случаев, когда православные и старообрядцы, даже на уровне приходских лидеров, старались забыть прежние распри, чтобы вместе противостоять воинствующему атеизму. Например, в гжельском селе Игнатьеве, где рядом с каменным храмом сохранялась древняя деревянная церковь, последняя была отдана причтом соседям-староверам, которые остались без собственной моленной. В то же время нередко бывало и так, что старообрядцы или православные активно сводили друг с другом счеты при помощи светской (советской) власти, — в том числе голосуя на сходах за закрытие храмов своих оппонентов. То, что мы знаем об Иоасафе со слов Дамаскина, заставляет предположить скорее второй из указанных типов поведения.

Крайне примечательно, что никто из старожилов Поповки, когда речь заходила про единоверческую церковь, не мог вспомнить никакого Иоасафа. Все дружно называли последним единоверческим священником отца Василия (Птицына). Здесь кстати будет напомнить: местные жители связывали конец поповского единоверческого храма как раз с «началом колхоза». И это может означать, что автор цитированной книги, игумен Дамаскин, перепутал церкви, и Иоасаф служил в каком-то другом приходе и храме. Можно усомниться и в том, что он вообще имел отношение к здешним местам. Мало ли на просторах России деревень с названием Поповка?

Наконец, еще один странный факт: чуть ли не сразу после закрытия Троицкого единоверческого храма в Поповке здание его было разрушено. Почему крепкое кирпичное, относительно новое строение, которое вполне могло быть использовано для хозяйственных нужд, так скоро разобрали, остается непонятным. Не исключено, что сыграла свою роль ненависть старообрядческого большинства жителей деревни к ренегатам от раскола, коими являлись единоверцы.

1. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. – 90;

2. Там же. Л. 33–35;

3. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 6. Д. 11. Л. 1–9;

4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об. – 27; Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л. 30 об. – 31;

5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Д. 51 об. - 53;
6. Проходцов И. Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии // Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 386;
7. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 30. Л. 2-10 об.;
8. Там же. Л. 16, 21, 24;
9. Там же. Л. 27, 29-39;
10. Там же. Л. 47;
11. Там же. Л. 52-53, 69 об., 71 об.;
12. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 429;
13. Копию данного документа автору в 2003 году любезно предоставил пресс-секретарь старообрядческой Митрополии А.В. Знатнов;
14. Центральный архив г. Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11;
15. Проходцов И. Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии... С. 386;
16. Прибавление к «Рязанским епархиальным ведомостям». Рязань, 1890. № 21. С. 132;
17. ГАРО. Ф. 4. Оп. 77, Т. 7. Д. 24, Л. 1-2;
18. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 422;
19. Там же. Л. 424-426;
20. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 11;
21. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1903. № 12;
22. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1911. № 24 (отд. офиц.);
23. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1912. № 14;
24. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1913. № 2;
25. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1913. № 24;
26. Миссионерский сборник. Рязань, 1915. № 12; Приложение «Живое слово». № 18. С. 32;
27. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 403;
28. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 316. Л. 4-10;
29. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Тверь, 2002. Кн. 6. С. 85-87.

9. СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ В ДРУГИХ СЕЛЕНИЯХ ЕГОРЬЕВСКОГО УЕЗДА

Лунинская

В архивных документах за 1844 год, среди восьми моленных Егорьевского уезда, мы встречаем старообрядческую моленную в деревне Лунинской, расположенной севернее Егорьевска. Она значится без престола¹. Трудно судить о том, к какому согласию она изначально принадлежала. В 1840-х годах здесь, согласно официальным сведениям, жили одни поповцы². Но нельзя исключить, что ранее здесь могли жить и беспоповцы-спасовцы, и представители какого-либо другого согласия.

У нас есть предположение о том, кто из старообрядческих духовных лиц окормлял прихожан лунинской моленной в 1830-х годах. В деле 1837 года о моленной гуслицкой деревни Зевнево, расположенной вблизи старообрядческих селений данного угла Егорьевского уезда, упоминается «раскольничий поп Спиридон», живший в то время под надзором в городе Раненбурге, Рязанской губернии*. Этот Спиридон (который уже появлялся на страницах нашего очерка) прежде священствовал в Зевневе, при этом сам он обосновался в деревне Гавриловской, расположенной рядом с Лунинской³.

В сведениях о старообрядцах по Рязанской губернии за 1847–1848 годы моленная в Лунинской все еще упоминается⁴. Когда именно она была разрушена — после чего более не возобновлялась, — нам неизвестно. Согласно данным на 1876 год, в деревне Лунинской, входившей в Егорьевский соборный приход, было 6 старообрядческих дворов, где проживало 25 лиц мужского пола и 22 — женского. Приверженцев официального православия здесь было больше — 16 дворов с 61 мужчиной и 71 женщиной⁵.

Поскольку Лунинская расположена вблизи селений Алёшина и Федуловской, где в более поздний период также отмечено существование старообрядческих молитвенных зданий, — вполне возможно, что местный центр староверия из Лунинской был перенесен именно в них.

* Очевидно, поп Спиридон попал под надзор вследствие политики преследования староверческого духовенства, активно проводившейся в царствование Николая I.

Ефремовская

Стоящая на старом Касимовском тракте деревня Ефремовская расположена неподалёку от гуслицких селений Игнатово и Зевнева. С последней деревней Ефремовская имеет общее происхождение и, более того, когда-то именно она и называлась Зевнево. В результате роста численности населения, значительная часть жителей Зевнева отселилась на территорию волости Гуслицы, «унеся» с собой и старинное название. Деревня же, которая осталась на прежнем месте, получила новое имя Ефремовская. Память о бывшем единстве двух сельских обществ до сих пор хранят местные старожилы.

В документах о старообрядцах Рязанской губернии на 1857 год никакая моленная в Ефремовской не упоминается⁶.

Сведения об интересующей нас моленной есть на страницах дела об устройстве нового молитвенного здания в Егорьевске 1881–1882 годов. Вслед за егорьевцами, обратившимися в 1881 году в Министерство внутренних дел по своим духовным нуждам, таким же образом поступили и старообрядцы из Ефремовской: Трифон и Сергей Липатовы, Иов Парфеньев, Тит Филиппов и другие. Они просили распечатать закрытое прежде сельское молитвенное помещение, находящееся при доме ефремовского крестьянина Липатова. Уездный исправник, которому поручили разобраться в обстоятельствах дела, донес губернатору, что опечатана моленная была потому, что ее в 1880 году устроили без какого-либо разрешения. При этом старообрядцы скрывали место богомолений, замаскировав его под сапожную мастерскую, а между тем собирались в нем по праздникам в числе всех 18 семейств своей общины, не считая хозяев дома.

14 апреля следующего 1882 года канцелярия рязанского губернатора доносила в департамент общих дел МВД, что вопрос о снятии ефремовской моленной с надзора и ее открытии оставлен без последствий, — то есть моленная не получила одобрения губернских властей. Но власти имперские оказались иного мнения, и 11 мая того же года министр внутренних дел указал рязанскому губернатору, что не находит препятствий к совершению старообрядческих богомолений в доме Липатова в деревне Ефремовской⁷.

Моленная деревни Ефремовской упомянута и в «Отчете о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год»⁸.

По рассказам ефремовских старожил, моленная действовала до первой половины 1930-х гг. Она находилась в одном из «прогонов»,

позади крестьянских домов. Престола в моленной не было, и службы проводили деревенские уставщики. Потом ее закрыли и в здании устроили кузницу. К началу Великой Отечественной войны, т.е. к 1941 году, этого сооружения уже не было, — его разобрали.

Федуловская

В деревне Федуловской (рядом с Алёшиным) также существовала небольшая общественная моленная старообрядцев. О ней известно со слов местных жителей, с которыми мне удалось побеседовать в 2002 году. Единственным упоминанием о федуловской моленной в иных источниках является вышеупомянутый «Отчет...» за 1914 год⁹. По рассказам старожилов, культовое здание было небольшое, без престола. Оно принадлежало старообрядцам белокриницкого согласия, хотя в Федуловской к началу XX столетия сохранялись и старообрядцы-спасовцы.

Когда была устроена эта моленная, мы вряд ли сможем узнать. Она, по словам уроженца деревни священника алёшинской церкви Федора Ворожейкина, представляла собой отдельное небольшое деревянное строение, которое находилось за домом Бычкиных, на их дворе. Собрания молящихся продолжались до второй половины 1930-х годов, пока власти не потребовали от семьи Бычкиных закрыть моленную и прекратить отправление старообрядческого культа. Репрессий по отношению к членам этой семьи не последовало якобы потому, что некоторые из них работали на фабрике и считались передовиками.

Упомянутое строение, хотя и сильно перестроенное потомками Бычкиных, было цело еще в 2002 году.

Овчагино

К началу XX столетия в селении проживали старообрядцы белокриницкого согласия, являвшиеся прихожанами моленной в Соколове, а также филипповцы, имевшие здесь свою общую моленную. О последней нам стало известно от филипповцев — выходцев из более не существующей деревни Кладьково Бронницкого уезда (ныне пустошь Кадьково находилась на территории Воскресенского района). По их словам, в Овчагино ходили молиться филипповцы практически со всего Восточного Подмосковья. Моленная находилась в двухэтажном деревянном здании. Когда она прекратила свое существование, — сказать никто не может. Вероятно, это случилось после

1940-х годов. Официально филипповское молитвенное здание никогда не регистрировалось.

Местные филипповцы поддерживали тесные связи со своими однокоренниками в Егорьевске, селениях Егорьевского, а также Богородского (Гуслицы), Бронницкого, Коломенского и Зарайского уездов; есть сведения и о контактах со старообрядцами Коломны и Владимира.

Зворково

Известно, что на рубеже XIX–XX веков в селении Зворкове, расположенном на северо-западе Егорьевского уезда, существовала моленная обществу поморцев. Судя по всему, ею пользовались представители согласия как этой части Егорьевского края, так и соседних Гуслиц. Находилась она при доме поморского наставника Дия Матфиева. Миссионер священник Николай Виноградов, регулярно проводивший в Зворкове собеседования со старообрядцами, дает ее сжатое описание. Моленная была «устроена позади дома со входом из сеней — это маленькая в 4 кв. сажени комнатка, уставленная старинного письма иконами по передней стене со многочисленными лампадами и аналоем для чтения и ручною старинною железною кадильницею; по задней стене висят лестовки и подручники; во всей моленной одно окно, обращенное во двор». Дий Матфиев умер в марте 1900 года, после него наставником в Зворкове был его сын Тимофей Диев, которому, как следует полагать, и перешла моленная¹⁰.

О том, когда возникла упомянутая моленная и какие здания или помещения ей предшествовали, никаких сведений нет. Маленькое поморское общество почти не привлекало к себе внимания полиции и духовенства господствующей церкви (дотолшний о. Виноградов здесь был исключением). Возможно, зворковская моленная прекратила свое существование уже в глубокую советскую эпоху, поскольку была всего лишь комнаткой при обычном жилом доме. Она могла исчезнуть после смерти последнего наставника или начетчика, который там жил. К концу XX столетия поморцев в Зворкове уже не осталось.

Бузяты

К началу XX века в деревне Бузяты, расположенной вблизи Егорьевска, лишь часть населения оставалась верной старообрядчеству. По архивным источникам здесь известны последователи Рогожской (т. е. Белокриницкой) иерархии, которые были прихожанами

Георгиевского храма в самом городе. Но согласно сведениям, полученным от старожилов, в Бузятах находился также духовный центр старообрядцев-мокеевцев (наследников старейшего местного согласия — спасовцев). Где-то здесь у них существовала моленная, устроенная при частном доме. Поскольку мокеевцы были согласием, весьма закрытым для внешних наблюдателей, каких-либо подробностей о месте нахождения их общего богомоления выяснить не удалось. Известно лишь, что моленная не была зарегистрирована и использовалась до тех пор, пока не ушли из жизни последние активные члены общины.

Возможно также, что моленная мокеевцев в Бузятах кочевала из дома в дом, от одного начетчика к другому. До 1940-х годов сюда ходили молиться представители согласия из Егорьевска, окрестных селений, а также из южной части Гуслиц.

Дмитриевцы

В списке восьми моленных Егорьевского уезда, известных по документам на 1844 год, та, что находилась в селе Дмитриевцы, отсутствует. Исходя из следующего ниже рассказа, более чем вероятно, что она просто не попала в поле зрения чиновников духовного и светского ведомств. В том же списке фигурируют моленные в Новопоселках, Комлеве, Угорной слободе, которые находились в относительной близости от Дмитровцев, так что жители села могли ходить туда в праздники. Но для обычных, повседневных богомолений в Дмитриевцах должна была существовать своя (хотя бы домашняя) моленная, поскольку путешествовать за несколько верст чаще, чем раз в неделю, неудобно.

На страницах одного из архивных дел 1847 года мы находим упоминание о моленной в Дмитриевцах. Однако в аналогичном деле 1848 года его уже нет¹¹. Этим же, а затем следующим 1849 годом датировано дело, в котором эта моленная упомянута снова — в связи с тем, что во время эпидемии холеры из нее старообрядцами выносились иконы и хоругви, с которыми ходили вокруг деревни. Такое происшествие не могло не обеспокоить местного православного благочинного, который потребовал, чтобы моленная была уничтожена. Согласно показаниям, воспроизведенным в документе, данное сооружение сильно обветшало, так как стояло уже «около 50 лет». Старообрядцы настаивали, что никаких треб там не совершалось, а служились лишь вечерни, утрени, часы. Однако ни официального разрешения, ни каких-либо иных документов на здание представлено

не было. Егорьевский уездный суд, рассмотрев дело о моленной, вынес решение, запрещающее местным старообрядцам хождение с иконами, а также какой-либо ремонт их культового сооружения. Но закрыта моленная не была¹².

Чуть позже ситуация в Дмитриевцах изменилась. Если ранее это была деревня, входившая в состав прихода села Ивановского, то с некоторых пор здесь был устроен отдельный приход. Старообрядцам пришлось напрямую столкнуться с местным духовенством.

В Государственном архиве Рязанской области хранится дело о нанесении старообрядцами села Дмитриевцы оскорблений местному приходскому православному священнику, так как последний попытался «освидетельствовать» их молитвенное здание. Дело датировано 1872 годом и находится в фонде Рязанской духовной консистории.

В то время в селе Дмитриевцы насчитывалось 25 дворов старообрядцев, среди которых были и «коренные» старoverы, и те, кто покинул лоно господствующей церкви. По мнению православного духовенства, «отпадения» происходили преимущественно в то время, когда в Дмитриевцах еще не было церкви и прихода. Зато здесь имелась общественная моленная, уничижительно называемая в деле «моленным сараем». Устроена она была без разрешения и функционировала, невзирая на неоднократные запрещения со стороны начальства. «Сарай» примыкал ко двору местного крестьянина-старообрядца: «вход в него в передние и задние ворота двора Павла Власова, а для входа в самый сарай проделано крыльцо с ступенями». Деревянное обитое тёсом сооружение с поновленной кровлей находилось в 200 саженях от церкви господствующего исповедания. В моленную местные старообрядцы собирались по воскресным и праздничным дням, совершали таинства крещения, погребения и др. «Отправляли служение» в ней местные крестьяне Павел Власов, Артемий и Иван Перфиловы. Из старообрядческого духовенства, наезжавшего в Дмитриевцы, в деле названы «какой-то отец Диомид» из гуслицкого селения Чёлохово, а также Артемий из Климова, Бронницкого уезда. Старостой моленной был крестьянин села Дмитриевцы Алексей Захаров. Моленная, судя по материалам дела, существовала в селе и ранее, но была уничтожена по распоряжению властей. Вместо нее старообрядцы установили «моленный сарай», о котором идет речь.

10 апреля 1872 года в Дмитриевцах произошла кульминация конфликта между старообрядческой общиной и священником господствующей церкви. Последний явился к Павлу Власову в сопро-

вождении группы своих прихожан и потребовал, чтобы ему дали «освидетельствовать» моленную. Вместе с десятком сопровождающих попу удалось на короткое время попасть внутрь здания, и описание того, что ему удалось рассмотреть, дает нам возможность судить о том, как моленная выглядела изнутри. В помещении был престол, находившийся у восточной стены, на котором лежало Евангелие в окладе. Там же были устроены клиросы для певчих, было много служебных книг. Восточная стена была наполовину завешана пеленой, а наполовину увешана иконами. Больших икон священник насчитал 47, число же малых сосчитать не успел, так как старообрядцы потребовали от него покинуть помещение.

Подробное описание всех обстоятельств этого дела не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в результате моленная была закрыта, а потом при странных обстоятельствах сгорела. Согласно материалам того же дела, в следующем 1873 году старообрядцы села Дмитриевцы собирались на молитву в доме крестьянина Гавриила Парфенова. Они хотели возродить и общественную моленную, для чего был приобретен деревянный амбар. Но бдительность властей и местного попа не позволили им осуществить свои намерения. В 1874 году старообрядцы все еще молились в частном доме¹³.

Судя по отсутствию информации о моленной села Дмитриевцы за последующие годы, в дальнейшем моление происходило здесь только по домам. Но миссионеры господствующей церкви, похоже, это село запомнили. В одном из номеров старообрядческого журнала «Церковь» за 1909 год напечатана заметка о чуть было не состоявшейся 2 февраля дискуссии между упоминавшимся выше отцом Н. Виноградовым и начетчиком В.К. Литвиновым из Егорьевска. Причиной того, что диспут не произошел, стал обычный ход, который применяли миссионеры против старообрядцев в тех случаях, когда видели, что им предстоит встреча с серьезным оппонентом. О. Виноградов просто не явился в назначенное время, заставив тех, кто собрался послушать богословский спор, несколько часов зря ждать на морозе¹⁴.

В последний раз упоминание о моленной села Дмитриевцы мы обнаруживаем в «Отчете о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год»¹⁵. Как и где происходили моления дмитриевских старообрядцев в последующий исторический период, уверенно определить нельзя. Со слов старожилов известно о какой-то старообрядческой «часовне», стоявшей в начале XX века в деревне Пантелеево, недалеко от Егорьевска. Ее существование подтверждается «Календарем

Рязанской губернии на 1905 год»¹⁶. Однако никаких подробностей о ней мы не знаем.

Возможно, в селениях окрестностей Егорьевска и юго-запада Егорьевского уезда были и другие моленные, но сведений о них до нас не дошло. К примеру, об общественных молитвенных зданиях или помещениях деревень Овчагино, Бузаты, Федуловской в архивах упоминаний нет. Также почти нигде в текстах не фигурирует весьма значительная моленная в Алёшине. Обо всех этих местных духовных центрах мы узнали лишь благодаря рассказам старожилов. Напрашивается предположение, что неизвестные по документам молитвенные помещения имелись и в других деревнях. Но в настоящее время там уже не осталось стариков, которые могли бы что-то рассказать.

Мы практически ничего не смогли выяснить о местах общественных богомолений в восточной части Егорьевского уезда. Никакой архивной информации по этому поводу нами не обнаружено. Скорее всего, местные старообрядцы собирались на молитву в домах своих одноверцев. Вряд ли у немногочисленных и не очень зажиточных групп местного населения были моленные, представлявшие собой отдельные строения.

В районе Коробова старообрядцы жили уединенными маленькими «хуторками», исчезнувшими в ходе раскулачивания. К сожалению, сведения о них уже стерлись из исторической памяти здешних жителей.

В селениях Ялмонти также мало что знают и почти ничего не могут сказать о когда-то живших здесь приверженцах раскола, всегда державшихся особняком. Соответственно, узнать что-либо о местных моленных невозможно. Нам удалось только выяснить, что еще в первой половине XX века в окрестностях деревень Горелово, Пышлицы и других оставались заброшенные старообрядческие кладбища.

1. Государственный архив Рязанской области (далее - ГАРО). Ф. 627. Оп. 235. Д. 337. Л. 1-24;

2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 34;

3. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 17. Оп. 5. Д. 724. Л. 1-6;

4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об.- 27; Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л. 30 об. - 31;
5. ГАРО. Ф. 627. Оп. 135. Д. 3, Л. 13 об. - 14;
6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 401. Л. 31 об. - 32;
7. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2026. Л. 25, 27, 38, 46-47, 48;
8. Отчет о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год // Миссионерский сборник. Рязань, 1915. № 7. С. 6;
9. Там же;
10. Миссионерский сборник. Рязань, 1901. № 2. С. 171;
11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 84. Л. 26 об. - 27; Ф. 5. Оп. 4. Д. 104. Л. 30 об. - 31;
12. ГАРО. Ф. 723. Оп. 1. Т. 2. Д. 1105. Л. 1-64;
13. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л. 89 об. - 90;
14. Церковь, 1909. № 9. С. 318;
15. Отчет о состоянии расколо-старообрядчества и деятельности противораскольнической миссии в Рязанской епархии за 1914 год. С. 6;
16. Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 386.

10. СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ-СКИТ БЛИЗ СЕЛЕНИЙ ТИМШИНО И ДМИТРИЕВЦЫ

Нам неизвестно, была ли развита на территории Рязанской губернии и, в частности, Егорьевского уезда старообрядческая монашеская традиция. Так как все старообрядческие «углы» Егорьевского края появились под влиянием соседних центров староверия относительно поздно, вряд ли здесь изначально существовали монастыри; впрочем, возможно, что какие-то старцы непродолжительное время жили в лесных келейных поселениях.

Самый близкий из крупных старообрядческих монастырей, Троицкий, был основан вскоре после раскола рядом с гуслицким селением Шувое, которое расположено недалеко от Егорьевска. Об этом монастыре мы подробно рассказывали в небольшом издании «История старообрядческого прихода в Шувое»¹. Монашеская община, остатки которой сохранились до середины XX столетия, существенно влияла на формирование старообрядческих обществ окрестных гуслицких и егорьевских деревень.

Теперь же дошла очередь до почти неизвестной обители, которая находилась на границе Егорьевского и Коломенского уездов. Это едва ли не единственное старообрядческое монашеское объединение в пределах Егорьевского уезда, о котором мы имеем какие-то сведения.

Впервые об этом мужском старообрядческом монастыре мне рассказывали жители селений Елкино и Новочеркасская прежнего Коломенского уезда. Они помнили, что монастырь находился где-то между Новочеркасской и селом Дмитровцы, расположенном уже в Егорьевском уезде*. Загадочное место было скрыто в лесу, и о нем почти ничего не было известно. Сколько в нем обреталось насельников, была ли там церковь-моленная, или же моления происходили по кельям, кому был этот монастырь посвящен, — никто ничего не знал. Не было известно рассказчикам и к какому из староверческих согласий принадлежали иноки. По словам новочеркаских и елкинских стариков, обитель прекратила свое существование еще до революции 1917 года.

В следующий раз о монастыре старообрядцев в том же лесу, в районе селений Новочеркасская, Дмитровцы и Тимшино, я услышал от знатока этого уголка Николая Артемовича Захарова, проживающего в поселке Михали к северу от Тимшина. Уже двадцать лет он серьезно и въедливо занимается местным краеведением, и помимо прочего восстанавливает источник Сапину, который почитается в

*В настоящее время – в Коломенском районе Московской области.

этом крае издавна и, похоже, с дохристианских времен. По услышанным Захаровым рассказам, недалеко от Сапины, в лесу возле пруда Галки, был старообрядческий мужской монастырь. Находился он к западу от Тимшина и святого источника. О числе живших там монахов и о других деталях большинство опрошенных жителей ничего сказать не могли.

Старообрядческая часть населения деревни Тимшино, равно как соседних Дмитровцев и Новочеркасской, по крайней мере в начале XX столетия принадлежала к Белокриницкому согласию. Были ли, однако, лесные иноки той же веры — это вопрос. Никто из местных не помнит о каких-либо контактах с монастырской братией. Напротив, старожилы сел Шувое и Нареева, что в Гуслицах, точно знают о связях своих предков с обитателями Троицкого монастыря. Ведь эти последние зачастую и сами были местными крестьянами, ушедшими «на покой» в монастырские кельи; они же занимались отчиткой порчи у мирян и т.п. В Тимшине таких воспоминаний не выявлено. Здесь, наоборот, старики помнят, как во время их детства, когда монастырь ещё существовал, старшие категорически запрещали им к нему приближаться.

По собранным Захаровым свидетельствам, во второй половине 1930-х годов в монастырь прибыли сотрудники НКВД и попросту уничтожили лесное убежище. При этом иноки не были арестованы и вывезены с места обители. Судя по всему, их расстреляли на месте, а трупы бросили в соседний пруд Галку. Местные жители туда старались не наведываться без надобности. Бывший сотрудник Егорьевского НКВД, с которым успел пообщаться Н.А. Захаров, когда речь зашла о закрытии лесного монастыря, сразу разговор прекратил. Все остальные, кто мог хоть что-нибудь знать об этих событиях, также всю свою жизнь хранили тайну.

Позднее, в 1950-е годы, рядом с бывшим монастырем прокладывали какую-то линию и прорубали просеку. Обычно стволы вырубаемых деревьев вывозились, но возле пруда Галки почему-то поступили иначе. Стоявшие по берегам вековые ели просто сдвинули в водоем, окончательно завалив его и превратив в болото. Должно быть, под водой находилось нечто такое, что следовало похоронить окончательно. Сегодня от исчезнувшей обители остался небольшой фруктовый сад на берегу заболоченного водоема.

Потаенная обитель оставила после себя вопросы, которые теперь, вероятно, уже не найдут ответов. Расправа с лесными братьями в 1930-х годах заставляет предположить непримиримую борьбу с чем-то

большим, чем старая вера. Обитель под селением Шувое, например, окончательно исчезла лишь тогда, когда умерла последняя инокиня. Монахи же монастыря, укрытого в лесу, явно знали или скрывали нечто, заставившее власти покончить с ними быстро и почти бесследно.

Добавим, что, скорее всего, в районе Тимшина, Дмитриевцев и Новочеркасской прежде находился не один старообрядческий монастырь. Их могло быть как минимум два, о каждом из которых нам рассказывали старожилы. Не исключено также, что ранее, в начальный период староверия, на пограничье Коломенского и Егорьевского уездов имелся целый монастырский центр, аналогичный тому, который существовал на границе Гуслиц и Патриаршины. К сожалению, архивный материал на данную тему отсутствует.

1. Михайлов С.С. История старообрядческого прихода в Шувое. М., 2010. С. 20-33.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В настоящее время старообрядчество прежнего Егорьевского уезда представляет собой руины былого величия. Из всех культовых мест, упомянутых в нашем обзоре, действует только Георгиевский храм в Егорьевске, возрожденный в 1996 г.

Еще в 1948 году старообрядцам было передано здание бывшей официальной Знаменской церкви в Алёшине, где они сразу же начали свои службы. При этом центре образовался огромный приход, окормлявшийся старообрядческими священниками примерно полстолетия. Однако после открытия храма в Егорьевске алёшинский приход захирел, и в 2007-м алёшинская церковь, обладание которой во второй половине XX века казалось столь важным для подмосковных старообрядцев, была ими потеряна.

Доныне сохранилось строение в Акатове, где прежде была моленная, но никаких действий по ее возрождению старообрядцы с середины прошлого столетия не предпринимали.

После перекройки административных единиц советского времени в составе нынешнего Егорьевского района оказались шесть населенных пунктов соседних Гуслиц: Чёлохово, Горшково, Панкратовская, Гридино, Шувое и Нареево (последнее ныне входит в состав Шувое). Все эти места издавна населялись старообрядцами, причем даже к XX веку разве только в Горшкове и Гридине им пришлось соседствовать с приверженцами официального православия. Здесь же стояли и общественные храмы-моленные. Из них к настоящему времени сохранилась только моленная в деревне Нареево, которая непрерывно функционирует с середины 1940-х годов. Возле деревни Чёлохово, в лесу, причтом и прихожанами егорьевского старообрядческого храма в 2001 и 2003 годах были освящены часовенный знак и часовня у чтимого камня, оставшегося от основания храма древнего Никитского погоста.

На рубеже 1990—2000-х годов все известные старообрядческие общины Егорьевского района окормлялись настоятелем все того же Георгиевского храма, ставшего единственным пастырем для своих однокоренников на всю большую округу. Впрочем, Шувое-Нареево впоследствии было приписано к приходу в гуслицком селении Устьянове, расположенном неподалеку, а затем здесь появился свой настоятель и был восстановлен собственный приход.

Что же касается приверженцев старой веры, то сейчас они занимают лишь части тех селений, где прежде были преобладающей по численности группой. От беспоповцев и беглопоповцев-лужжан

сохранились отдельные единицы. Потомки членов этих согласий давно ассимилированы либо белокрынишниками, либо другими населенниками края. Последние филишповцы, лужканы и т.п., даже оставшиеся пока еще носителями какого-то особого группового самосознания, ныне фактически «замирщены», т.е. не совершают богомолений и не могут принимать участия в соборной молитве своих одноверцев. Известно, что некоторые «молящие» этих толков были живы еще в 1990-х годах. Касательно поморцев можно отметить, что в городе Егорьевске ныне проживает как минимум два семейства, которые ориентированы на храм московской общины. Однако нам не удалось пока выяснить, являются ли они потомками коренных жителей края, или принадлежат к одной из переселенческих волн, которые докатывались сюда в XX веке.

Сами белокрыницкие поповцы также переживают не лучшие времена. Сейчас остатки их обществ сохраняются в деревнях вокруг Егорьевска и в других селениях, где ранее были крупные общины. Будучи лишены должного внимания и заботы со стороны священноначалия московского Рогожского кладбища и храмов Егорьевска, Коломны и других мест, они быстро теряют прежнюю идентичность. К примеру, в 1990-е годы из поселка Октябрьское Коломенского района (бывшей деревни Поповки) в белокрыницкий храм Коломны обращалось всего пять человек. Во многих деревнях, считавшихся прежде оплотами староверия, оно теперь стало историей, притом быстро забываемой или уже забытой. Постепенно сокращается численно и приход самого Егорьевска, где также нет должного воспроизводства верующих старообрядцев, и большинство семей взамен умерших бабушек не поставляет представителей следующих поколений. Причина здесь та же: поведение старообрядческого духовенства, считающего достаточным отправление богослужений и духовных треб для сохраняющихся остатков своей паствы: «На наш век хватит, а после нас хоть потоп».

Когда я в начале 2000-х беседовал об этой позиции духовников и упомянул о необходимости заниматься миссионерской работой хотя бы с новыми поколениями старообрядческих семей, один из молодых (!) священников прервал меня многоговорящей фразой: «Ну, раньше были древние цивилизации, империи всякие. А сейчас их нет. Так и нас, старообрядцев, когда-то было много, мы сильные были, а скоро нас не станет». Нужны ли здесь комментарии? Причина упадка нынешних старообрядческих согласий кроется не в строгости традиций и не в длительности богослужения. Чтобы храмы и моленные были полны, с людьми надо работать. Тогда за судьбу старообрядчества

можно будет не беспокоиться, и оно останется, пусть и не шибко многолюдным, но крепким явлением русской духовной жизни. Ведь процветает же такое строгое и требовательное к своим адептам направление, как хасидизм (кстати, являющийся иудейским аналогом старообрядчества), и в еврейском мире находится немало лиц, переходящих в него, не пугаясь строгого кашрута и много чего другого.

Глава РПСЦ Митрополит Алимпий (Гусев) на богослужении в Егорьевском старообрядческом храме (2003)

начетничества, резкое сокращение числа грамотных уставщиков явилось и является роковым для будущности староверия обстоятельством. Попытки священноначалия поповских согласий перенять традиции официальной церкви, где все держится на духовенстве, а роль церковного мира незначительна, скорее всего будут иметь негативные последствия.

Впрочем, остается скромная надежда на то, что старообрядчество рассматриваемого региона наконец возродится, и в его среде появятся достойные начетчики (или подобные им организаторы общественной жизни), которые возвратят древней традиции присущие ей суть и облик.

Как поповское, так и беспоповское старообрядчество всегда держалось не на священниках или наставниках, а на начетчиках, имевшихся практически в каждой общине. Эти доморощенные грамотеи, знатоки духовной и полемической литературы богословский вопрос, отстоять в споре правоту своей веры, объяснить или исправить повседневную обрядовую практику. Начетчики контролировали духовную жизнь старообрядческих обществ и были основными столпами веры в сёлах и деревнях. Богослужбная сторона держалась на уставщиках, коих также имелось немало. Именно они, а не священники, сохраняли древние богослужбные традиции, в частности касающиеся пения и чтения молитв. Постепенное исчезновение

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОПИСЬ

строения и имущества, предназначенного для отправления религиозных обрядов Георгиевской Старообрядческой церкви в г. Егорьевска

(Излагается по материалам Центрального государственного архива Московской области (Ф. 66. Оп. 18. Д. 67. Л. 460–464 об.))

Составлена 15 марта 1919 г.

1. Храм кирпичный с двумя выкрашенными малыми главами, крытый железом.

В храме имеются два этажа.

Нижний этаж ПОДВАЛЬНЫЙ, шириною в 14 $\frac{1}{4}$ аршин, длиною в 52 $\frac{1}{2}$ аршин и высотой в 3 $\frac{1}{2}$ аршин.

Верхний этаж, шириною в 14 $\frac{1}{4}$ аршин, длиною в 52 $\frac{1}{2}$ аршин и высотой в 9 $\frac{1}{2}$ аршин.

В верхнем этаже главная церковь и паперть шириною в 10 $\frac{1}{2}$ аршин, длиною в 8 $\frac{3}{4}$ аршин и высотой в 5 $\frac{1}{2}$ аршин, а в нижнем этаже церковь для совершения церковных служб в непраздничные дни и для отпевания тел умерших; затем помещение караульного сторожа и раздевальня (вешалка верхнего платья).

Приблизительная стоимость – 50000 рублей.

2. Колокольня кирпичная шириною в 9 аршин, длиною в 9 аршин и высотой в 51 аршин (размер высоты до креста).

Приблизительная стоимость – 30000 руб.

Колокола на колокольне:

3. А/ в 371 п. 10 ф.	-	1	-	7425 руб.
4. Б/ в 108 п. 20 ф.	-	1	-	2170 руб.
5. В/ в 26 п. 18 ф.	-	1	-	529 руб.
6. Г/ в 14 п. 25 ф.	-	1	-	292 руб.
7. Д/ в 7 п.	-	1	-	140 руб.
8. Е/ в 2 п. 32 ф.	-	1	-	56 руб.
9. Ж/ в 1 п. 05 ф.	-	1	-	22 руб.
10. З/ в 30 ф.	-	1	-	15 руб.
11. И/ в 21 ф.	-	1	-	10 руб.

Итого: 533 п. 01 ф. Стоимость всех колоколов – 10660 рублей.

Печи в нижнем этаже храма:

12. А/ духовые – 2, стоимостью 1200 руб.

13. Б/ русские (одна для изготовления просфор) – 2, стоимостью 200 руб.

Выходные двери:

14. А/ в нижнем этаже – 10 – 200 руб.

15. Б/ в верхнем этаже (одна железная) – 5 – 300 руб.

16. В/ в колокольне – 2 – 50 руб.

Окна:

17. А/ в нижнем этаже мал. Полусветлые – 14 – 140 руб.

18. Б/ в верхнем этаже в церкви – 14 – 560 руб.

19. В/ «»«»«» паперти – 4 – 60 руб.

20. Ограда железная на камен. столбах

Со стороны Зарайской улицы на протяжении 45 аршин и во дворе 15 арш. – стоимостью 5000 рублей.

С остальных же 3-х сторон никакой ограды не имеется.

Храм нигде застрахован не был; в 1917-м году ПОСТРАДАЛ ОТ ПОЖАРА и в настоящее время требует капитального ремонта (возобновления потолков и устройства купола).

Приделов в церкви не имеется.

Священные и освященные предметы,

находящиеся в АЛТАРЕ ГЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (в верхнем этаже)

21. Престол дубовый – 1 – 50 руб.

22. Четыре копыя – 4 – 2 руб.

23. Крест серебряный вызолоченный весом 80 золотников. – 1 – 50 руб.

24. « деревянный оклад сереб. вызол. – 1 – 10 руб.

25. « у Престола « « « – 1 – 100 руб.

26. Сосуд на жертвеннике « « « вес 143 зол. – 1 – 125 руб.

27. Дискос « « « 93 зол.	-	1	-	65 руб.
28. Звезда « « « 24 «	-	1	-	20 руб.
29. Блюдечко « « « 45 «	-	1	-	28 руб.
30. Ковшик « « « 33 «	-	1	-	25 руб.
31. Лжицы « « « 27 «	-	1	-	22 руб.
32. Крест с рукояткой « «	-	1	-	20 руб.
33. « медный	-	1	-	2 руб.
34. « деревянный оклад медный	-	1	-	2 руб.
35. Кадило серебр. вызол. вес 134 зол.	-	1	-	40 руб.
36. Лампады « « « 525 «	-	10	-	200 руб.
37. Дарохранительница медная	-	1	-	5 руб.
38. При дарохранительнице лжица медная	-	1	-	1 руб.
39. При дарохранительнице медальон со св. мощами	-	1	-	1 руб.
40. Ладоница медная	-	1	-	4 руб.
41. Чайники мельхиоровые	-	2	-	4 руб.
42. Подставка для чайника	-	1	-	1 руб.
43. Кадило медное	-	1	-	2 руб.
44. Кропило	-	1	-	1 руб.
45. Завеса	-	1	-	3 руб.
46. На Горнем месте иконостас деревян- ный вызолоченный...				
47. ...со Св. иконой Троицы	-	1	-	1,400 руб.
48. Крест с предстоящими у жертв ико- нами	-	1	-	10 руб.
49. « медный в киоте на правой стороне	-	1	-	7 руб.
50. « « « на левой стороне	-	1	-	7 руб.
51. Иконы разного размера (9 в медном окладе, а остальные без оклада)	-	12	-	36 руб.
52. Подсвечники медные	-	4	-	40 руб.
53. Ковер у престола	-	1	-	20 руб.
54. Воздухи №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10	-	10	-	50 руб.
55. Пелены для выноса креста на блюде №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7	-	7	-	14 руб.
56. Палицы	-	2	-	10 руб.
57. Венцы медные	-	1	-	10 руб.

58. Блюда медные	-	5	-	25 руб.
59. Чайник фарфоровый	-	1	-	1 руб.
60. Блюда фаянсовые	-	2	-	1 руб.
61. Тарелка фаянсовая	-	1	-	1 руб.
62. Таз медный	-	1	-	1 руб.
63. Кувшин медный для св. воды	-	1	-	3 руб.
64. <u>ИКОНОСТАС</u> деревянный резной, вызолоченный, В 4 яруса	-	1	-	4000 руб.

В 1-м ярусе иконостаса находятся следующие иконы:

65. Спаситель, оклад сер. выз. размером 32 x 15 вершков	-	1	-	800 руб.
66. Георгий вел. муч. « « « « « «	-	1	-	800 руб.
67. Собор Арх. Михаила « « « « «	-	1	-	800 руб.
68. Покров Пр. Богородицы « « « « «	-	1	-	800 руб.
69. Три Святителя « « « « « «	-	1	-	800 руб.
70. Одигитрия Пр. Богородицы « « « «	-	1	-	800 руб.
71. Иоанн Пред. « « « « « «	-	1	-	800 руб.
72. Стефан Архид. « « « « «	-	1	-	800 руб.
73. Св. Никола « « « « « «	-	1	-	800 руб.
74. 4 Св. Москов. « « « « «	-	1	-	800 руб.
75. В остальных ярусах иконостаса: 2-м, 3-м, и 4-м по 12-ти икон в каждом, всего	-	36	-	14400 руб.
Кроме того, в середине Иконостаса...				
76. ...две иконы «Тайная вечеря» и «Гос- подь Вседержитель»	-	2	-	2600 руб. 1400
77. Царские врата	-	1	-	руб.
78. Над Царскими вратами крест деревянный	-	1	-	5 руб.

В остальной части церкви в верхнем этаже

79. Иконы разного размера	-	7	-	2140 руб.
80. Св. Плащаница шитая с ковчегом дерев. резн. вызол.	-	1	-	1000 руб.
81. Крест с рукояткой и 2 предст. иконами	-	1	-	40 руб.

82. «с предстоящими 3 иконами	-	1	-	30 руб.
83. « для ограждения	-	1	-	10 руб.
84. Подсвечники местные большие	-	15	-	1500 руб.
85. « малые	-	3	-	75 руб.
86. Лампады для свечей	-	8	-	320 руб.
87. Хоругви	-	4	-	200 руб.
88. Паникадило (одно большое испорчен- ное пожаром)	-	3	-	800 руб.
89. Аналойные облачения	-	11	-	300 руб.
90. « пелены	-	11	-	15 руб.
91. Пелены для крестного хода под иконы	-	3	-	10 руб.
92. Дорожки для алтаря	-	2	-	200 руб.
93. « вдоль храма	-	1	-	80 руб.
94. Ковры	-	3	-	45 руб.
95. Занавески для окон	-	15	-	30 руб.
96. Полотенца для алтаря	-	12	-	24 руб.
97. На ПАПЕРТИ иконы разного размера	-	8	-	80 руб.

В АЛТАРЕ НИЖНЕГО ХРАМА

98. Престол деревянный	-	1	-	10 руб.
99. У Престола крест деревянный	-	1	-	15 руб.
100. « предстоящие иконы	-	2	-	6 руб.
101. Подсвечники медные	-	2	-	20 руб.
102. Семисвечник медный	-	1	-	15 руб.
103. Св. жертвенник деревянный	-	1	-	5 руб.
104. При жертвеннике медное блюдечко	-	1	-	2 руб.
105. « крест деревянный	-	1	-	3 руб.
106. « предстоящие иконы	-	2	-	4 руб.
107. Крест медный	-	1	-	3 руб.
108. « дерев. с медным окладом	-	2	-	8 руб.
109. Иконы разного размера без оклада	-	6	-	18 руб.
110. Киот трехместный	-	1	-	8 руб.
111. Деисус медный над царскими вратами	-	1	-	2 руб.
112. Завеса	-	1	-	1 руб.
113. На жертвеннике: сосуд сер. вызол., вес 78 зол.	-		-	20 руб.
114. Дискос « « « 44 «	-	1	-	10 руб.

115. Звезда « « « 17 «	-	1	-	5 руб.
116. Два блюдечка « « « 18 «	-	1	-	5 руб.
117. Ковш « « « 12 «	-	1	-	3 руб.
118. Два стакана серебр вызол., вес 22 зол.	-	2	-	10 руб.
119. Лжица сер. вызол., вес 6 зол	-	1	-	2 руб.
120. Венцы для венчания сер. вызол.	-	1	-	100 руб.
121. Икона Св. Избранные в киоте...				
122. ...и лампада	-	1	-	15 руб.
123. Столик и при нем...				
124. ...крест и предстоящие 3 иконы	-	1	-	15 руб.
125. ИКОНОСТАС деревянный краше- ный без ярусов	-	1	-	50 руб.
126. В Иконостасе: царские врата, оклад медный	-	1	-	50 руб.
127. Иконы разного размера без оклада	-	66	-	320 руб.
128. « медные мелкие	-	14	-	14 руб.
129. Подсвечники медные средние	-	8	-	80 руб.
130. « « малые	-	4	-	20 руб.
131. Столики крестильные	-	2	-	4 руб.
132. Ларчик	-	1	-	4 руб.
133. Чайники	-	2	-	2 руб.
134. Чаши медные для освящения воды	-	2	-	15 руб.
135. « « для крещения	-	3	-	40 руб.
136. Походная церковь и при ней мелкие иконы	-	1	-	100 руб.
137. Четыре ковра для упокойников	-	4	-	40 руб.
138. Медно-позолоченный семисвечник	-	1	-	100 руб.
139. Шелковый антиминс	-	1	-	10 руб.
140. Шелковых платков	-	2	-	10 руб.
141. Разных лампад	-	14	-	15 руб.
142. Разных простых икон	-	17	-	50 руб.
143. Аналоев	-	11	-	55 руб.
144. Шкаф в алтаре	-	1	-	25 руб.
145. Трикирий пасхальный	-	1	-	5 руб.
146. Дароносиц с прибором	-	1	-	25 руб.
147. Облачения парчовые, целых комп- лектов	-	17	-	1700 руб.

148. « шелковые « «	-	2	-	20 руб.
149. « черные бархатные «	-	2	-	100 руб.
150. « парчевые треб. ремонта	-	4	-	40 руб.
151. « манчестеровые ««	-	3	-	30 руб.
152. « парчевые для одного священника	-	3	-	30 руб.
153. « не парчевые « «	-	1	-	5 руб.
154. « для стихарников	-	6	-	60 руб.
155. « на престольные	-	3	-	15 руб.
156. Стихари для священника	-	10	-	100 руб.
157. Набедренники	-		-	20 руб.
158. Три книги Св. Евангелие окл. сер. вызол.	-	3	-	500 руб.
159. Книги богослужебные без окладов	-	93	-	930 руб.
160. « певчие «	-	20	-	200 руб.
161. Столики для кутьи	-	2	-	4 руб.
162. Комод для облачений	-	1	-	25 руб.
163. Шкафы«	-	2	-	30 руб.
164. « для книг	-	1	-	15 руб.
165. « для свечей	-	1	-	2 руб.
166. « разных потребностей	-	1	-	2 руб.
167. Ящик для поминаний	-	1	-	5 руб.
168. Церковный ящик	-	1	-	50 руб.
169. Шкаф незгораемый железный	-	1	-	300 руб.
170. Часы стенные	-	1	-	20 руб.
171. Блюда медные для сбора	-	2	-	6 руб.
172. Кружки медные для тушения свечей	-	6	-	6 руб.
173. Аналои для чтения	-	3	-	6 руб.
174. « пения	-	2	-	4 руб.
175. Лестницы для зажигания местных свечей	-	3	-	15 руб.
176. « « паникадил	-		-	40 руб.
177. Лавки для сидения во время собраний	-	12	-	24 руб.
178. Столы	-	2	-	4 руб.
179. Лампы	-	2	-	6 руб.
180. Стулья	-	2	-	6 руб.
181. Фонари	-	3	-	15 руб.
182. Скамьи (одна для упокойников)	-	3	-	6 руб.
183. Ограда для венчания	-	1	-	50 руб.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЖИЗНЬ ЕГОРЬЕВСКОГО ОБЩЕСТВА НА СТРАНИЦАХ журнала «Старообрядческая мысль»

Егорьевск, Рязанская губерния (от нашего корреспондента)

2 января состоялось собрание Георгиевской старообрядческой общины, начавшееся довольно бурно и закончившееся крайне дружелюбно к удовольствию всех прихожан.

Это собрание по характеру течения его и деловитости можно считать единственным за все время существования прихода. Никогда ничего подобного здесь не было!

Собрание заслушало отчет за последний год деятельности общины, сведенный с остатком сумм; утвердило его и принесло благодарность совету общины.

Был обсужден вопрос об открытии в г. Егорьевске собственной старообрядческой школы, о которой было постановлено, что в виду неимения в наличности сметных сумм, открыть таковую можно только предначальную по образцу московского Братства Св. Креста. Но когда на этом же собрании были вновь приняты в члены общины Н.Д. Зенин и И.И. Хромов, то вопрос о школе получил новое освящение, и потому собрание постановило войти с ходатайством в городскую думу о выделении детей-старообрядцев в особую школу, которая предложена к постройке как раз на то число учащихся детей старообрядцев, каковое имеется в школах города, а пока, если это окажется возможным, поместить их с будущего учебного года в помещение временной школы в Новой Слободке.

Вместе с этим оставлена в силе мысль и об учреждении предначальной школы; разработка вопроса по ее учреждению поручена члену совета М.Ф. Конюшкову.

На этом же собрании было положено очень важное начало – перехода прав на владение общественным храмом от частных лиц к общине, чего так давно жаждало общество; г. М.Ф. Конюшков предложил общине принять от него, как от доверенного наследник А.С. Буянова, перешедшую к ним 11-ю часть владения по наследству.

Постановлено принять ее путем покупки, на совершение которой деньги жертвует заявивший.

Тут же был поднят г. Зениным вопрос об обращении к остальным владельцам с просьбою о передаче и ими своих владений в общину.

Общество очень дружно и единогласно просило об этом наличных членов общины, владеющих этими частями.

К большому нравственному удовлетворению собрания главный владелец частей П.Г. Брехов очень благосклонно принял эту просьбу, в общем, согласился с желательностью этих передач и лишь высказался о трудности достижения этих целей, в виду сильной запутанности прав на эти владения вследствие различных изменений в переходе наследств от первых владельцев.

На это ссылаясь, г. Зенин весьма разумно объяснил, что потому-то с этим и надо спешить, что с каждым годом запутанность эта делается большею.

Постановлено вменить в обязанность гг. членам совета провести этот вопрос сначала до конца.

Удивила сильно собрание явная уклончивость от этого вопроса И.Е. Лежнева, владеющего недавно еще приобретенною общественною землею.

При выборах нового состава совета баллотировка была совершена шарами и дала блестящее доказательство строгой обдуманности действий членов общины. Состав совета избран из людей, обещающих хорошее и деятельное управление делами общины.

В совет общины вошли люди даже с университетским образованием.

Н.Д. Зенин также выбран в члены совета, хотя в делах общины о нем имеется постановление совета (года за три до сего), что он может быть принят в члены общины, *но без права голоса*.

Очевидно, сильно изменились времена, и люди сознательно выросли. Это также показало с большою яркостью и самое собрание, члены которого весьма свободно высказывали свои мысли. Того приниженно-рабского духа, который преобладал на этих собраниях до толе, и в помине не было.

Но зато, думаю, чувствовалось, что здесь собралась именно христианская община: свободная, равноправная и сознательная.

М.И. Бриллиантов забаллотирован. К этому послужило неудовольствие против него общества за его усердное служение не интересам общества, а отдельных лиц.

Это неудовольствие и высказалось в баллотировке. Хотя надо сознаться: при настоящем составе совета он был бы очень не лишним, как деятельный работник.

Корректность и даже, можно сказать, какая-то особая сердечность поведения на собрании П.Г. Брехова была выше похвалы, и

потому собрание смотрит на будущее радостно, ибо оно надеется, что в новом трехлетьи, при наличности в составе совета и лиц капитала, и ревливой жажды деятельности, дело пойдет успешнее.

Есть надежда и на то, что давнишняя вражда между собою сил капитала и мысли окончится, и начнется дружная совместная работа.

(Старообрядческая мысль. М., 1911. № 1. С. 69–71)

ДОМ МОЙ – ДОМ МОЛИТВЫ НАРЕЧЕТСЯ Из жизни Егорьевской старообрядческой общины

А вы его сделали вертепом разбойников... Так сказал нам учитель Господь Иисус Христос, когда Он, ходя по земле с проповедью и зайдя в храм, опрокинул столы продавцов жертвы. Непреложное слово Его. В настоящее время дом Его тоже превращают в дом коммерции. Что недавно и оказалось в нашей старообрядческой Егорьевской общине. 3 марта сего года у нас состоялось полуобщее собрание (потому что собрание по второму разу), на которое прибыло членов 71. На обсуждение были приложены 4 пункта:

1). О принятии в общину вновь желающих вступить в оную прихожан нашего храма.

2). Учет и отчет прихода и расхода за 1912 год.

3). Заявления об отказе от должности членов совета гг. Конюшковых М.Ф. и А.М.

4). Об утверждении сметы расхода и дохода на 1913 год.

Во время открытия собрания место председателя занимал его товарищ г. Лежнев, который попросил членов выбрать на предстоящее собрание председателя. Председателем был выбран г. Акимов Ф.А., который упорно отказывался, ссылаясь на свое незнакомство с делами. Наконец согласился, открыл собрание и вычитал предметы, которые на очереди. Конечно, 1 пункт решился легко: принять новых членов не составляет больших затруднений. Но 2 пункт: об учете расхода и прихода на 1912 г. явился камнем преткновения и гвоздем всего собрания.

Здесь дело начало тормозиться. Якобы с позволения г. Акимова отчет начал оглашать г. Лежнев, который объявил: «К прискорбию нашему, господа, у нас отчет немного что-то запутан: у нас расход нынешний год более, и не знаю я, как здесь поступить? Вот у нас

П.Г. Бреховым уплачено г. Каптелину по счету за свечи за 1912 г. Но я бы хотел не распространяться об этих деньгах», – говорил г. Лежнев.

«А потом у старосты нашего г. Чекаева осталось на руках не сданных им общине денег 516 р. 14 к., за ним находящихся по отчетной книге. Как поступить нам с этим? – говорил г. Лежнев. – Простить или предъявить иск к г. Чекаеву?»

На такой запрос между собравшимися пошел ропот, и были слышны восклицания: почему он не пришел и не объяснился с нами? Если бы он пришел и просил нас, то было бы видно, что нам сделать, кричали другие. На выручку положения опять явился г. Лежнев. Он заявил: «Я лично два раза просил г. Чекаева явиться на собрание и объясниться. Но он, Чекаев, говорил: я нездоров и боюсь, чего бы не было со мной на собрании. И притом он, г. Чекаев, сознался, что он должен 200 руб., которые он заплатит по возможности». В результате явилось общее мнение: пока дать г. Чекаеву отсрочку; если он согласится на уступки, то обожждать долг за ним. В противном случае предъявить к нему иск от лица общины. Странно, как это поступают люди? Не боятся брать общественные деньги или красть (как выразился один член) из кружки. Но боятся явиться в собрание с раскаянием. Это в обычае XX века. Но в храме этого не должно быть. Этот вопрос был исчерпан.

Второе преткание явилось в следующем: почему г. Брехов заплатил по счету Каптелина (1416 р. 21 к.)? Не брал ли он свечи для своей надобности? И к кому обращался г. Каптелин со счетом, к общине или лично к Брехову? Если лично к г. Брехову, и свечи братья для его надобности, то не стоит это благодарности, – г. Брехов заплатил лишь свой долг. Но если г. Каптелин предъявил свой счет к общине, то у г. Чекаева недочета почти две тысячи руб., как понимают многие члены. Понемногу этот заколдованный круг как будто раскруживается. Кое-что постановлено как будто к лучшему, но все-таки видно, что пока дело идет далеко не христианское. Кончатся наши благотворители, и расходы не покроются, приходы уменьшатся. Потому что в должностях казначея (церковного старосты) появляются люди с «коммерческим» понятием. И наша община должна впасть в долги, и едва ли найдутся люди, чтобы покрыть их. И тогда наша община пойдет насмарку, что уже раз и грозило. Тогда не придет Учитель наш опрокидывать столы. Но опрокинет губернское правление стол в нашем храме, конечно, пустой и полный дефицита. Потому, что менялы, которые любят поклоны на собраниях и не идут на объяснения, не исчезнут с лица земли.

Я со своей стороны приношу искреннюю благодарность г. Брехову и не порицаю г. Чекаева. Но пусть это явление послужит уроком в дальнейшем преемникам г. Чекаева, а в лучшую или иную сторону, покажет будущее.

Член общины А. Марков.

(Старообрядческая мысль. М., 1913. № 5. С. 519–520)

Егорьевск Рязанской губернии

Общинная жизнь здешнего прихода постепенно развивается и улучшается.

Общественное начало в ведении дел приходских дает довольно ощутительные результаты. Из нижепомещаемого извлечения из годичного доклада совета Георгиевской общины общему ее собранию ясно видно, как много вопросов выдвигает наша жизнь на очередь. Многие из них Георгиевской общиной уже удачно разрешены, нужно думать и надеяться, что и прочие вопросы, при умелом руководстве совета, будут столь же удачно разрешены и проведены в жизнь.

Общим собранием членов общины, бывшим 18 января 1915 г., совету Георгиевской общины были поставлены к выполнению следующие задачи:

1). Озаботиться возвратом в казну общины денег в сумме 4211 руб. 23 коп., бывших на руках у умершего председателя совета общины П.Г. Брехова и с % на них, со дня пользования ими.

2). Таковым же возвратом денег в сумме 526 р. 64 к. от бывшего старосты Ф.В. Чекаева.

3). Укреплением земли под храмом за общиной на основании давности владения ею.

4). О выделении детей старообрядцев из городских низших школ в одну какую-либо школу для более удобного прохождения Закона Божия.

5). Установлением спевки певцов в храме.

6). Выяснением вопроса о постройке церковного дома и по возможности его осуществлением.

7). Выражением согласия Устьяновской общине имени св. Николая на прием в управление, в случае надобности, ее имущества.

8). Внесением кружку для сбора пожертвований на украшение храма.

По этим поручениям Советом сделано следующее:

По 1-му пункту. Наследники покойного П.Г. Брехова поручили В.И. Князеву капитальную сумму в 4211 руб. 23 коп. внести в казну общины, оставив открытым вопрос об уплате $\% \%$. Совет надеется что вопрос о $\% \%$ будет также улажен.

По 2-му. В виду приближения своей смерти Ф.В. Чекаев просил Совет получить с него 300 руб., считая, что остальные деньги покроют различные расходы, сделанные им при выполнении различных поездок по делам общины; сумму эту он завещал внести в казну общины снохе своей, которая это и исполнила вскоре после его погребения.

Совет и общее собрание решили не считать Ф.В. Чекаева должником в остальной сумме, полагая, что такие расходы возможны, во-первых, а во-вторых – уважая предсмертную просьбу покойного.

По 3-му. Советом наконец-то положено начало приобретению общиной недвижимости: земля, бывшая Баскакова, ныне передана ее владельцами общине. Нотариальный акт по этой передаче путем продажи уже совершен нотариальным порядком.

По предложению совета общее собрание постановило принести письменную благодарность бывшим владельцам этой земли за их честное отношение ко вверенному их хранению имуществу и своевременный, безмездный возврат его общине законным порядком.

Совет выражает надежду, что и остальные хранители земли общественной не замедлят согласиться на передачу ее общине, хотя совет, к прискорбию своему, должен сознаться, что совершение этого дела очень трудно достижимо.

По 4-му. В виду военных событий, которые захватили здания городских школ под казармы, ходатайство о выделении детей старообрядцев в одно школьное здание пришлось отложить.

Но тем не менее большинство детей мальчиков устроено для слушания Закона Божия в особом помещении, где прохождение занятий происходит значительно спокойнее нежели прежде. Расходы, вызываемые этим выделением, покрыты одним из благотворителей общины по апрель 1916 г. включительно.

Но совет не находит возможным удовлетвориться достигнутыми результатами и поэтому в будущем он будет трудиться к достижению более лучших условий.

Попутно совет высказывает свое пожелание, чтобы родители учащихся оказывали возможное содействие законоучителю по воспитанию благонравия в детях, ибо многие дети непозволительно держат себя, убегают с уроков, тяготясь таковыми, и невозможно шалят.

Без содействия родителей законоучителю трудно внедрить в нравы детей благопристойное поведение. И что удивительно, так это то, что маленькие дети держат себя приличнее, нежели дети выходного класса.

Конечно, всего бы лучше было, если бы община могла открыть собственное училище на церковном дворе, но очевидно при том слабом внимании к делу обучения и воспитания детей, которое наблюдается за общественниками, это трудно осуществить.

По 5-му. Спевки певцов, хотя и с большими усилиями, но введены. Учрежден и хор любителей. Дело пения значительно улучшилось, но тем не менее оно заставляет очень многого желать.

Причиною, тормозившею дело учреждения спевков, было противодействие этому начинанию наемных певцов, нежелательно относящихся к этому делу. Дело ими было доведено даже до отказа служить в общине и им в этом пришлось предоставить свободу. Совет исходил единственным средством заставить певцов себе подчиняться – это дать волю протестантам уйти, а на их место пригласить новых людей. Это немножко и улучшило дело подчинения певцов распоряжениям совета.

Попутное пожелание совета по этому вопросу такое же, что и по предыдущему: совет очень просит родителей детей, что поют в любительском хоре, наблюдать за детьми, чтобы они неуклонно (по возможности) посещали бы спевки, охотнее подчинялись бы руководителю и более благопристойно держали себя и на спевках и в храме вообще.

По 6-му. Дело осуществления постройки церковного дома тесно связано с осуществлением учреждения собственного училища грамоты и пения, так как в этом доме предполагалось бы устроить жилища для причта, помещение для училища и зал для общих собраний и поминовенных обедов, дабы в таких строго-религиозных случаях не ходить по клубам и гостиницам. Это самый насущный вопрос нашей общины.

Совет, осуществляя этот пункт постановления, решил было приобрести покупкой участок усадебной земли, примыкающей к усадьбе, на которой ныне проживает певец М.Ф. Муравьев, но приобрести в связи с благополучным разрешением просьбы Совета перед наследниками П.Г. Брехова о пожертвовании всей усадьбы, на которой живет М.Ф. Муравьев и с домом, в память Петра Григорьевича, общине. Без приобретения этого участка та усадьба теряет смысл покупки. Так как окончательных результатов от гг. наследников П.Г. Брехова получить еще не удалось, то вопрос этот стоит

перед нами и в будущем, но есть надежда, что вопрос этот будет разрешен в желательном направлении.

Капитал, предназначенный для осуществления мысли о постройке и открытии собственного училища в настоящее время, кроме естественного прироста, увеличился еще и пожертвованием, лицом, пожелавшим остаться неизвестным, на сто рублей. Так что ныне этот капитал составляет уже сумму 6120 руб. 22 коп. (в сноске: «теперь уже 10331 руб. 45 коп.»). Совет напоминает прихожанам, что все, кто из них пожелают от своих щедрот увеличить капитал этот и тем приблизить осуществление этой задачи, могут всегда внести сумму по своему желанию на текущий счет общины в Егорьевском городском банке за № 3 или гласно, или оставаясь при желании неизвестными.

По 7-му. Устьяновской общине согласие приема в завещание ее имущества, в случае надобности, было выражено письмом от 26 февраля 1915 года за № 3.

По 8-му. Кружка на украшение храма была введена. За год она дала 157 руб. 75 коп. Это приличное подспорье в суммах на содержание храма и пренебрегать им не приходится. Хотя желательно, чтобы приток средств был обширнее, ибо расходы по общине очень большие, а гг. члены общины, кажется, еще не осознали, что содержание храма, причта и т.п. лежит на их обязанности. Они всемерно должны тчиться, чтобы община ни в чем не нуждалась, чтобы у нее был в отличном виде содержащийся храм, хороший хор певцов, богатый причт, а также училище и благотворительные учреждения. Когда все это будет у общины, только тогда она и может считать себя истинно-христианскою общиною.

Совет очень просит гг. членов общины принять это к сведению, получше запомнить и по возможности усилить свои подаяния. Чтобы покрывать все необходимые расходы общины. Совету и в этом, как и в прошлом году, пришлось собрать по подписному листу нарочитые суммы «на усиление средств общины», по которому 19 лиц общины записали 898 руб. Эта сумма и дала возможность не только покрыть расходы года, но и свести отчетный год с пользою в 545 руб. 95 коп.

Само собою разумеется, что если бы в подписном листе участвовали не 19 лиц, а все прихожане, то результаты были бы совершенно другие.

Не надо забывать, что избыток средств никогда не мешает и дает возможность улучшать церковно-приходскую жизнь.

Вот, что сделано Советом по постановлению общего собрания общины от 18 января 1915 года.

Кроме вышеизложенного советом выполнено еще следующее:

1). Закончены работы по ремонту (покраске) храма, начатые еще в 1914 году, за обстоятельствами и непогодой тогда незаконченные. Собственно, были пройдены покраскою в третий раз крыши храма после золочения крестов. И вообще производились поправки и мелкий ремонт в храме. Это обошлось в 123 руб. 60 коп.

2). Отремонтирован церковный дом-сторожка на кладбище, пришедшая в большую ветхость и даже невозможность проживания в ней сторожей. Она очевидно не ремонтировалась от 60–70-х годов, когда она была построена.

Там вычинены и выстроены вновь печи, перебран пол, сделаны вытяжки, новые двойные рамы, выложены, подняты и расширены окна, вычинены стены, выложен из кирпича погреб и вновь выстроено отхожее место. Все это обошлось в 339 руб. 18 коп.

3). Собраний за истекший год было 12. Четыре общих гг. членов общины (из них два несостоявшихся) и 8 гг. членов совета.

Вопросы, проведенные на первых двух общих собраниях, уже переименованы, а на вторых было решено выдать полномочия от имени общины вообще на ведение дел общины и нарочитое для приобретения земли бывшей Баскакова.

Первое полномочие выдано г. председателю, а второе М.Ф. Конюшкову, которое он уже и использовал приобретением помянутой земли Баскакова для общины. Первое ждет случая быть использованным.

На советских собраниях разрешались вопросы текущей жизни общины: на первом было рассмотрено и разрешено 12 вопросов, на 2-м – 6, 3-м – 4, 4-м – 2, 5-м – 2, 6-м – 1, 7-м – 4 и 8-м – 2.

4). За год были сделаны от общины пожертвования.

В Старообрядческий центральный комитет по сбору пожертвований на нужды армии 10 руб.

В Городской общественной лазарет 264 руб. 89 коп.

В Романовский комитет 11 рублей.

В Красный Крест еще не сданы и в сумме не подсчитаны.

От Епархиального съезда, бывшего при общине, на беженцев 27 рублей.

В Елизаветинский комитет 17 руб. 47 коп.

На содержание священников в армии 60 руб. 57 коп.

На содержание епископии 100 руб.

5). В этом году серьезными вопросами были:

а). Отказ наследников П.Г. Брехова в безвозмездном отводе квартир причетникам-певцам храма штатным и приходящим.

Для приходящих квартира натурою отведена казначеем, а штатным - одному сделана прибавка в виде выдачи на покупку дров, а другой был прямо нанят без квартирного довольствия, хотя и ему пришлось сделать прибавку, в виду существующей дороговизны.

б). Уход звонаря, которого нелегко было заместить. Его уход был очень желателен ибо он не принадлежал к нашей церкви, что недопустимо по канонам для занятия такой должности.

в). Устройство жены сторожа, ушедшего на войну. Это был очень неприятный вопрос, хотя и весьма мелочной. Он разрешен выдачей ей 3 руб. ежемесячно на квартиру и освобождением ею квартиры общины.

г). Избрание уполномоченных от общины на очередной епархиальный съезд. Этот вопрос собственно в праве общего собрания гг. членов общины, но к сожалению он не был предусмотрен общим собранием и потому, в виду невозможности по времени созвать нарочитое общее собрание, совету пришлось разрешить и его.

На епархиальный съезд были избраны: Ф.А. Акимов, Н.Д. Зенин, М.Ф. Конюшков и И.П. Колобанов. А из них уполномоченными на собор Ф.А. Акимов и замещающим Н.Д. Зенин.

На соборе главным образом был разрешен вопрос о замещении архиепископской кафедры, освободившейся по смерти Кир-Иоанна.

На таковую избран Кир-Мелетий, еп. Саратовский и Астраханский.

д). Точно такой же не предусмотренный вопрос пришлось решать совету и об уполномоченных от общины на Всероссийский съезд старообрядцев, весьма неожиданно объявленный созывом.

Уполномоченными на таковой были избраны: Протоиерей И.Г. Трофимов, Н.Д. Зенин и И.П. Колобанов.

Первые два и участвовали в этом съезде.

Съезд состоялся в Москве 23-24 августа. Он был достаточно многолюден. Прошел очень оживленно, ибо это был момент высокого подъема народного духа из Руси вообще. Но результаты его ничем, пока что, еще не выразились. Очевидно, это дело еще далекого будущего.

б). В этом году в совет поступило заявление, подписанное 8-ю лицами, о назначении общего собрания общины по вопросу о квартирном довольствии певцам. Так как для законности такового требования требуется 10 подписей, а главное, в виду того, что вопрос о найме певцов и их денежном и квартирном довольствии находится в ведении совета, то в этом ходатайстве пришлось отказать.

7). Член мовета г. М.И. Бриллиантов заявил о своем желании сложить с себя это звание по домашним обстоятельствам. Совет с ним согласился и заменил его Ф.А. Акимовым, как первым заступающим, по голосованию общего собрания.

Заканчивая свой доклад, мовет просил гг. членов общины не оставлять его на будущее время одиноким в его трудах, а по мере сил и возможности интересоваться также и самими делами общины.

Община, живя около своего храма, живет полною семейной жизнью. Она храмом пользуется не только как местом для молитвы, но также, и даже главным образом, как местом семейного объединения, местом объединения для устройства своих семейных дел и общей дружной работы.

В древности при храмах общины содержали училища грамоты, приюты для воспитания сирот, богадельни для престарелых и больницы для врачевания заболевших членов общины. Ныне у нас ничего этого нет, а это очень красноречиво говорит о том запустении приходской жизни, до которого мы, христиане, опустились.

Надо стараться воскресить древнюю приходскую жизнь, и тогда мы будем достойны своего имени.

(Старообрядческая мысль. М., 1916. № 5. С. 345–351)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Из дела о регистрации общины
(ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 18)

16 АПР 192

18 АПР 192

СОВѢТЬ

Георгиевской Старообрядческой

ОБЩИНЫ

въ гор. Егорьевскѣ, (Рязанск. губ.).

Киръ Александръ
Епископу Рязанскому и Колодезскому

№ 11.20 Дел 1922 г.

№

Владыко Святый

30 апр/а скончался братъ о. Фристъ нашъ духовной и
незаведенной Церкви Фридрихъ Фридриховъ Земля. Потомъ
такого сына сына при настоящихъ условияхъ обществено-
церковной жизни настояще велика для насъ его окружка
вмѣстѣ, да и для всего старообрядчества въ цѣломъ -
что трудно сказать устно въ письмѣ. Въ касно-
сти наша Община съ его кончиной имѣла самаго
опытнаго брата, защитника и проповѣдника брата Фриста
имѣла адвоката, обвѣдчиваю о немъ съ насъ всѣмъ. Проче-
но въ конвоири слова переданъ все трудну, все знаніе, поке-
сеной нами концы; да въ нашу не какъ-то имѣемъ не имѣемъ
имѣться съ нимъ, что его нами здеи насъ, а когда это
самоніе оставиеть, и правда свершившаяся становитъ
самоніе величай, спрало становитъ за Общину; въ
будущемъ. Въ надежда мнѣ на Ваше Велѣніе и на
его величай въ нашемъ конвоири здѣсь и на Ваше
всѣмъ видѣть его.

бесценно. опасность. Встаю, если цунами ударит Агрозную, Русаицева, Акаитва и Аленина, будут оседают на стазор и мины и наемилво предовать священники тогда, когда от ода нужна нашему Главному пруду, но Священникам и нами Совету будут трудно работать. Ма никого не отказываем и не отказываем и меня в подобной просьбе, если мы, т.е. Совет и священники, находим возможным удовлетворить просьбу. Это фидна и знаис и сами пруды. Да же больше, мы допускаем от Шмидтиц и в то пруды, где сам свои Священник; но т.к. посещение не во время сами, иногда мы разном нападк правому Визу. Православии но в этом случае совсем невозможно иш и анжухево от Шмидтиц, немного тогда когда его пруды, но да не сами пруды ему имеют возможность только пруды. Из Советов в безоповидии от Шмидтиц, которая в у. Усильнаго 20/II и у. Пет-рушино 20/II. Поэтому, ^{в Санкт-Петербурге 19/II} ~~Шмидтиц~~ обращается к Вашему властному Авторитету за помощью в деле устроении отношений между нами Главным прудом и нашими священниками. Не надежде ли возможности уладить всеобщими, чтобы они не предовали амь как невозможного в наших же обязанностях. Мы и так получаем много требований, претензий, но как только касаются вопроса о помощи, так никому от этого дела никто у себя свои пруды.

На 5-е по Св. Павли Вакреесе в кедро с сама ринии Советом немалыми чинами ~~в~~ Крестном фуде по Заельно в. м. Кичина, что около дор. Селкаво, Ка-ней Общине Крайне несправедливо видеть Вась Виланко Священн во главе этого прударства, потому что он не имеет

просим принять наше предложение и не отказываться от участия
 в нем, о чем сообщите по телефону сего письма по адресу: Вроц-
 лавь, Ряс. ул. Московская ул. кв. №10 фин №3 Фреду Шуванову
 Якову. В своем экземпляре, чтобы вынести ее Вам прирав-
 нать к флагу, и. и. пав. от Мирая дн. архиепископ. судану
 пока сюда.

На Вроцлав уез. Св. Паста всеобщее добротное христианское
 на Краковиче. Меркельство всеобщее при участии Червиль Ручицева
 и Абрамова. Тогда Влатоприветливости, пароду дано есть
 много.

Во французском членстве наш Франк поистине комиссии
 по истреблению изживаемых изживаемых, а именно все изживаем
 и изживаем по смерти. Здесь же в частности отобразить уча-
 стие участия от нас, что "на наш Франк они особого
 внимания не имеют." Здесь же от нас же слышим дн.
 же, что "вместо дн. все изживаем". Таким образом про-
 фессор "Влатоприветливости" призыву из Рязань председателю изжива-
 емой комиссии. Это также инициатива нас, но качество нека-
 чественное дн.

Вопрос всеобщему молчанию за нас, француз-
 ский и Афинамировский Влатоприветливости.

Да всеобщему Влатоприветливости
 Афинамировский Влатоприветливости

Секретарь Ф. Шенк

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

(ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 18)

42/ Ваше преследование
Владимира Александрова!

Анонимное письмо к вам я получил, в котором вы предлагаете нам кандидатура священников в Егорьевский приход. Определенными вами кандидатурами я должен кому-то ответить, т. е. говорить Земле и членам церковного совета и некоторым видным прихожанам, большинство из них высказывались о принятии в Афанасия, но земля пригласилась в Егорьевский приход Рязани, если отг. Егорьев не согласится, то тогда будут вас просить о переводе к нам в Афанасия. У нас в Егорьевском в нашем приходе не стало таких людей, какими были раньше, которые заботились о церковности благочестивости.

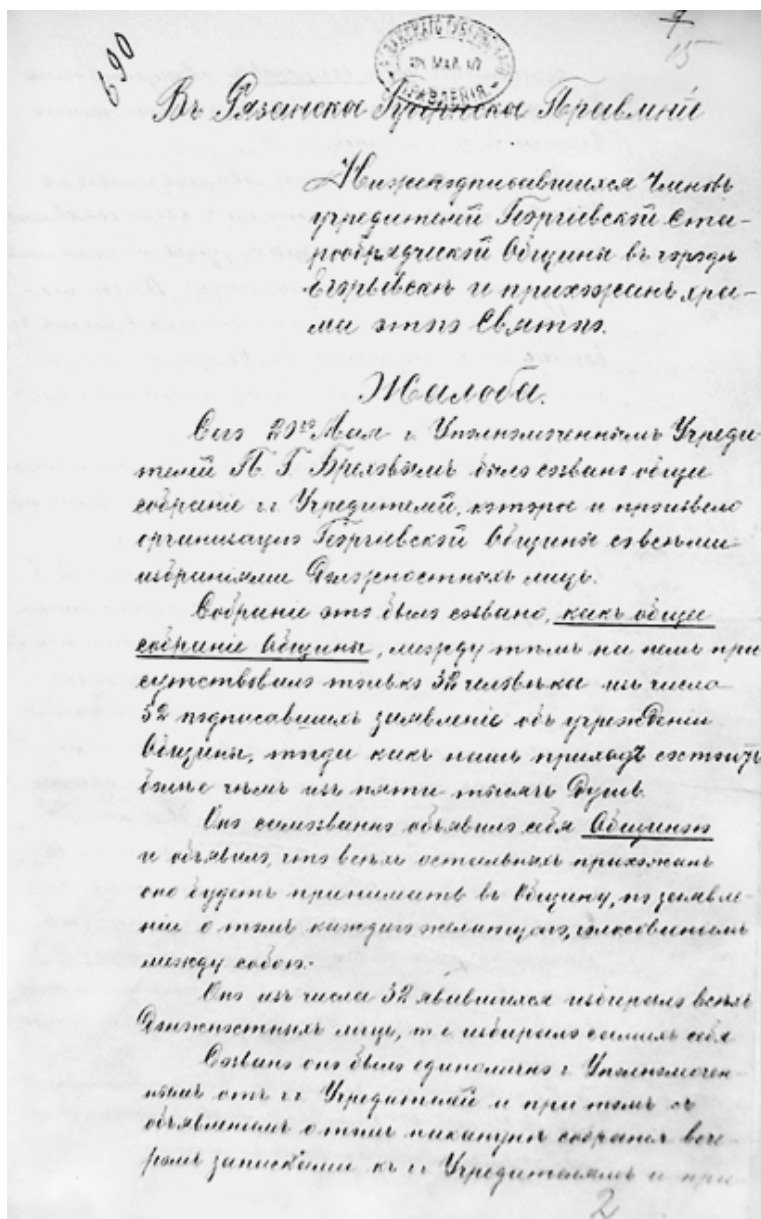
и Просимъ у него отпустить зрѣлому
 Судите и мнѣ съ сѣ еп. Геронтиемъ
 переписку, но покорнѣе всего прошу
 попроситъ его и тобы отъ себя отпустилъ,
 ибо я уже въ Сербскѣ приобрѣлъ
 много духовныхъ книгъ, что не было
 же въ мнѣ моего сужденія въ двухъ
 приходахъ, и какъ я бываю то мѣня
 въ Сербскѣ у Василіана въ прихо-
 деинъ, да не отъ многихъ похвалено
 отъ васъ слышалъ лично.

Пишетъ некогда, да и помяну
 нечего. Жизнь у насъ убогая.
 Голодъ, и свирепствуетъ страшная
 болѣзнь Тифъ, ^{отъ} которъ умираютъ
 всякой русской люди.

Спроси прощенья и
 Вашего свѣтлѣйшаго Благословенія
 21 мая Св. М. Судановъ
 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

(ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Т. 7. Д. 18)

судит. Наполеон-ские суждения были вынесены у
Франца и объявлены приложением к собранию.

4. Повторяем, что доказать, что мы бы-
ли когда либо приложены к собранию 1.1.48-
революции не имеет ни обязанности. Упомя-
нутого от ураза, но мы такого при-
ложения не получили и когда такое собрание
было не знаем.

Заключено "Ураза" и подписано
"Ураза" - вышло. 2. Вывод. Ура-
за. Евреуский Вулеус Максим
Фредово Колюмово

Крестьянин Александр
Акимов Акимов

Иван Гаврилович Иванов

Акимов Александрович Колюмово

Иван Максимович Колюмово
Акимов

Къ Вязанскаго Губернскаго правленія

Нископодписавшагося стародвѣрца,
прислѣдоваго свѣдѣствъ Губернаторской
и Гражданской Прокуратуры въ Воронежѣ.

Заявленіе

Я, нижеподписавшійся, именованный стародвѣрецъ
Губернскаго правленія, что я подписывалъ прокъ
протѣста собранія дворянъ-уезднаго уезднаго
Торжескаго-Стародвѣрскаго дворянства въ городѣ
Воронежѣ, бывшаго 29 мая №, явля въ Государствен-
ныя дворянскія на это именованное село уезднаго
землемѣра города Воронежска, отъсраженнаго
Землемѣра, который, какъ содѣлаю уезднаго Губернскаго
правленія позволенія сего прокъ протѣста
и шуръ на собраніи вышеказаннаго дворянства,
бывшаго 29 мая №. Вѣра сего иаслѣдъ, что
собраніе было несправильно, я похрился прокъ
своею подписью, но иныя узнать, что все было
справильно и законно, а по этому иаслѣдъ
являю заявленіемъ прокъ Губернскаго правленія
подпись мою подъ протѣста 29 мая № не имѣю
дѣйствительной и вѣсѣтъ съ сего заявленія,
что собраніе дворянъ-уезднаго уезднаго
Торжескаго-Стародвѣрскаго дворянства и прокъ
знаю правильные и законныя составившагося.
Число уезднаго дворянства Николая Николаевича Волкова.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

183

ВЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПРАВЛЕН -
НІЕ

Егорьевскаго купца Петра Григорьевича
Брахова, живущаго въ г. Егорьевскѣ, Ря-
занской губер. въ своемъ домѣ.

ПРОШЕНІЕ

Представляя при семъ проектъ съ копіей на предполага-
емую мною постройку каменной колокольни и надстройки дере-
вяннаго трибуна съ главами и восстановкою на нихъ Св. Кре-
стоу на существующемъ Старообрядческомъ молитвенномъ домѣ
въ городѣ Егорьевскѣ, Рязанской губерніи, я покорнѣйше
прошу Рязанское Губернское Правленіе разрѣшить мнѣ испра-
шиваемыя постройки и выдать на этотъ предметъ представлен-
ный мной и утвержденный Губернскимъ Правленіемъ проектъ.

*По довѣренности Егорьевскаго купца
Петра Григорьевича Брахова, крест-
ный Московской губ. Бронниц-
каго уезда, Куликовской волости,
деревни Кокузевой, Александръ
Ивановичъ Брилляинъ* 189
6

7 февраля 1906 года.

*При семъ прилагается копія
моей довѣренности съ Брилляинъ*

С.С. Михайлов

СТАРОВЕРИЕ ЕГОРЬЕВСКОГО КРАЯ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

Егорьевского уезда

Рязанской губернии в XIX–XX вв.

(Библиотека альманаха «МЕЩЁРА-край»)

Редакторы А.Б. Жильцов, В.Е. Чернеев
Компьютерная вёрстка М.Л. Разумовой

Тираж 150 экз.
Подписано в печать 13 мая 2013 г.

«Русская деревня»

Редкая и малотиражная литература

Тел. (495) 650-60-31

www.hamlet.ru